

Старостин С. А.

АЛТАЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Введение.

К алтайской семье традиционно относят тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, а также (но с несколько большим сомнением) корейский. Принадлежность к алтайской семье также и японского языка до сих пор находится под вопросом, хотя эта теория имеет своих активных сторонников.

Меня первоначально занимала лишь проблема внешних связей японского языка, и с самого начала теория его принадлежности к алтайской семье представлялась наиболее вероятной. Однако на пути доказательства алтайского происхождения японского языка встает одно весьма существенное препятствие: не прекращающиеся споры о существовании самой алтайской семьи как генетического единства языков. Действительно, если тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский языки не связаны между собой генетически, то вопрос об "алтайском" характере японского языка автоматически снимается. В таком случае можно обсуждать лишь проблемы связи японского с какой-либо одной из перечисленных лингвистических единиц или же - проблему вхождения японского вместе со всеми перечисленными языками в более древнюю ностратическую семью на правах отдельной подгруппы¹; наконец, можно вообще оспаривать континентальные связи японского языка и пытаться доказать его принадлежность, например, к австронезийской семье. Так или иначе, "алтайская проблема" и ее негативное или позитивное решение является совершенно неизбежной предпосылкой вопроса о внешних

¹ Автор является сторонником ностратической теории, всесторонне обоснованной в трудах В. М. Иллич-Свитыча. Согласно этой теории, алтайские языки вместе с уральским, индоевропейскими, дравидийскими, картвельскими и афразийскими (семито-хамитскими) входят в одну макросемью, названную В. М. Иллич-Свитычем (вслед за Х. Педерсоном) ностратической. Некоторые детали ностратической теории, конечно, можно оспаривать, но в целом она представляется нам уже вполне убедительно доказанной.

связях японского языка.

Как известно, для констатации генетического родства двух или более языков необходимы следующие условия:

1) наличие между этими языками системы регулярных фонетических соответствий;

2) наличие достаточно большого количества совпадающей базисной лексики, на множестве которой выполняются упомянутые регулярные фонетические соответствия;

3) желательно также наличие достаточно большого числа совпадающих грамматических морфем, на множестве которых также выполняются регулярные фонетические соответствия.

Последнее условие, впрочем, в общем случае не является необходимым и достаточным: во-первых, известно, что в грамматических морфемах довольно часто нарушаются регулярные фонетические соответствия; во-вторых, существуют языковые семьи с исключительно неустойчивой морфологией (например, изолирующие сино-тибетские языки и т.п.).

Историческая морфология алтайских языков разработана довольно подробно (см. обзор [Баскаков, 1981, 56-93]). Известны многочисленные морфологические и синтаксические параллели, объединяющие все алтайские языки (включая корейский и японский); глубинная структурная близость этих языков также не вызывает никаких сомнений. Однако, как говорилось выше, этот момент не является определяющим при рассмотрении их генетических связей. В данной работе я, поэтому, не буду рассматривать морфологию, а остановлюсь лишь на фонетических и лексических проблемах. Предлагаемая работа состоит, таким образом, из трех частей:

(1) Фонетические соответствия между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками.

(2) Лексикостатистика (на материале этих языков).

(3) Проблема генетической принадлежности японского языка.

В приложении я привожу результаты лексикостатистического обследования алтайских языков (включая корейский и японский), а также фрагмент этимологического словаря алтайских языков (корни, содержащиеся в контрольных лексикостатистических списках). Следует сказать, что все приложение представляет собой распечатку компьютерной базы данных по алтаистике, составленной автором в рамках лингвистического пакета программ STAR (для персональных компьютеров), специально разработанного мною в 1988-1989 гг. для

целей лексикостатистики и обработки больших лексикографических массивов. Система STAR использовалась также для подготовки к печати всего текста настоящей работы.

Пользуюсь случаем выразить благодарность Ю. Х. Сирку и Е. А. Хелимскому, ознакомившимся с работой в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний, и особую признательность О. А. Мудраку и А. В. Дыбо за многочисленные обсуждения и помощь, оказанную на всех этапах работы.

Глава I

Фонетические соответствия между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и корейским языками

Консонантизм.

В классическом труде Н. Поппе [Porre, 1960] исходная пратюркская система консонантизма восстанавливается так:

p	b	m		
t	d	n	r ₁ , r ₂	l ₁ , l ₂
k	g	ŋ		
č	ǰ	ń	s	j

т.е. насчитывает 18 фонем.

Соответствия устанавливаются следующие:

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*p	(*h-) > 0-, p	*p- > ср.-мо. h-, п.-мо. 0- *p- > -b-/-γ-(-0-)	*p-, p	p-, ph-, p(=b)
*b	*b-, b ²	*b, -b-/-γ- (-0-)	*b-, w	p-, w

² Хотя в древнетюркском имелись звонкие инлаутные b, d, g, многие исследователи предпочитают восстанавливать на их месте в пратюркском спиранты (сонанты) *v, *δ, *γ (см. например [Щербак 1970,96-97]), мотивируя такую реконструкцию отсутствием в пратюркском фонологической оппозиции глухих и звонких согласных. Этот тезис, однако, является спорным (см. с. 5-10), и мы предпочитаем - исходя из древнейшего зафиксированного

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*m	*b-, m	*m-, m	*m-, m	m-, m
*t	*t-, t	*t, *č (перед *i, *i), -d (в аус- лауте и конце слога)	*t-, t	t-, th-, t(h)
*d	*j-, d	*d, *ž (перед *i, *i)	*d-, d	t-, t (=d)
*n	*j-, n	*n-, n	*n-, n	n-, n
*r ₁	*-r-	*-r-	*-r- ³	-l- (=r-)
*r ₂	*-r ₂ - (=r̄-) ⁴	*-r-	*-r-	-l- (=r-)

тюркского языкового состояния - реконструкцию ин- и ауслаутных звонких взрывных. О реконструкции анлаутного *b см. стр. 9 и примеч.11.

³ Предположение Поппе [Porre 1960, 74] о том, что в ТМ на месте *l₁ может выступать r, по-видимому, ошибочно (надежные примеры такого рода отсутствуют). Точно так же нет оснований для утверждения о том, что *r₁ иногда дает в ТМ l [Porre 1960, 78].

⁴ Вопрос о реконструкции пратюркских *-r₂- (-r̄-) и -l₂ (-l̄-) является одним из самых дискуссионных в тюркологии. Еще в 1923 г. Г.Рамстедт [Ramstedt 1923] выдвинул теорию, согласно которой в пратюркском необходимо восстанавливать особые фонемы *r̄ и *l̄, отражающиеся как r и l в чувашском, но как z и š в древнетюркском и прочих тюркских языках (в некоторых языках с более поздними модификациями, например, z > башк., туркм. δ, тув., як., хак. s /в ауслауте/ и т.п.). В прочих алтайских языках, как видно по таблице, тюркским *r̄ и *l̄ неизменно соответствуют плавные r и l, что является сильным аргументом в пользу реконструкции Рамстедта.

Однако впоследствии многие авторы отнеслись к реконструкции *r̄ и *l̄ скептически. Одним из противников "зетацизма" и "сигматизма" в тюркских языках является А. М. Щербак, подробно рассмотревший в своей книге [Щербак 1970, 83-88] эту проблему. Тезис А. М. Щербака сводится к тому, что в пратюркском якобы существовали особые аллофоны спирантов *s и *š в положении после первичных долгих гласных; в этой позиции *s впоследствии повсеместно озвончился, а в болгарском (> чувашском) *s и *š перешли в плавные r и l. Такое объяснение вызывает сомнение уже постольку, поскольку озвончение после долгих гласных свойственно только огузским языкам (см. Ряснен 1955, 128-129), а в данном случае приходится предполагать этот процесс для всех тюркских языков. Однако это соображение, конечно, нельзя считать главным контраргументом (в конце концов, позиционное озвончение могло затронуть лишь подсистему глухих спирантов). Основным возражением против концепции А. М. Щербака является тот факт, что предлагаемое им позиционное распределение никак не подтверждается реальным языковым материалом. Даже в том материале, который приводится автором на с.

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*l ₁	*-l-	*-l-	*-l-	-l- (=r-)
*l ₂	*-l ₂ - (=Í-)	*-l-	*-l-	-l- (=r-)
*k	*q-/k-, -q-/k-	*q-/k-, -q-/k- ~ -G-/g-, -G-/g-	*k ⁻⁵ , k	k-, k (=g)
*g	*q-/k-, -γ-/g-	*G-/g-, -G-/g-/γ-	*g ⁻⁶ , g	k-, k (=g)/h
*ŋ	*-ŋ-	*-ŋg-/γ-, -ŋ	*-ŋ-	-ŋ-
*č	*č-, č	*č-, -č-, -s	*č-, č	č, čh

86-87, достаточно примеров на общетюркские *r̄ и *Í после кратких гласных (ср. чув. ir- 'мять, давить' : туркм. äð-: тур. ez-; чув. rägu 'теленос' : туркм. bu-
daw : тур. buzaŋi; чув. śir- 'писать' : туркм. jað- : тур. jaz-; чув. tar- 'убегать' :
туркм. täð-; чув. tir- 'нанизывать' : туркм. düð- : тур. diz-; чув. türë 'прямой' :
туркм. düð 'равнина' : тур. düz; чув. ilt- 'слышать, слушать' : туркм. äšit-; чув.
tol 'вне, наружный' : туркм. daš). Число этих примеров можно еще значи-
тельно увеличить.

Таким образом, свести пратюрк. *r̄ и *Í до положения аллофонов
каких-либо других фонем не удастся. Остается вопрос об их фонетической
реализации в пратюркском. Факт довольно частых чередований *r̄/*r, *Í/*I
(случаи типа др.-тюрк. köz 'глаз' : kö- 'видеть, смотреть', köli-t-/köši-t- 'зате-
мнять, затенять' и т.п.) является сильным аргументом в пользу их r-образной
и l-образной артикуляции соответственно. Весьма существенные аргументы (в
частности, факт нейтрализации пар *r̄/*r̄ и *Í/*Í в сочетаниях согласных) при-
ведены также в работе Е. А. Хелимского [Хелимский 1985]. Но, конечно, точ-
ная фонетическая характеристика пратюркских *r̄ (r₂) и *Í (l₂) остается пока
неясной.

⁵ Вряд ли можно согласиться с утверждением Поппе [Porre, 1960, 16]
о наличии в тунгусо-маньчжурском переходе *k->g- перед последующим r.
Это правило обосновывается тремя примерами [там же, с.18], из которых в
одном (ма. Garu 'лебедь' : др.-тюрк. qaz 'гусь') можно восстанавливать и *g-;
второй пример (эвенк. gogo : мо. qola 'далекий') следует, видимо, отвергнуть
(из-за нерегулярности -r- : -l-); третий пример (мо. qarbu- 'стрелять': эвенк.
garra-) может быть и заимствованием.

⁶ Поппе [Porre, 1960, 24] постулировал в тунгусо-маньчжурском пе-
реходе *g->*ŋ- перед последующими сонорными ŋ, l или r. Однако наиболее
известный пример такого перехода (мо. Gar 'рука' : эвенк. ŋāla 'рука' : ср.-тюрк.
qarī 'локтевая часть руки'), по-видимому, следует отвергнуть из-за отсутствия
соответствия тюрк., мо. r : ТМ l. В других случаях подобного соответствия речь,
по-видимому, идет о переходе исконного праалтайского анлаутного *ŋ > мо.
g- перед передними гласными (сюда относятся случаи типа мо. gerel 'луч',
gere 'блеск' при эвенк. ŋāgī 'свет' и т.п.). Об анлаутном *ŋ см. с. 17-18.

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*ž	*j	*ž	*ž ⁷	č-, č (=ž)
*ń	*j-, ń	*n-, n	*ń-, ń	n-, *ń ⁸
*s	*s-, s	*s-, s	*s-, s	s-/h-, s ⁹
*j	*j-, j	*j-/0 (перед *i, *i), -j-/-y-	*j-, j	j- (0), -j-

В постулируемую в трудах Г. Рамстедта и Н. Поппе систему праалтайского консонантизма в настоящее время необходимо внести некоторые модификации.

(1) В. М. Иллич-Свитыч в двух работах [Иллич-Свитыч, 1963; Иллич-Свитыч, 1965] предложил восстанавливать в пратюркском в анлауте противопоставление глухих/звонких смычных дентальных и велярных согласных на основании следующих соответствий:

⁷ Поппе [Porre 1960, 27] предполагал в тунгусо-маньчжурском переход *ž- > *n- перед последующим (закрывающим слог) г. Это правило держится на одном примере: мо. žigu- 'рисовать' : др.-тюрк. jaz- 'писать', чув. šir- id. : ма. niḡu 'рисовать'.

Однако в ТМ, кроме корня *niḡu- 'рисовать' (ТМС 1, 600) есть и корень *žur(i)- 'чертить, царапать' (ТМС 1, 278). Последний, по нашему мнению, прямо соотносится с мо. žigu- и с тюрк. *dir-ŋa- 'царапать' (см. VEWT 479, ЭСТЯ 3, 345 и сл.); о соответствии тюрк. d : мо. d/ž : ТМ *ž см. с. 13.

Что касается ТМ *niḡu- 'рисовать', то этот корень, вместе с тюрк. jaŋ- (ср. еще ср.-кор. niḡu-, niḡ-k- 'читать') можно возвести к общеалтайскому *niḡu 'чертить, рисовать'.

Таким образом, предположение о развитии *ž > ТМ *n, по-видимому, необосновано.

⁸ Поппе не приводит соответствий для корейского. М. Ряснен [Räsänen 1955, 27] указывает на отражение исконного *-ń- в корейском как -0- (с удлинением гласного) или i. Реально здесь уже в среднекорейском была фонема -ń- в интервокальном положении (впоследствии выпавшая, но перешедшая в -s- в ряде диалектов), но -j (-i) в ауслауте.

⁹ Поппе [Porre 1960, 64] предполагает в корейском переход интервокального *-s- > *-h- > -0-. Реально для такого правила как будто бы нет оснований. Все известные нам надежные примеры указывают на сохранение -s- в корейском: ср. ср.-кор. sasām 'олень' при ТМ *sāsīn 'табуң, стадо (олений)'; ср.-кор. rāsā- 'разбивать на части, вдребезги' при ТМ *rasī 'часть, кусок' и др. Напротив, в анлауте примеров на развитие *s- > h- довольно много, хотя причины двойного рефлекса (s- ~ h-) пока не вполне ясны.

ПТ	огуз.(тур.,гаг.,аз.,туркм.)	тув.-караг.
*t-	t-/d-	t-/d-
*d-	d-	d-
*k- (у Иллич-Свитыча *k`-)	k-/g-	х-,k`-/k-
*g-	g-	k-

Точку зрения В. М. Иллич-Свитыча подверг обстоятельной критике А. М. Щербак [Щербак 1970, 90-95]. Он показал, что прямой корреляции огузских и тувинских фактов не существует, и выдвинул предположение, что как в тувинском, так и в огузских языках происходил процесс ослабления начальных глухих согласных, затронувший, однако, не всю лексику равномерно. Однако утверждение А. М. Щербака, что "слова с начальными глухими (сильными), с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми) с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков" [Щербак, 1970], по-видимому, не соответствует действительности. Анализ даже того материала, который приведен в работе А. М. Щербака, показывает, что внутри огузских языков наблюдаются вполне регулярные соответствия между азербайджанским и туркменским языками.

1) Аз. t- : туркм. t-

Аз. tabaG : туркм. tābak 'блюдо'; аз. tojuG : туркм. towuq 'курица'; аз. tani- : туркм. tani- 'знать'; аз. tap- : туркм. tap- 'находить'; аз. tāz- : туркм. ted- 'убегать', 'скрываться'; аз. tākā : туркм. tākā 'козел'; аз. tülkü : туркм. tilki 'лиса'; аз. toz : туркм. tōd 'пыль'; аз. toχmaG : туркм. toqmaq 'колотушка'; аз. toχta- : туркм. toχta- 'останавливаться'; аз. toj : туркм. toj 'свадьба', 'пир'; аз. topraG : туркм. topraq 'земля', 'почва'; аз. toruG : туркм. toruq 'коленная чашечка'; аз. tut- : туркм. tut- 'держат'; аз. tük : туркм. tūj 'волосок', 'шерсть'.

Во всех этих случаях турецкий также имеет t- (тур. tabak, tawuk, tani-, teke, tilki, toz, tokmak, toj, toprak, topuk, tut-, tūj). Ср. еще тур. tawuř : туркм. towuř 'звук'; тур. torun : туркм. tōrum 'верблюжонок'; тур. tün : туркм. tün 'ночь', 'вечер'.

2) Аз. d- : туркм. d-

Аз. daban : туркм. dāban 'подошва'; аз. daу : туркм. dāG 'гора'; аз. dajan- : туркм. dajan- 'опираться'; аз. damar : туркм. damar 'кровеносный сосуд'; аз. damži : туркм. damža 'капля'; аз. daη : туркм. daη 'заря', 'рассвет'; аз. dar : туркм. dār 'узкий'; аз. daga- : туркм. daga- 'расчесывать'; аз. dart- : туркм. dart- 'тянуть'; аз. dař : туркм. dāř 'камень';

аз. daš-: туркм. dāš- 'переливаться через край'; аз. de: туркм. dij- 'говорить'; аз. dāwä : туркм. düje 'верблюд'; аз. dāj- : туркм. deg- 'трогать'; аз. dämir : туркм. demir 'железо'; аз. deš- : туркм. deš- 'пробивать дыру'; аз. dārin : туркм. deḡin 'глубокий'; аз. dib : туркм. düjr 'дно'; аз. dinlä-: туркм. dinle- 'слушать'; аз. dirnaG : туркм. dirnaq 'ноготь'; аз. diz : туркм. dđ 'колени'; аз. diš : туркм. diš 'зуб'; аз. dišari : туркм. daš 'внешний'; аз. düz-: туркм. düd'нанизывать'; аз. dil : туркм. dil 'язык'; аз. dil-: туркм. dil- 'резать пластинами'; аз. dilä-: туркм. dile- 'желать'; аз. doGGuz : туркм. doqud 'девять'; аз. dol- : туркм. döl- 'наполняться'; аз. dolü туркм. dōli 'град'; аз. don : туркм. dōn 'халат'; аз. don : туркм. don 'мороз'; аз. döl : туркм. döl 'зародыш', 'детеныш'; аз. dön- : туркм. dön- 'поворачиваться'; аз. döš : туркм. döš 'грудь животного'; аз. döšä-: туркм. düše- 'расстилать'; аз. dörd : туркм. dört 'четыре'; аз. dul : туркм. dul 'вдова'; аз. dur- : туркм. dur- 'стоять'; аз. duz : туркм. düd 'соль'; аз. duzaG : туркм. duḡaq 'петля'; аз. durna : туркм. durna 'журавль'; аз. düš- : туркм. düš- 'падать'; аз. dünän : туркм. dün 'вчера'; аз. dür- : туркм. düir- 'сворачивать'; аз. düj- : туркм. düw- 'завязывать узлом'.

В этих случаях турецкий также имеет, как правило, d, ср.: day 'гора', dajan- 'опираться', damar 'жила', damla 'капля', dar 'узкий'; di- ~ de- 'говорить', dewe 'верблюд', dej- 'трогать', 'касаться', demir 'железо', deš- 'пробивать дыру', derin 'глубокий', dir 'дно', dinle- 'слушать', diz 'колени', diš 'зуб', diš 'внешний', diz- 'нанизывать', dil 'язык', dil- 'резать пластинами', dile- 'желать', dokuz 'девять', dol- 'наполняться', dolu 'град', don 'халат', don 'мороз', döl 'зародыш', dön- 'поворачиваться', döš 'грудь', döše- 'расстилать', dört 'четыре', dul 'вдова', dur- 'стоять', düš- 'падать', dün 'вчера', dür- 'сворачивать', düj- 'завязывать узлом'. Ср. еще: аз. dāxi : тур. dahi 'также'; аз. dal- : тур. dal- 'остолбенеть'; аз. daz : тур. daz 'лысый'; туркм. dn-: тур. din- 'успокаиваться'; аз. did- : тур. dit- 'тербить'; аз. diši : тур. diši 'самка'; туркм. dōr : тур. dogu 'гнедой'; туркм. düjš : тур. düš 'сон'.

Есть, однако, небольшая группа слов, где турецкий имеет t- при туркм., аз. d-, ср.: taban 'подошва' (аз. daban, туркм. dāban); tan 'заря' (аз. dan, туркм. dan); tara- 'расчесывать' (аз., туркм. dara-); tart- 'тянуть' (аз., туркм. dart-); taš 'камень' (аз. daš, туркм. dāš); taš- 'переливаться через край' (аз. daš-, туркм. dāš-); taši- 'перевозить' (аз. daši-); tirnak 'ноготь' (аз. dirnaG, туркм. dirnaq); tuz 'соль' (аз. duz, туркм. düd); tuzak 'петля' (аз. duzaG, туркм. duḡak); turna 'журавль' (аз., туркм. durna).

Легко заметить, что все перечисленные случаи соответствия

аз., туркм. d- и тур. t- наблюдаются перед задними гласными (a, i, u) и полностью отсутствуют перед передними гласными. Можно полагать, что исконный звонкий *d- в турецком (османском) подвергался спорадическому процессу оглушения перед задними гласными (аналогичный процесс привел к полной нейтрализации противопоставления глухих/звонких велярных в этой же позиции, см. ниже); во всяком случае, согласное свидетельство азербайджанских и туркменских данных позволяет рассматривать ситуацию в турецком как вторичную.

Итак, схема соответствий анлаутных дентальных в огузских языках имеет следующий вид:

п.-ог.	аз.	тур.	туркм.
*t-	t-	t-	t-
*d-	d-	d-/t-	d-

(В тур. *d- > d-/t- перед задними гласными, d- перед передними гласными).

Из данного правила есть всего несколько исключений (по материалам А. М. Щербака): аз. daј, тур. тај, туркм. тај 'жеребенок'; тур. dal : аз. täl 'талник', 'ветвь'; аз. tän : тур., туркм. deң 'одинаковый'; аз. täp- : тур. tep- : туркм. dep- 'лягать'; аз. tär : тур. ter : туркм. der 'пот'; аз. dār- : тур. derle- : туркм. fīr- 'собирать'; аз. tixa- : тур. tīk- : туркм. dīq- 'втыкать'; аз. tōk- : тур., туркм. dōk- 'лить', 'сыпать'; аз. dājirmi : тур. deјirmi : туркм. tegelek 'круглый'; аз. tōrä- : туркм. dōge- 'рождаться'; тур. duјnak : туркм. toјnaq 'копыто'; аз. tuš-gäl- : туркм. dūš- 'встречаться'. Эти отклонения (их всего 12 при 23 регулярных примерах на *t- и 57 регулярных примерах на *d-) могут объясняться разными причинами, в частности, междиалектными заимствованиями. Во всяком случае, наличие исключений вряд ли может поставить под сомнение общее правило, сформулированное выше.

В целом аналогичная ситуация выявляется при анализе огузских анлаутных велярных k- и g- с тем только отличием, что перед задними гласными во всех огузских языках произошла, по-видимому, ранняя нейтрализация противопоставления по глухости/звонкости. В результате в современных огузских языках имеем перед задними гласными всегда единообразные рефлексy (аз., туркм. G-, тур. k-). Но перед передними гласными устанавливаются вполне регулярные соответствия:

- 1) Аз. k- : туркм. k-.

Аз. kešä : туркм. keşe 'войлок'; аз. keşik 'стража', 'охрана' : туркм. keşik 'забота'; аз. käläz : туркм. kelpeze 'ящерица'; аз. kälän : туркм. kelek 'безрогий', 'комоль'; аз. käklik : туркм. kākilik 'куропатка'; аз. kāräk : туркм. керек 'отруби'; аз. kārpiž : туркм. kerpič 'кирпич'; аз. kāsäk : туркм. kesek 'комок'; аз. kāsär : туркм. keser 'режущее орудие, нож'; аз. kās- : туркм. kes- 'резать'; аз. kim : туркм. kim 'кто'; аз. kir : туркм. kir 'грязь'; аз. kiriš : туркм. kiriš 'тетива'; аз. kiršan 'пудра'; туркм. kiršan 'пыль'; аз. kičik : туркм. kiči 'маленький'; аз. kiši : туркм. kiši 'мужчина'; аз. köz : туркм. kōz 'пылающие угли'; аз. köjnäk : туркм. köjneк 'рубашка'; аз. kök : туркм. kök 'корень'; аз. kökä : туркм. kōke 'вид лепешки'; аз. kölä : туркм. kōle 'раб'; аз. kölge : туркм. kölege 'тень'; аз. kömäк : туркм. kömek 'помощь'; аз. kömür : туркм. kömür 'уголь'; аз. könüл : туркм. köñül 'сердце', 'душа'; аз. köрюк 'пена': туркм. köryük; аз. köгрä : туркм. kögre 'малыш', 'младший'; аз. köрпü : туркм. köpri 'мост'; аз. köрюк : туркм. kōryük 'кузнечный мех'; аз. kötäк : туркм. kötek 'удар', 'взбучка'; аз. köšek : туркм. kōšek 'верблюжонок'; аз. kükrä- : туркм. kükre- 'сердиться', 'возбуждаться'; аз. küл : туркм. kül 'пепел', 'зола'; аз. küпž : туркм. küпžek 'угол'; аз. küгäк : туркм. kürek 'лопата'; аз. күт : туркм. күтек 'тупой'.

В этих случаях турецкий также регулярно имеет k-, ср. keşe 'войлок', керек 'отруби', kesek 'комок', kes- 'резать', kim 'кто', kir 'грязь', kiriš 'тетива', küçük 'маленький', kiši 'человек', kök 'корень', köle 'раб', kömür 'уголь', köryük 'пена', köргü 'мост', köryük 'кузнечный мех', küл 'зола', kürek 'лопата', kälär 'ящерица', kirpiž 'кирпич', kömek 'помощь', kögre 'новорожденный ягненок', keklik 'куропатка'. Не соответствуют только gömlek 'рубашка' (аз. köjnäk, туркм. köjneк), gölge 'тень' (аз. kölge, туркм. kölege) и gönül 'сердце', 'дух' (аз. könüл, туркм. köñül).

2) Аз. g- : туркм. g-

Аз. geј- : туркм. geј- 'надевать'; аз. gen : туркм. gēn 'широкий'; аз. geсčäk 'верный' : туркм. geсček 'удалой', 'смелый'; аз. geт- : туркм. git- 'идти', 'уходить'; аз. gež : туркм. gīč 'поздний'; аз. gežä : туркм. gīže 'ночь'; аз. gäz 'зарубка': туркм. ged 'мера длины'; аз. gäz- : туркм. ged- 'ходить', 'гулять'; аз. gäјir- : туркм. gāgir- 'рычать'; аз. gälin : туркм. gelin 'невестка'; аз. gäl- : туркм. gel- 'приходить'; аз. gämi : туркм. gāmi 'корабль'; аз. gämir- : туркм. gemir- 'грызть'; аз. gänä : туркм. gāne 'клец'; аз. gänäš- : туркм. geңeš- 'советоваться'; аз. gäräk : туркм. gerek 'нужно'; аз. gär- : туркм. ger- 'растягивать'; аз. gätir- : туркм. getir- 'приносить'; аз. gizlä- : туркм. gidle- 'прятать'; аз. gileј : туркм. gile 'жалоба'; аз. gir- : туркм. gir- 'входить'; аз. gižik : туркм. gīzi 'зуд'; аз. göbäk : туркм. göbek

'пуп'; аз. gödäk : туркм. gödek 'короткий'; аз. göz : туркм. göz 'глаз'; аз. gözä- : туркм. göze- 'штопать'; аз. gözlä- : туркм. gözle- 'ждать', 'стеречь'; аз. göj : туркм. gök 'небо', 'синий'; аз. göjüş : туркм. gāwüş 'жвачка'; аз. gön : туркм. gön 'кожа', 'шкура'; аз. göndär- : туркм. gönder- : 'посылать'; аз. gör- : туркм. gör- 'видеть'; аз. güwä : туркм. güje 'моль'; аз. gül- : туркм. gül- 'смеяться'; аз. gün : туркм. gün 'день'; аз. günäş : туркм. güneş 'солнце'; аз. günü : туркм. günü 'новая жена'; аз. güž : туркм. güjč 'сила'.

В этих случаях турецкий регулярно имеет g-, ср. gij- 'надевать', geniş 'широкий', gerçek 'верный', git- 'уходить', geç 'поздний', gece 'ночь', gez 'наконечник стрелы', gez- 'гулять', geçir- 'рыгать', gelin 'невестка', gel- 'приходить', gemi 'корабль', gerek 'нужно', ger- 'растягивать', getir- 'приносить', gizle- 'прятать', gir- 'входить', göbek 'пуп', göz 'глаз', güzel 'красивый', gözle- 'ждать', gök 'небо', 'синий', gewiş 'жвачка', gön 'шкура', gönder- 'посылать', gör- 'видеть', güwe 'моль', gül- 'смеяться', gün 'день', güneş 'солнце', güç 'сила'. Отклоняются только: kemir- 'грызть' (аз. gämig-, туркм. gemig-) и kene 'клещ' (аз. gänä, туркм. gāne).

Нерегулярных соответствий между азербайджанским и туркменским очень мало: аз. keçi : туркм. geçi (тур. keçi) 'коза'; аз. keç- : туркм. geç- 'переходить' (тур. geç-); аз. köks : туркм. göwüs (тур. göyüs) 'грудь'; аз. körür- 'сильно раздражаться' : туркм. güber- 'распухать', 'важничать'; аз. köç- 'кочевать' : туркм. göç- (тур. göç-); аз. küçük : туркм. güžük 'щенок'; аз. göl : туркм. köl 'озеро' (тур. göl); аз. gümüš : туркм. kümüş (тур. gümüş) 'серебро'.

Итак, схема соответствий анлаутных веларных в огузских языках имеет следующий вид:

п.-ог.	аз.	тур.	туркм.	
*k-	k-	k-	k-	(33 примера)
*g-	g-	g-	g-	(37 примеров)

Отклоняются (по-видимому, в результате старых междиалектных заимствований) всего 13 примеров.

В системе лабиальных противопоставление *p - *b по огузским данным реконструировать невозможно¹⁰.

¹⁰ В. М. Иллич-Свитыч восстанавливал в общетюркском противопоставление *p - *b на основании данных юго-восточных (и спорадически также огузских, кыпчакских и тувинского) языков (см. ОСНЯ 1, XIII-XIV). Однако эта теория нуждается еще в основательной проверке.

Таким образом, можно считать, что в праогузском систематически различались начальные звонкие и глухие согласные. Представляется вполне правомерным перенести эту реконструкцию и в пратюркское состояние (так, кстати, поступает обычно в своем словаре и Дж. Клосон, см. EDT). Не различались только анлаутные р- и b-, нейтрализованные в одной фонеме *b⁻¹¹. Отсутствуют также противопоставление глухого *č и звонкого *ž.

Отсутствие фонемы *ž в пратюркском (исторически объясняющееся переходом *č > d и *ž > j, см. ниже) частично компенсировалось, видимо, возможностью факультативной артикуляции анлаутного *j- как *ž- или *č⁻¹². Этой особенностью о.-тюрк. *j-. видимо, объясняются специфические рефлексы во многих языках (ср. кирг.ž- каз. ž-, тув., хак. č-, як. s-, чув. ś-, в прочих языках j-).

Реконструкция глухих и звонких начальных согласных в пратюркском заставляет пересмотреть традиционную схему соответствий анлаутных смычных в алтайских языках. Этот пересмотр был начат В. М. Иллич-Свитычем [Иллич-Свитыч, 1963; Иллич-Свитыч, 1965] (ОСНЯ I, XIII-XIV). В работе "Алтайские дентальные: t, d, δ" [Иллич-Свитыч, 1963] В. М. Иллич-Свитыч предложил следующую схему соответствий для алтайских анлаутных дентальных:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ
*t'	*t	*t	*t
*t	*d	*d	*d
*d	*j	*d	*d

¹¹ В отличие от А. М. Щербака, восстанавливающего пратюрк. *p- (см. [Щербак, 1970, с.93, 163]) в силу общей особенности его реконструкции, не допускающей звонких смычных, мы предпочитаем восстанавливать *b- по согласному свидетельству древнетюркских и огузских данных.

¹² Реконструкция А. М. Щербаком на месте j- межзубного спиранта *ʒ [Щербак, 1970, 159-160] представляется очень маловероятной (рефлекс ʒ- в каком-либо тюркском языке отсутствует). Она основана на факте дополнительного распределения начального j- и срединного δ, которые А. М. Щербак счел одной фонемой. Однако вместо δ следует, по-видимому, восстанавливать *d (см. примеч. 2) и считать этот *d той же фонемой, что и анлаутный *d-. Второе соображение А. М. Щербака - существовавший в пратюркском запрет на анлаутные сонорные (традиционно восстанавливающийся *j - единственный анлаутный сонорный согласный) объясняет причину факультативной артикуляции пратюркского *j- как *ž- ~ *č-. Фонологически пратюркскую систему вообще можно трактовать как систему с оппозицией *č - *ž, где ž факультативно реализуется как /ž ~ ž/ или как /j/.

Мы в целом принимаем эту же схему соответствий, хотя распределение тюркских слов по начальным *t- и *d- у нас несколько отличается от предложенного В. М. Иллич-Свитычем (см. выше)¹³.

¹³ Большой заслугой В.М.Иллич-Свитыча является обнаружение большой группы слов, в которых тюркский *d соответствует монгольскому и тунгусо-маньчжурскому d (см. [Иллич-Свитыч 1963, 45-48]), игнорировавшейся в традиционной алтаистике.

Большинство примеров на соответствие тюрк. *t- : монг., ТМ *t- [Иллич-Свитыч 1963, 48-50] также вполне приемлемы. Однако при предложенной нами интерпретации пратюркского консонантизма оказывается, что в ряде примеров тюркский на самом деле имеет *d-. Разберем эти примеры.

а) тюрк. *dāran (у Иллич-Свитыча *tāban) 'ступня, подошва' ~ монг.-письм. tabag. По-видимому, налицо либо ассимиляция *dārag > *tārag > tabag, либо заимствование из тюркской уменьшительной формы типа *dāran-ak с дальнейшим стяжением (ср. тув. tawanγai 'ступня' < *dāranak-aj при монг.-письм. tabaqai).

б) тюрк. *duruña(ja) (у Иллич-Свитыча *turuña) 'журавль' ~ монг.-письм. turag 'какая-то птица' (KW 411). Заметим, что в монг. это не 'журавль', а 'ворон' (ср.-монг. turaγun 'corbeau', см. XI 103). Данный корень должен сопоставляться не с тюрк. *duruña, а с тюрк. *toriga(j) 'какая-то птица' (жаворонок, дятел и др.) (см. VEWT 490) > монг.-письм. toγai название различных мелких птиц; далее ср. ср.-кор. tǎrk 'курица', др.-яп. tori (RJ tóri) 'птица'.

с) тюрк. dāt- 'пробовать на вкус', 'иметь (приятный) вкус' (у Иллич-Свитыча *tāt-) ~ монг.-письм. tačija- 'страстно желать'. Тюрк. *dāt- 'пробовать на вкус' трудно отделить от тюрк. *dāt-an- ~ *dāt-in- 'привыкать', 'приучаться' (см. ЭСТЯ, 3, 164), которое обычно (в том числе и в [Иллич-Свитыч 1963, 47]) сравнивается с монг.-письм. dasu- (<*dad-su-) 'привыкать', dadu-mag 'привычный'. Монг.-письм. tačija- 'страстно желать' в таком случае нужно считать тюркизмом (ср. тюрк. производную форму *dāti- > монг. *tati- > tačī-), как и тунгусо-маньчжурские формы типа эвенк. tat- 'привыкать' и пр. (см. ТМС 2, 170-171). Кор. that 'привычный', 'ручной', привлекаемое к этому корню в SKE 280 и [Porre, 1960, 13], видимо, не существует (имеется только that < ср.-кор. tas 'причина'). О вероятной исконной ТМ параллели для тюрк. *dāt-, монг. *dad- см. с. 13.

д) тюрк. *dař 'плешивый' ~ монг.-письм. tar 'голый', 'плешивый'. Скорее всего, монг. < тюрк. (ср. другие аналогичные случаи: монг.-письм. temür 'железо' при тюрк. *dämür ~ *dämür и пр.).

е) тюрк. *diř 'соль' ~ эвенк. turukä. Иллич-Свитыч отвергает традиционное сближение тюрк. слова с монг.-письм. dabusun 'соль'. На наш взгляд, это неправомерно: монг. dabusun вполне регулярно восходит к *dabur-sun, где *dabur- = тюрк. *diř. О вероятных исконных параллелях в ТМ и корейском

Следует еще несколько уточнить рефлексацию алтайских анлаутных дентальных в корейском. Среднекорейский имеет два анлаутных дентальных: *t-* и *th-*, и традиционно считается, что алт. **t-* > кор. *t-/th-*. Однако начальный *th-* (как и прочие придыхательные) в корейском является сравнительно новым звуком. В среднекорейском он встречается либо в заимствованиях из китайского, либо же происходит из *t-* под влиянием срединного *-h* (ср. случаи типа ср.-кор. *thă-ta* 'гореть' < **tahă-ta* при *tahi-ta* 'жечь', 'зажигать' и т.п.). В некоторых случаях *th-* возникает из **t-* в результате переноса придыхательности с последующего согласного, ср. ср.-кор. *thòp* 'ноготь', 'коготь' < **toph* (< алт. **t'ür'V*, ср. ТМ **tüp-ken* 'гвоздь', монг.-письм. *tuγur* < **tupur* 'копыто' etc., см. ниже, с. 92)¹⁴. Таким образом, нормальным рефлексом всех трех алтайских анлаутных дентальных смычных в корейском яв-

для тюрк. **diŋ*, монг. **dabuŋ-* - см. с. 13, 47. Эвенк. форма *turukä* 'соль', *turu-* 'солить' является изолированной (см. ТМС 2, 221); не исключено, что это старый тюркизм (ср. чув. *toğax* 'вид кислого молока' > венг. *turó* 'сыр' [Gombocz, 1912, с. 133] возможно, первоначально 'соленое').

f) тюрк. **dǒl* 'грудь, грудная часть' : маньчж. *tulu* 'грудь лошади'. Маньчж. слово также является изолированным (см. ТМС 2, 211) и не исключено заимствование из тюркского. По нашему мнению, вероятнее сопоставлять тюрк. **dǒl* с ТМ **žulē* 'перед, передняя часть' (в эвенк. также 'передок туши, окорок'), см. ТМС 1, 273-274. О соответствии тюрк. **d-* : ТМ **ž-* см. с. 13.

Особый случай - это тюрк. **dāl* 'камень' при монг. письм. *čilaγun* (< **tīla-γun*) id. При рассмотрении этого примера следует обратить внимание на два обстоятельства: 1) наличие в ТМ корня **žola* 'камень' со звонким **ž-* (предположение Поппе [Porre 1960, 77] о том, что ТМ < монг., невероятно); 2) отсутствие среди слов, соответствующих тюркским словам с **d-*, монгольских параллелей с палатализацией **d-* > *ž-*. Все это позволяет нам выдвинуть предположение о том, что исконный алтайский **t-* (> тюрк. *d-*, монг. *d-*) в случае палатализации перед последующими **i*, **i* давал в монгольском не звонкий **ž-*, но глухой *č-*; напротив, в ТМ палатализация в такой позиции приводила к возникновению нормального звонкого **ž-*. Точно такое же соответствие в материале В. М. Иллич-Свитыча представлено также в корне тюрк. **dik* 'прямой' (у Иллич-Свитыча **tik*) ~ монг. письм. *čike* 'прямой'; ср. еще ТМ **žik-* 'стройный' (ульч. *žik*, нан. *žikil*, см. ТМС 1, 256).

¹⁴ Следует заметить, что процесс аспирации начального *t-* (как и других согласных - *k*, *p*, *č*) в истории корейского языка был sporadическим, и охватывал не все возможные случаи (так, в слове *tatha* < ср.-кор. *tah-ta* 'трогать, касаться' аспирации *th-* не произошло). По-видимому, налицо результат диалектных взаимодействий.

ляется t- : ср. ср.-кор. tǰ 'тот' при монг. *te-, ТМ *ta- (алт. *t'V-), ср.-кор. tǎrk 'курица' при монг. *turaγ-, тюрк. *torigaj 'вид птицы', ТМ *turākī id. (алт. *t'/o/rV-kV); ср.-кор. tōrh 'камень' при тюрк. *dāl, монг. *tila-, ТМ *žola (алт. *tiōla); ср.-кор. túramí 'журавль' при тюрк. *duru-ña (алт. *turu-); кор. taím < *tah-ím 'следующий' при тюрк. *jak- 'приближаться', монг. *daga- 'следовать за', ТМ *daga 'близкий' (алт. *daga/*daka-); ср.-кор. thǎ/tah- 'гореть', 'жечь' при тюрк. *jak- 'жечь', ТМ *däg-/*žäg- 'жечь', 'гореть' (алт. *dakV, см. ниже).

В работе "Алтайские гуттуральные: *k', *k, *g" В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч, 1965] предложил следующую схему соответствий для алтайских анлаутных велярных:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ
*k'	*k'	*k-	*x-
*k-	*k-	*k-	*k-
*g-	*k'	*g-	*g-

Крупнейшей заслугой В. М. Иллич-Свитыча явилось надежное установление первого из этих трех рядов соответствий (ТМ *x-, восстановленный для пратунгусо-маньчжурского в трудах В. И. Цинциус [Цинциус, 1949] и И. Бенцинга [Benzing, 1955], полностью игнорировался и считался вторичным в алтайской реконструкции Г. Рамстедта и Н. Поппе; это приводило к большому количеству натяжек при поисках внешних параллелей для ТМ слов с начальным *x-).

Напомним, что в нашей реконструкции (опирающейся на огузские данные) п.-тюрк. *k- Иллич-Свитыча соответствует *g-, и п.-тюрк. *k' - Иллич-Свитыча - *k или *g (в зависимости от огузского рефлекса).

Обратим внимание, что среди приведенных у В. М. Иллич-Свитыча примеров на алт. *kh представлены только тюркские рефлексы *k- (но не *g-), ср. тюрк. *kül 'зола' (~ТМ *xul-di 'пламя', 'теплый', см. ТМС, 2, 260), тюрк. *kābǎä 'лопатка' (~ТМ *xäbti- 'ребро', см. ТМС, 2, 435); ср. еще тюрк. *köñ/*küñ 'гореть', 'подгорать' (VEWT, 309) ~ТМ *xeñ-gV (ТМС, 2, 457a; сближение тюрк. ~ тунг., а также с монг.-письм. күñ-küñi- 'иметь запах или вкус подгорелого' см. [Цинциус 1984, 110-111]); тюрк. *ki-/*ke- 'кто' ~ ТМ *ха-, *хаі- 'кто', 'что' (см. ниже, с. 39-40); тюрк. *kürä- 'грести', *kürä-k 'лопата' ~ ТМ *хегü- 'мести', 'гр-

ести', *xerü-rup 'лопата' (ТМС, 2, 462) [Цинциус, 1984, 121-122] и др.¹⁵

Специально следует разобрать вопрос о тюркском рефлексе общеалтайского *g-. Из шести примеров, приведенных В. М. Илич-Свитьчем, один (тув. xaj- 'сворачивать', 'обходить' < алт. *gaʒV-) нерелевантен ввиду заднего вокализма (пример этот вообще несколько сомнителен, см. VEWT, 233). Один пример (тюрк. *göni 'прямой' при ТМ *ɲɪɲ-ne), по-видимому, следует отвергнуть (см. выше, примеч. 6); с ТМ *ɲɪɲ-ne 'прямой' следует сравнивать тюрк. *oŋ 'правый', 'правильный', и, видимо, монг.-письм. üne-n 'правильный'. О соответствии ТМ *ɲ-: тюрк., мо. 0- см. ниже.

В сопоставлении монг.-письм. gеge 'свидетель' с тув. хеге-ĉи можно усомниться, поскольку тув. форма (вместе с рядом других современных тюркских), очевидно, заимствована из монгольского (см. VEWT 254-255). Однако для монг. gеge имеется надежная общетюркская параллель, а именно *ger-tü 'правильный', 'верный', *gerĉek 'правильный' (см. VEWT 256, 257). Здесь мы, таким образом, обнаруживаем соответствие монг. g- : тюрк. g-. Точно такое же соответствие обнаруживается и в других случаях: монг.-письм. gede 'назад, зад, затылок' : тюрк. *ged 'зад, задняя часть' (VEWT 246) (ср. еще ТМ *gädi-muk 'затылок', ТМС 177); монг.-письм. gendü 'самец' : тюрк. *gäntü (VEWT 252; в тур. диалектах колебание: kändü/gändi) и др.

Два примера, в которых монгольскому (без ТМ параллелей) g-соответствует тюркский k-, по-видимому, ненадежны¹⁶. Таким образом, мы можем достоверно считать, что рефлексом алтайского *g- перед передними гласными в тюркском является только *g-.

¹⁵ Мы рассматриваем здесь, естественно, только тюркские слова с переднерядным вокализмом (перед задними гласными противопоставление k-/g- в огузских языках, как мы уже говорили, нейтрализовано). Среди обильного материала, иллюстрирующего алт. *k-, приведенного в работе В. И. Цинциус [Цинциус 1984], мы обнаружили только одно несомненное исключение из соответствия "ТМ *x- : монг. *k- : тюрк. *g-", а именно тюрк. *götm- 'погружать, зарывать, хоронить' (тур. götm-, туркм. götm-) при ТМ *xumñ- id., монг.-письм. kömü-rge 'кладовая' [Цинциус 1984, 108-109].

¹⁶ Речь идет о монг.-письм. gölbürge 'ящерица' : тур. keler, аз. käläz и т. д. (слово - в виде keler - зафиксировано уже у Махмуда Кашгарского, но, по-видимому, представляет собой иранизм, см. KW 138; ср. еще тадж. kalpesa 'ящерица'), а также о монг.-письм. gölige 'детеныш животного' : тур. köşek, аз. köşek, туркм. köşek 'верблюжонок' (поздние огузские формы в др.-тюрк. памятниках отсутствуют; возможно, налицо контаминация монголизма *göşek (< *gölek) с исконным *köşek/*küşek 'детеныш, верблюжонок', см. VEWT 286).

Остановимся еще на вопросе об отражении алтайских веллярных в корейском языке. Согласно традиционной схеме Г. Рамстедта как *k, так и *g отражаются в корейском в виде k- (как и в случае с денгальными, в ср.-кор. различаются глухой k- и глухой придыхательный kh-, но последний весьма редок и легко продемонстрировать его вторичный характер - в результате ассимиляции последующему придыхательному согласному или h). В. М. Иллич-Свитыч убедительно показал, что в ряде случаев восстанавливаемый им алт. *k' дает кор. h [Иллич-Свитыч, 1965, с.340]. Анализ имеющихся примеров показывает, однако, что этот переход происходит в корейском только перед последующим передним гласным (i, ə < *e), ср. ср.-кор. həjəŋ 'плавание' : ТМ *xǎjǎ 'течь, плыть'; кор. hǎpha 'легкие' : ТМ *xǎrtǎ; ср.-кор. hjǎ 'язык' : ТМ *xil-ŋV и др.¹⁷ В прочих же случаях корейский имеет k-, как и в других рядах соответствий, ср. ср.-кор. kārki 'лошадиная грива' при монг.-письм. kilgasun 'толстый лошадиный волос', ТМ *xiŋ-ŋa (< *xil-ŋa) 'волос'; ср.-кор. kúi 'ухо' при ТМ *xül- 'слышаться, раздаваться', тюрк. *kul-kak 'ухо' и т.д.

Таким образом, реинтерпретированная система соответствий анлаутных веллярных в алтайских языках выглядит так:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*k'	*k-	*k-	*k-	k- (h - перед передними гласными)
*k-	*g-	k-	*k-	k-
*g-	*g-	g-	g-	k-

Для анлаутных лабиальных В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, XIII-XIV) предложил следующую схему соответствий:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ
*p'	(*h >) 0-	*F > h- (монг.-письм. 0-)	*p
*p	(*p >) b-	"-	"-
*b	b-	b-	b-

¹⁷ В. М. Иллич-Свитыч приводит еще кор. huri- 'отвести', 'отогнуть' : ТМ *xuri- 'изгибаться' и кор. hugəŋi 'подхвостник' : ТМ *xürgü 'хвост' (оба примера, как и прочие приведенные у В. М. Иллич-Свитыча, взяты из SKE Г. Рамстедта), как будто бы противоречащие сформулированному правилу. Но huri- (ср.-кор. huri-tá) на самом деле значит 'похитить обманом', 'заманить', 'соблазнить', а с ТМ *xürgü лучше сравнивать не hugəŋi 'подхвостник', а kkoŋi 'хвост' (ср.-кор. s-kòŋi), см. с. 50.

Новым по сравнению с традиционной схемой здесь является второй ряд соответствий (этимологии, подтверждающие его наличие, см. ОСНЯ 2, 98, ОСНЯ 3, 66-93). Мы в целом согласны с предложенной схемой, хотя реконструкция противопоставления *р - *b для пратюркского представляется пока не вполне обоснованной: второй ряд соответствий следует, видимо, представлять пока как "тюрк. *b- : монг. *F- > h- : ТМ *р-".

По поводу тюркского рефлекса алтайского *р' необходимо сделать еще одно замечание. Выпадая в анлауте перед передними гласными, алтайский *р' мог исчезать бесследно (ср. тюрк. *im 'метка, знак' при монг.-письм. im, ТМ *rim, см. VEWT 171), но мог и оставлять след в виде *j-. Ср. тюрк. *in-čik/*jīn-čik 'кость, голень' (VEWT 172, 203) при ТМ *реп-неп 'колени' (ТМС 2, 366), ср.-кор. s-pjə (< *pVhə) 'кость'; тюрк. *jer 'земля' (VEWT 198) при ТМ *pere 'дно, пол' (ТМС 2, 370-371), ср.-монг. hiŋuŋar, монг.-письм. iŋu-yaŋ 'пол, почва', тюрк. *jir- 'север, левая сторона' (VEWT 201) при ср.-монг. höŋö-ne 'запад', ТМ *per-ki-n 'запад' (ТМС 2, 48) и др. Аналогичное развитие, очевидно, происходило в тюркском и перед исконными восходящими дифтонгами, ср. тюрк. *jal-/*jał- 'светить, сверкать, блеск, молния' (VEWT 181, 192) при ТМ *rial- 'сверкать (о молнии), молния, радуга' (ТМС 2, 320, 72); тюрк. *jul-duŋ 'звезда' при ср.-кор. pjər(h) 'звезда', ср. монг. ho-dun (<*hol-dun) id. (см. ниже, с.34-35,86); тюрк. *jag- 'дождь, идти (о дожде)' при ТМ *riŋi-n 'буря, вихрь, дождевая вода', ср.-кор. ri (< *riŋi) 'дождь' (см. ниже, с. 33); тюрк. *jār 'крутой берег, обрыв' (VEWT 188) при ТМ *riŋi-, *riŋki 'крутой склон' (ТМС 2, 327); тюрк. *jalay 'равнина, поле' при ТМ *pile-kē/*pile-ŋē 'проталина', *pile-kēn 'открытое место (среди гор)' (ТМС 2, 324) и др.

Аналогичное развитие (*р' -> j-) могло происходить и в монгольском. Так, монг.-письм. jatu-yaŋ, ср.-монг. jatu-qaŋ 'вид струнного инструмента', несомненно, восходит к *hiatu-gaŋ < *p'iatu-gaŋ, как это видно по старому маньчжурскому заимствованию fituŋaŋ 'бандура' (см. [Рорре 1960, 12], ТМС 2, 300). Другим случаем подобного развития является, по-видимому, монг.-письм. ja-sun, ср.-монг. ja-sun 'кость' (< jaŋ-sun, ср. калм. jaŋ-dā 'быть костистым', jaŋ-dA-yaŋ 'костистый', KW 214) при тюрк. *(j)in-čik 'кость, голень', ТМ *реп-неп 'колени', ср.-кор. s-pjə 'кость' (см. выше).

Корейский язык нормально во всех рядах соответствий имеет *р- (для второго ряда ср., например, ср.-кор. paŋ 'нога' при ТМ *palga-n 'нога, ступня', тюрк. *bał-mak, *bal-ak 'вид обуви' = кор. palmak, см. с.

41). Анлаутный *rh-*, имеющийся в среднекорейском, как и *th-*, *kh-*, по-видимому, вторичен (результат переноса аспирации из середины слова в анлаут).

(2) Итак, в анлаутной позиции для праалтайского восстанавливается троичное противопоставление глухих слабых, глухих сильных и звонких смьчных, но только в велярном, денальном и лабиальном рядах.

Нам представляется, что реконструкцию такой же триады можно осуществить и в системе аффрикат. Традиционно в алтайском восстанавливается только две аффрикаты: *č и *ž (соответствия см. выше, с. 5). Однако мимо внимания исследователей прошел целый ряд слов с нетривиальным соответствием: тюрк. *d-: монг. *d- : ТМ *ž- : кор. *č-. Ср. следующие примеры:

1) тюрк. *dūr (~*dubur 'соль') : монг.-письм. dabusun, ср.-монг. dabu-sun (<*dabur-sun) 'соль' ~ ТМ *žujar- 'кислый, горький', кор. čel-da (<čəg-) 'быть соленым', čeri-da (<čəgi-) 'солить'. См. ниже, с. 47.

2) тюрк. *dōl- 'наполняться', *dōl-i 'полный' ~ ТМ *žalu- 'наполнять(ся)', *žalu-m 'полный' ~ ср.-кор. čəgə 'достаточный' (ср. еще др.-яп. tar- 'быть достаточным, полным, хватать'). См. ниже, с. 43-44.

3) тюрк. *dāt- 'пробовать на вкус, иметь (приятный) вкус', *dāt-an-/*dāt-in- 'привыкать, приучаться' (см. ЭСТЯ 3, 162-164, VEWT 466) ~ монг.-письм. dadu- 'привыкать' ~ ТМ *žūtī (~ *žet-i-) 'сладкий' (ТМС 1, 279) (см. примеч. 13).

4) тюрк. *däg-īl- 'меняться, обмениваться' (см. EDT 487, ЭСТЯ 3, 181-182) ~ монг.-письм. daγa-si-la-, калм. dāšl- 'давать, дарить' (KW 82) ~ ТМ *žugē- 'обмениваться' (ТМС I, 270) ~ ср.-кор. čū- 'дарить, жаловать' (ХМ 332)¹⁸.

5) тюрк. *dūr- 'прямой, ровный' (см. ЭСТЯ, 309-313) ~ ср.-кор. čŋŋ-tá 'напрямик, идти напрямик'¹⁹.

6) тюрк. *dŋŋ-ŋa- 'царапать, скрести' (см. ЭСТЯ, 345-349) ~

¹⁸ В значении "изменение, перемена" данная тюркская основа зафиксирована уже у Махмуда Кашгарского (см. ДТС 548: tegiŋ). Э.В.Севортян справедливо, на наш взгляд, отделяет *däg-īl- '(из)меняться' от *däg- 'касаться' (хотя реконструкция инлаутного *-ŋ- у него, по-видимому, неоправдана), см. ЭСТЯ 3, 282. К начальному *d- в тюркском ср. тур. dejiŋ-, туркм. degiŋ-, аз. dājiŋ-. Сравнение ТМ ~ кор. см. SKE 42 (с сомнительными тюркскими параллелями).

¹⁹ К начальному *d- в тюркском ср. туркм., тур., аз. düz. Г. Рамстедт (SKE 35) сближает корейскую форму с сомнительными (по-видимому, не существующими) тунгусо-маньчжурскими.

монг.-письм. *žiḡu-* (< *diru*) 'царапать, рисовать, писать' (KW 481) ~ ТМ **žurū-* 'чертить', **žura-n* 'черта, полоска (на коре)' (ТМС 1, 278) ~ ср.-кор. *čūr* 'напильник'²⁰.

7) тюрк. **dif-* ~ **dür-* 'нанизывать, выстраивать в ряд' (см. ЭСТЯ 3, 218-220) ~ монг.-письм. *dügü-* 'втыкать, засовывать' (KW 105-106) ~ кор. *čul* 'веревка; строчка, линейка; ряд', ср.кор. *čūr-hjə-tá* 'нанизывать на веревку, выстраивать в ряд' (КС 434)²¹.

8) тюрк. **dāl-*, **dāl-ak* 'ива, верба; ветвь, лоза' (см. ЭСТЯ 3, 130-131): монг.-письм. *dolaḡana* ~ *doluḡana* 'боярышник' [Lessing 1960, 260], (KW 94): ТМ **žali-kta* 'боярышник, ива' (эвенк. *žalikta*, нег. *žalta*, уд. *žalikta* 'боярышник', ульч. *žatala*, нан. *žalaqta* 'ива', см. ТМС I, 246, 253): кор. *čol-gaḡi* 'ветка без листьев', *čul-gəri*, *čul-gi* 'стебель' (ср.-кор. *čürki*, см. ХМ 297)²².

9) тюрк. **dāl*, **dāl-ak* 'селезенка' (см. ЭСТЯ 3, 137-138) ~ монг.-письм. *deli-gün id.* (KW 86) ~ кор. *čira*, *čirä id.*²³

10) тюрк. **däḡiṅ* 'белка, соболь' (см. ЭСТЯ 3, 180-181) ~ ТМ **žükü-n* 'выдра, бобр' (ТМС 1, 271) ~ ср.-кор. *čüi* (< **čugi*) 'крыса,

²⁰ Об этом корне см. выше, примеч. 7. К начальному **d* в тюркском ср. туркм. *dırma-*, *dırna-*, аз. *dırma-la-*. В SKE 43 корейская форма сравнивается с тюрк. **jüli-* 'брить', монг. *žil-gü-*, *žül-gü-* 'тереть, полировать', что нам кажется менее вероятным.

²¹ К анлаутному **d-* в тюркском ср. тур. *diz-*, туркм., аз. *düz-*. В монгольском можно обратить внимание также на монг.-письм. *daru-ḡan* 'порядок, следование друг за другом' (KW 77) (заднерядный вариант того же корня?). Сближение Г. Рамстедта корейской формы с тюркским **jür* 'сто' весьма сомнительно.

²² К анлаутному **d-* в тюркском ср. тур. *dal* (но туркм. *tāl* с вторичным оглушением). Монг. *dolaḡana* 'боярышник' вторично заимствовано во многие тюркские языки (см. ЭСТЯ 3, 269-270). Сближение ТМ и тюрк. материала см. ТМС 1, 253 (следует заметить, что в ТМС слова со значением "ива" выделены в отдельную словарную статью, что, по нашему мнению, не оправдано; кроме того, от корня **žali-kta* следует отделить частично контаминирующий с ним корень **žar(a)-kta* 'боярышник' > ороч. *žarakta*, ульч. *žaraqta* ~ *žariḡta*, нан. *žariḡta*). Корейское *čol* Г. Рамстедт (SKE 39) сравнивает с тюрк. **jol* 'дорога', монг. *žol* 'счастье'; это сближение, конечно, следует отвергнуть.

²³ К начальному **d-* в тюркском ср. туркм. *dālaq*, аз. *dalaq*. Сближение тюрк. ~ монг. см. [Gombocz 1905, 277]; (VEWT 457); (ЭСТЯ 3, 138). Однако привлекаемые там же тунгусо-маньчжурские формы (эвенк. *dälkiṅ*, маньчж. *dälixun* etc.), несомненно, заимствованы из монгольского.

мышь' (ХМ 188)²⁴.

Таким образом, общая схема соответствий для алтайских анлаутных аффрикат приобретает следующий вид²⁵:

²⁴ К начальному *d- в тюркском ср. тур. диал. *dejin, deyin* (в прочих огузских языках слово отсутствует). Предположение о заимствованном характере тюркской формы (VEWT 470) крайне маловероятно ввиду древности фиксации слова в тюркском (уже с VIII в.) и фонетических трудностей (см. ЭСТЯ 3, 180-181; там же доказательство исходности инлаутного *-g- - вопреки EDT 569). Сближение тюрк., ТМ и кор. данных нам представляется вполне надежным: неустойчивость и взаимозаменяемость названий мелких хищников и грызунов - явление, очень широко распространенное.

²⁵ Реконструкция еще одного алтайского сибиланта на основании соответствия "монг. s- : ТМ s- : тюрк. j-" была предложена А.Б.Долгопольским (см. [Долгопольский 1974]; праалтайской праформы для этого соответствия не предлагается, но монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские рефлексы приводятся наравне с уральскими, картвельскими, индоевропейскими, дравидийскими и семито-хамитскими в качестве отражений постулируемой ностратической фонемы *ʒ). К сожалению, внутриалтайских примеров на это соответствие автор приводит мало (всего четыре: монг. *sirbü-sün* 'нить, сухожилие, волокно' : ТМ **sirä* 'сухожилие, нить' : ср.-кор. *sir* 'нить' : тюрк. **jör-gä* 'обматывать'; монг. *söni* 'ночь' : тюрк. *(j)in-ir 'рассвет, сумерки'; монг. *soḡu* 'всасывать, втягивать (жидкость)' : эвенк. *sirbi* 'выжать, выдоить' (< ТМ **sir* 'жать, доить', см. ТМС 2,93) : др.-уйг. *jog* 'каша' (?); ТМ **sul* 'выковыривать, вырывать', см. ТМС 2, 125 : тюрк. **jul* 'вырывать, отнимать'). Еще один яркий пример такого же соответствия - это монг.-письм. *sine* 'новый' (вопреки Г. Рамстедту KW 358 вряд ли монгольская форма заимствована из китайского) : тюрк. **jäni* ~ **jaṅi* 'новый' (см. VEWT 185). Если все это - не случайность, и если будут обнаружены еще примеры на это же соответствие, то для ряда "монг., ТМ, кор. s : тюрк. j" нужно будет восстанавливать, по всей видимости, общеалтайский звонкий спирант *ʒ.

Что касается введения нами триады алтайских аффрикат, то оно, по-видимому, приведет к некоторому пересмотру реконструированной ностратической системы аффрикат (до сих пор остающейся наиболее проблематичным местом ностратической реконструкции). Здесь, конечно, нет возможности вдаваться в обсуждение ностратических соответствий. Отметим, однако, что во многих случаях восстанавливаемому алтайскому *č соответствует в индоевропейском *s-, ср.:

1) алт. **čawuŋ* ~ **čuwaŋ* 'солёный, кислый' : и.-е. **seuŋ* ~ **sueŋ* (~**sir*-) 'кислый, солёный, горький' (WP 2, 513);

2) алт. **čä(w)tu* 'сладкий, приятный на вкус' : и.-е. **sčād* 'сладкий' (WP 2, 516-517);

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*č'-	č-	č-	č-	č ⁻²⁶
*č-	d-	d-	ž-	č-
*ž-	j-	ž-	ž-	č-

(3) В инлаутной позиции в традиционной алтаистике [Ramstedt 1957; Porpe 1960] восстанавливается бинарное противопоставление глухих/звонких смычных. Эту же реконструкцию принял и В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 168-169). Однако ввиду наличия в анлауте троичного противопоставления (*C' - *C - *Z) реконструкция только двух серий (глухой-звонкий) согласных в инлауте кажется не вполне адекватной.

Нам представляется, что реконструкцию троичного противопоставления смычных в праалтайском можно распространить и на инлаутную позицию.

Для объяснения некоторых неясностей в рефлексии инлаутных лабиальных и велярных согласных Н. Поппе выдвинул теорию "сильной" и "слабой" позиций [Porpe 1960, 40-41 и сл.]. Согласно этой теории согласные *b, *p и *g в монгольском давали разные рефлекс в послеударной ("сильной") и предударной ("слабой") позициях. Однако фактических доказательств какого-либо влияния супrasegmentных признаков на развитие согласных в инлауте не существует; наоборот, разноместное ударение Поппе восстанавливает лишь в зависимости от поведения согласных. Таким образом, удается свести в один ряд реально совершенно разнородные ряды соответствий.

Если отвлечься от слабо мотивированной теории "сильных" и "слабых" позиций, то для инлаутных лабиальных мы получаем следующие ряды соответствий:

3) алт. *čüfū 'нанизывать, выстраивать в ряд': и.-е. *ser- id. (ср. лат. in-sero, series etc., см. WP 2, 499-500; Долгопольский 1974, 165-166 сопоставляет данный и.-е. корень с ТМ *sirä- 'нить', урал. *jirV 'корень' etc., но ввиду точного семантического параллелизма алт. *čüfū и и.-е. *ser- наше сближение представляется нам более надежным);

4) алт. *čälV (~ *čölV) 'ива; ветвь': и.-е. *salik- 'ива' (WP 2, 454; сюда же урал. *śalV 'ива ломкая, вяз', см. МССНЯ 343).

²⁶ В корейском также встречается анлаутный рефлекс čh-, возникший (как и ph-, th-, kh-. см. с. 10) вторично в результате переноса аспирации из инлаута в анлаут (ср. случаи типа кор. čhä 'оглобли (телеги), ручки (носилки)' < ср.-кор. čähí и т.п.).

тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-p-	*-γ- (~ -b-) ²⁷	-p-	-p(h)-
*-b-	*-γ- (~ *-w-)	-b-	-b- (>-p, -w- ~ -0-)
*-b-	*-b-	-w- ²⁸	p

Ср. для первого ряда тюрк. *kārük 'кора', монг.письм. qaγu-l- 'обдирать кожу', qau-da-sun 'кора', ср.-кор. kārhr̄ ~ kārhr̄ 'кора, кожа' (см. ниже, с. 37); др.-тюрк. qor 'весь, все'; монг.-письм. qou id., ТМ *куру- id. (см. ниже с. 26) и др.; для второго ряда: монг.-письм. γaγura-sun 'солома, мякина' ~ тюрк. *kabu-k, *kabu-ǵ id.; монг.-письм. kegere 'степь' ~ ТМ *kebe-r, *kebe-kte 'равнина' (ТМС 1, 443), монг.письм. yua 'красивый' (KW 152) ~ ср.-кор. kōp-tá (kōva-) id., etc.; для третьего ряда: монг.-письм. kebi- 'жевать' ~ тюрк. *gäbid.;

²⁷ Посредством *-γ- мы обозначаем здесь ту прамонгольскую фонему, которая отражается как -0- (-?) в среднемонгольском, как γ или g (в зависимости от вокализма) в письменном монгольском и как -0- в современных монгольских языках.

Рефлекс b в первом ряду соответствий в монгольском выступает, как правило, в конце слога (в ауслауте). В интервокальной позиции надежных примеров на *p > *-b- нет (немногие примеры на такой рефлекс в [Porre 1960, 42-43] следует, очевидно, считать тюркизмами).

Во втором ряду соответствий в монгольском языке имеем также инлаутный *-γ-, но ауслаутный (и конечнослоговой) -w.

²⁸ В тунгусо-маньчжурском обычно восстанавливается только два инлаутных лабиальных: *-p- и *-b- (см. [Benzing 1955, 981-982]). Однако, по-видимому, на месте одного *-p- Бенцинга следует восстанавливать две фонемы, дающие разные рефлексы в современных языках:

а) эвенк. -p- ~ -w-, эвен. -b-, сол. -g- ~ -0-, нег., ороч. -p-, уд. -p- (~ -f-), орок., ульч., нан. -p-, маньчж. -f-. Ср. эвенк. žär-i ~ žäw-u-, эвен. žäb-ä-, сол. žäg-, нег. žär-i-, ороч. žär-, уд. žär-, орок. dār-, ульч. žär-u-, нан. žär-u-, маньчж. žä- (žäfu-) 'есть' (другие примеры см. [Цинциус 1949, 155]);

б) эвенк. -w-, эвен. -w- ~ -j-, сол. -w- ~ -g-, нег., ороч., уд. -w-, орок., ульч., нан. -p-, ма. -f-. Ср. эвенк. žawa-, эвен. žawa-, сол. žawa-, нег., ороч., уд. žawa-, орок. dара-, ульч., нан. žара-, маньчж. žafa- 'взять, схватить' (другие примеры см. [Цинциус 1949, 160-161]).

Представляется естественным (ориентируясь на контраст в эвенкийском, негидальском, орочском и удэйском языках) восстанавливать в первом ряду *-p-, а во втором *-b-. В том же ряду соответствий, в котором И. Бенцинг восстанавливает *-b- (т.е. эвенк. w ~ γ, сол. w ~ g ~ 0, эвен., нег. w, ороч., уд., нан. -0-, орок., ульч. -w- ~ -0-, маньчж. -b- ~ -0-), по нашему мнению, вполне естественно восстановить ТМ *-w- (в реконструкции И. Бенцинга отсутствующий).

монг.-письм. *daba-* 'переваливать (через гору)' ~ ТМ **dawa-* id. (см. ТМС 1, 185-186; в ряде языков представлены заимствования из монг. или маньч., но в целом корень, несомненно, исконно тунгусо-маньчжурский); ТМ **ʒiw* 'жилище, дом' (ТМС 1, 266-267) ~ ср.-кор. *ĉir* 'дом' и др.

По-видимому, нужно в первом ряду восстанавливать алт. **-p'*, во втором - алт. **-p-*, а в третьем - алт. **-b-*.

Более или менее аналогичным образом устанавливаются соответствия для инлаутных велярных, хотя здесь в тюркском и монгольском нередки случаи колебания глухих и звонких рефлексов (ср. случаи дублетов типа др.-тюрк. *jaqin* 'близкий' и *jaṯ-uq* id.), причина которого пока еще неясна. Соответствия между тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским и корейским устанавливаются следующие:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-k'	-k-(-g-)	-k-(-g-)	-k-	-k-
*-k-	-g-(-k-)	*-g-	-g-	-0-(-h-)
*-g-	-g-	*-γ-	-g-	-0-(-h-)

Различие между вторым и третьим рядами основано главным образом на монгольском рефлексе (следует помнить, что о.-монг. **g* перед задними гласными в среднемонгольском графически не отличается от **k*, поэтому в среднемонгольском в рефлексах слов второго ряда мы имеем *-g-* перед передними, но *-q-* перед задними гласными; в третьем ряду соответствий среднемонгольский единообразно имеет *-ʒ-*.)

Ср. для первого ряда - тюрк. **gökür/*gögür* 'грудь' ~ письм.-монг. **kökün* 'женская грудь' ~ ТМ **kuku-n/*uku-n* id. ~ ср.-кор. *kokäi-jaṯ* 'сердцевина' и др.; для второго ряда тюрк. **jak-/*jaḡ-* 'близкий, приближаться' ~ письм.-монг. *daṯa-*, ср.-монг. *daqa* 'следовать' ~ ТМ **daga-* 'близкий' ~ кор. *taim* 'следующий' и др.; для третьего ряда - монг.-письм. *ögede* 'вверх', ср.-монг. *öze-de* id. ~ ТМ **ug-ī* 'верх' (ТМС 2, 245-246) ~ ср.-кор. *ù* (üh-) 'верх'; монг.-письм. *saṯa-*, ср.-монг. *saṯa-* 'дойти' ~ тюрк. **sag-* id. и др.

В системе дентальных смычных, помимо описанных у Н. Поппе [Poppe 1960, 49-53] соответствий "тюрк. **-t-* : монг. *-t-*: ТМ *-t-*" и "тюрк. **-d-*: монг. *-d-*: ТМ *-d-*", засвидетельствовано еще нестандартное соответствие "тюрк. *-t-*: монг. *-d-*: ТМ *-t-*". Ср. тюрк. **dät-* : монг. *dadu-* :

ТМ *žūti (см. с. 13 выше); монг.-письм. *ada-yun* 'стадо лошадей, лошадь': тюрк. *at 'лошадь'²⁹; тюрк. *āt 'шагать': монг.-письм. *ada-ya* 'спешить', *ada-m* 'быстрый шаг' (см. VEWT 31, KW 1); тюрк. *gēt- 'идти, уходить' (VEWT 258); ср.-монг. *gödöl-* 'двигаться' (ХМ 57), монг.-письм. *ködel-*, *ködül-* id. (KW 235); тюрк. *tut- 'хватать, держать' (VEWT 502); ср.-монг. *tödü-ge-*, *tödüze* 'задерживать' (ХИ 102)³⁰; монг.-письм. *nidü-* 'толочь, измельчать', *nidü-gür* 'пест': ТМ *nuti-ku 'пест' (ТМС 613)³¹ и др. Можно думать, что соответствие "тюрк. *-t- : монг. *-t-: ТМ *-t-" отражает общеалтайский *-t', соответствие "тюрк. *-t-: монг. *-d- : ТМ *-t-" отражает общеалтайский *-t-, а соответствие "тюрк. *-d- : монг. *-d- : ТМ *-d-" - общеалтайский *-d-.

Корейский отражает алт. *-t'- как -(h)-, ср., например, тюрк. *atir 'орошаемое поле': монг. *atar* 'необработанное поле': ср.-кор. *pàt* ~ *pàth* 'поле' (SKE 192-193, [Рорре 1960, 51], VEWT 31) и др. Во втором ряду (алт. *-t-) корейский имеет -t- или -r-³², ср. при тюрк. *gēt-, монг.-письм. *ködel-* ср.-кор. *kāt-ta* (*kāri-*) 'ходить (пешком)', см. ниже, с. 98), при тюрк. *büt 'верить' (VEWT 93), монг.-письм. *mede* 'знать' (KW

²⁹ Тюркское слово сравнивают с монг. *aγta* 'мерин' (см. [Рорре 1960, 121]), но последнее - несомненный иранизм (см. подробный разбор с литературой в ЭСТЯ 1, 77, 197). Напротив, монг. *ada-yun*, *ada-yu-sun* сравнивают с тюрк. *adig 'медведь' [Рорре 1960, 130]; (VEWT 6) (?). Очевидное, на наш взгляд, сближение тюрк. *at и монг. *ada-yun* (см. [Котвич 1962, 41, 72]; ЭСЧЯ 278; [Новикова 1975, 53-55]) игнорировалось из-за непризнания соответствия тюрк. -t- : монг. -d-.

³⁰ К анлаутному *t- в тюркском ср. аз. *tut-*, туркм. *tut-*. Несомненно, заднерядный вариант того же корня отражает монг.-письм. *tod-qa-* 'удерживать, задерживать' (сравнение *tod-qa-* и тюрк. *tut- см. KW 404, VEWT 502).

³¹ Не исключено, что к этому же корню следует относить тюрк. *jiti- 'быть острым', *jiti-g 'острый' (см. VEWT 204, EDT 886,889).

³² В пракорейском, судя по среднекорейской (и современной) морфонологии, необходимо восстанавливать звонкую инлаутную фонему *-d-, которая в ауслауте (и в конце слога) давала ср.-кор. -t, а в интервокальной позиции -r- (аналогично *b > -p, -v-). Это видно по глагольным парадигмам типа ср.-кор. *tīt-tá* : *tiri-* 'слышать' (*tīd-) и т.п. Однако уже в среднекорейском таких глагольных парадигм было совсем немного, а в именных парадигмах эта модель уже вовсе утратилась (чередование -t/-r- в именных парадигмах отсутствует). По-видимому, после утраты фонемы *-d- (> -r-) в корейском начался активный процесс морфонологического выравнивания, приведший к смешению рефлексов -t- и -r- в инлауте.

259), ТМ *mute- 'мочь, уметь' (ТМС 561) ср.-кор. mit-tá (miti-) 'верить'³³ и др. Наконец, на месте алт. *-d- корейский имеет -r- (ауслаутный рефлекс не засвидетельствован; ожидалось бы также -t), ср. при монг. alda 'сажень', ТМ *alda-n 'промежуток, между' (ТМС 1, 30-31; заметим, что эвенк. alda 'сажень' может быть < монг., но для прочих форм это маловероятно), ср.-кор. aǵam 'обхват, сажень'³⁴; при тюрк. *bedü 'увеличиваться', *bedü-k 'большой, крупный' (ЭСТЯ 2, 288-289, VEWT 67), монг.-письм. bǔdǔ-gǔin 'толстый' ср.-кор. rǎnǎ 'толстый, сытый'³⁵ и др.

Итак, инлаутные денальные в алтайских языках образуют следующую систему соответствий:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-t'	-t-	-t-	-t-	-t(h)-
*-t-	-t-	-d-	-t-	*-d- > -t-, -r-
*-d-	-d-	-d-	-d-	*-d- > -r-

Традиционно в алтайских языках восстанавливают только две инлаутных аффрикаты: *-č- и *ǰ- (соответствия см. выше, с. 5). Однако имеется и третье соответствие: "тюрк., монг., кор. -č- : ТМ *-s-", которое

³³ Тюркско-корейское сравнение см. SKE 149. ТМ *mute- Г.Рамстедт (SKE 260-261), исходя из вторичного значения 'одолевать, осилить', сравнивал с тюрк. *büt- 'завершить(ся)', что сомнительно (см. с. 26). ТМ формы типа маньчж. mede 'весть, сведение', эвенк. mede- 'замечить, почувствовать' и т.д. (см. ТМС 1, 563-564), сравниваемые с монг. mede- у Поппе нужно, очевидно, признать монголизмами.

³⁴ Г. Рамстедт (SKE 14) сравнивает корейскую форму с ТМ *ali- 'брат', тюрк. *al- id., но ввиду точного фонетического и семантического совпадения сравнение кор. aǵam с монг. alda и ТМ *alda-n представляется предпочтительным.

³⁵ Корейская форма (совр. rǎnǎ-da) сопоставляется Г. Рамстедтом (SKE 211) с ТМ *burgu- 'толстый, жирный' (см. ТМС 1, 112). Последняя форма, ввиду внешних данных, очевидно восходит к *bud(u)-rgu. Ср. аналогичное выпадение -d- перед -r- в ТМ *xürgü 'хвост' при тюрк. *kuduruk, *nurga 'кулак' при тюрк. *juduruk, монг. nidurǎ (см. [Ligeti 1960; Цинциус 1984, 114]).

Традиционно в алтаистике корейским рефлексом *-d- считается -t- (совр. -d-). Но единственный надежный пример этого рефлекса - ср.-кор. rǎtǎn, rǎtǎk 'дно, подошва, пол' при тюрк. *adak 'нога' (см. [Porre 1960, 52]). Более приемлемым представляется (вслед за Г. Рамстедтом SKE 180-181) сравнивать корейскую форму с ТМ *pata 'дно, основание' (для тюрк. *adak имеется другая ТМ параллель - ТМ *pagdi(ki) 'ступня', см. ТМС 308).

обычно не учитывается. Ср. ТМ *kusū-n 'сила', kusū- 'прилагать силу, бороться' (см. ТМС 1, 438-439) при монг.-письм. küčü-n 'сила, труд', тюрк. *gūč 'сила' (VEWT 306), ср.-кор. kóčák-hāta 'крайний, чрезвычайный, очень сильный' (КС 48); ТМ *xosī- 'царапать, чесать', *xosī-кта 'ноготь, коготь' (ТМС 2, 26-27) при тюрк. *kič- 'чесаться' (VEWT 260) (сюда же, возможно, следует относить кор. koč, др.-яп. kusi 'вертел'); ТМ *xasa 'гнаться, преследовать' при тюрк. *kač- 'убегать' и др. Общая схема соответствий для алтайских инлаутных аффрикат, следовательно, выглядит так:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*-č'-	-č-	-č-	-č-	-č(h)-
*-č-	-č-	-č-	-s-	-č-
*-č̥-	-j-	-č̥-	-č̥-	-č-

(4) Из других вопросов, затрагивающих систему шумных согласных, следует коснуться проблемы реконструкции алтайского *š-. В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ, 1, XIV-XV) восстанавливал общеалтайский анлаутный *s₁ (= ś) на месте традиционного *s- в тех случаях, когда чувашский и маньчжурский языки обнаруживают рефлекс -š-. Однако представляется, что данное развитие в чувашском и маньчжурском обусловлено скорее позицией *s- перед последующим дифтонгом с *-i- (аналогичная палатализация характерна и для системы взрывных дентальных), см. [Мудрак 1985].

Недавно О. А. Мудрак (в устной беседе) обратил наше внимание на существование особого анлаутного соответствия "ТМ *č- : монг. s-". Отметим, что в известных нам случаях этого соответствия (ТМ *čikē-n 'моча' : монг.-письм. sige-sun, ТМС 2, 392-393; ТМ *čime- 'просачиваться' : монг.-письм. sime 'сок, питательность', ТМС 2, 394; ТМ *čiri-kte 'красная медь' : монг.-письм. sirin 'бронза, медь', ТМС 2, 399; ТМ *čawa-/*čoro 'коготь, хватать когтями' : монг.-письм. sabar 'коготь, лапа', ТМС 402, 375; ТМ *čoko- 'прищуривать глаза', *čokto- 'кривой, слепой' : монг.-письм. soqur 'слепой', ТМС 2, 404; ТМ *čükse 'сок' : монг.-письм. sigüsi(n) 'сок, влага', ТМС 2, 411) маньчжурский обнаруживает не закономерный č-, но s-(š-), ср. маньч. sike 'моча', sime- 'пропитываться', siri-n 'медь', sefere 'горсть' и šofogo 'щепоть, когти (ловчей птицы)', šusu 'бесплатная обед, жертвенная снедь'. Соответствие маньчжурского s-/š- аффрикате č- других тунгусо-маньчжурских языков встречается и в других случаях (при отсутствии монгольских

параллелей), поэтому не исключено, что в этих случаях мы должны восстанавливать особую прото-тунгусо-маньчжурскую фонему, скорее всего *š- (с переходом *š- > s-/š- в маньчжурском, но š- > č- в прочих языках). В таком случае можно думать и о реконструкции *š (на месте соответствия ТМ *š- : монг. s-) для праалтайского. К сожалению, пока нам неизвестны рефлексы этого *š в других алтайских языках и реконструкция эта остается пока гипотетичной.

Реконструкция инлаутного *-š- для праалтайского еще более проблематична. Восстановление *-š- на месте тюркского -š- справедливо подвергнуто критике в ОСНЯ 1,XY-XYI (тюркский -š- в тех случаях, когда он не восходит к *-l-, т.е. когда в чувашском представлен рефлекс -š- - обычно возводится к сочетанию *-lč-³⁶. С другой стороны, нам известны два случая инлаутного соответствия "ТМ *-č- (или *-š-, поскольку в маньчжурском налицо -s/-š-) : монг. -s-", а именно: ТМ *geči/*goči 'горький' (маньч. Gosi-xon ~ goš-xun) при монг.-письм. yasiyu(n) id. (см. ТМС 1, 182-183) и ТМ *koči-кта 'орех' (маньчж. отсутствует, но ср. чжурчж. hūh-šū) при монг.-письм. qusi 'кедр', qusi samar 'кедровый орех' (см. ТМС 1, 419). Однако по крайней мере во втором случае не исключено старое заимствование в ТМ из монгольского, поскольку исконным соответствием монгольского слова, вероятно, является ТМ *xusi-кта/*xusa-кта 'дуб, желудь' (см. ТМС 2, 291)³⁷.

В целом приходится констатировать, что оснований для реконструкции второго алтайского спиранта - *š- пока недостаточно.

(5) Традиционно предлагаемые соответствия для сонорных согласных в целом выполняются довольно хорошо на всем имеющемся материале. Здесь следует сделать только следующие уточнения.

а) Хотя в тунгусо-маньчжурском имеется достаточно много слов с анлаутным *ŋ-, эта фонема в анлаутной позиции для праалтайского традиционно не восстанавливается. Точка зрения Н. Поппе

³⁶ И эта реконструкция не бесспорна. Не исключено, что старый *-l- sporadически (в основном после кратких гласных) мог давать в части тюркских диалектов глухой рефлекс типа *-l-, который в старых заимствованиях (венг. gyümölcs 'плод' при чув. šiměš, монг. alču 'плоская сторона игральной кости' при туркм. ašiq etc. 'игральная кость' и др.) передавался как сочетание -lč-. Позднее этот *-l- перешел в -š-.

³⁷ Имеются некоторые бесспорные случаи заимствований из монгольского в тунгусо-маньчжурских языках, в которых монг. s передается посредством č, ср. эвенк. čiwuke, нан. čoqo 'шило' < монг.-письм. sibüge(n) id., эвенк. činakā 'ковш' < монг.-письм. sinaya id. и др.

(о вторичном развитии *g- > η- в тунгусо-маньчжурском) в настоящее время, по-видимому, уже не может считаться приемлемой (см. примеч. 6). Приведем известные нам параллели для тунгусо-маньчжурских слов, содержащих начальный *η-:

1. ТМ *ηāla 'рука' (ТМС 1, 656-657): тюрк. *āl, *āl-ig 'рука' (см. ниже, с. 45).

2. ТМ *ηū (< *ηia-w) 'кто' (ТМС 1, 660-661) : тюрк. *nā (< *(j)ān) 'что' : монг.-письм. ja-yun, ср.-монг. jaʔu, jaʔun 'что' : ср.-кор. nū, nū 'кто' (см. ниже, с. 52-53).

3. ТМ *ηinda 'собака' (ТМС 1, 661-662) : тюрк. *it/*it 'собака' (см. ниже, с. 46-47).

4. *ηūŋ(k)te 'корень' (ТМС 1, 662) : монг.-письм. ündüsün 'корень' (см. ниже, с. 37).

5. ТМ *ηu/j/a- 'спать' (ТМС 1, 666) : тюрк. *u- 'сон, спать' (см. ниже, с.47-48): ср.-монг. по-gus-, монг.-письм. pojir-sa 'спать', по-jir 'сон'.

6. ТМ *ηüči- 'маленький' (ТМС 1, 589-590) : монг.письм. ücü-ken, ücü-gen, ср.-монг. ücü-gen 'маленький' (см. ниже, с. 41).

7. ТМ *η(i)kē 'соболь; кобель' (ТМС 1, 651, 665)³⁸: ср.-кор. nəkogī 'барсук' (см. SKE 163) (возможно, также тюрк. *ākār 'охотничья собака', см. VEWT 38).

8. ТМ *ηōni- 'длинный' (ТМС 1, 664-665) : тюрк. *ōn- 'расти, возвышаться' (VEWT 372) : монг.-письм. öp-de-ji- 'возвышаться, быть высоким', öp-dür 'высокий', ср.-монг. ün-tür 'высокий'³⁹.

9. ТМ *ηuŋ-pe 'прямой' (ТМС 1, 666) : тюрк. *oŋ 'правый, пра-

³⁸ ТМС 1, 665 и Новикова [Новикова 1979, 64] сравнивают данный тунгусо-маньчжурский корень с монг.-письм. noqai 'собака', однако последнее имеет другую ТМ параллель, а именно *lukV 'песец, рысь' (сближение это предложено В. М. Иллич-Свитычем, см. ОСНЯ 2, 35, и вполне вероятно, несмотря на критику Новиковой *ibid.*).

³⁹ В ТМС 1, 665 в качестве параллелей предлагаются монг.-письм. yoldu 'вдоль, продольный' и yonʒai- 'быть длинным, продолговатым'. В обоих случаях возникают проблемы: yoldu, по-видимому, восходит к youl-du (с каким-то выпавшим срединным согласным), а кроме того, тунгусо-маньчжурские формы с -l-, которые можно было бы здесь привлечь (типа маньчж. olmīn, ульч. walmī ~ ʒolmī) явно вторичны (диссимилиация < *ηolmī-, ср. эвенк. ηolmī, сол. nīmōmī, эвен. ηonəṁ, уд. wanīmī etc.); форма yonʒa-ji- имеет также варианты yonʒa-ji- и yodaji (см. KW 149, 152, 151), и трудно решить, какой из них исходный.

которых южномонгольских языках) : тюрк. *j-. Добавим, что корейский (в котором начальный l- отсутствует) имеет здесь рефлекс n-. Ср. при тюрк. *jarur-gak, ср.-монг. nab-čin, бао. labčin 'лист' ср.-кор. níph id., при ТМ *lūne 'снег' - ср.-кор. nūn id., при ТМ *lūm-ge (*lūm-ge) 'глотать' - кор. nəm-gu id. и др.

с) Сонорный *w- в реконструкции Г. Рамстедта и Н. Поппе отсутствует. Однако, как кажется, есть основания восстанавливать *w-, по крайней мере, в инлаутной позиции. Реконструкция общеалтайского *w- мотивируется наличием ряда случаев, в которых наблюдается соответствие: "тюрк. -0- (с компенсаторной долготой гласного) : монг. -b-/-0- ~ -γ- : ТМ *w- ~ *j- (о реконструкции *w- в ТМ см. примеч.28) : ср.-кор. -0- (с компенсаторной долготой гласного, т.е. тоном 3)". Ср. следующие примеры:

1. тюрк. *dūr 'соль' : ср.-монг. dabu-sun, монг.письм. dabu-sun (<*dabur-sun) id. ~ ТМ *ʒujar- 'кислый, горький' ~ кор. čēl- (<čjǝr-) 'быть соленым' (см. с. 47).

2. тюрк. tōf 'пыль' (VEWT 492) : ср.-монг. toʎo-sun, монг.-письм. toyo-sun (<*toyor-sun) id.: ТМ *tūr(e) < *towure 'земля' (ТМС 2, 217-218) : ср.-кор. tǝr-ta 'быть грязным', tǝr-m-ta 'пачкаться' (см. ниже, с. 86-87).

3. тюрк. *kōl 'долина, русло' (VEWT 277) ~ монг. письм. youl 'долина, река' : маньчж. Golo 'русло, долина' (возможно < *gowVlo, однако не исключено и заимствование из монг.; см. ТМС 1, 160) : ср.-кор. kōg 'долина' (см. SKE 121, ОСНЯ 1, 231-232).

4. тюрк. *kūr(i)- 'сухой, сохнуть' (VEWT 302) : письм.-монг. qaur-ai, qayur-ai 'сухой', ср.-монг. qoʎa-sun (< *qoʎar-sun) id. (см. ниже, с. 48).

5. ТМ *ʒuwe, *ʒuwe-r 'два' (ТМС 1, 276-277) : ср.-кор. tūr 'два' (в сложениях tū-); возможно, также тюрк. *dū-ı 'равный, спутник, противоположная сторона' (< 'пара') (VEWT 501, ЭСТЯ 3, 303-306) (см. ниже, с. 31-32).

Во всех этих случаях невозможна реконструкция праалтайского -b- (который дал бы тюрк. *b-, кор. -p-, см. выше, с. 14).

d) Интервокальный -j- хорошо представлен во всех алтайских языках, и в этой позиции надежно реконструируется для праалтайского (см. [Рорре 1960, 66-67]). Однако с реконструкцией анлаутного *j- дело обстоит гораздо менее благополучно. В тюркском анлаутный *j- в большинстве случаев восходит к различным другим алтайским согласным (*n-, *ń-, *l-, *d-, *ʒ-, в определенных случаях также к *p', *ŋ-, см. выше). В монгольском j-, как было показано выше, также может

восходить (в определенных условиях) к *р' и *ŋ-. Для пратунгусо-маньчжурского начальный *j- (как и *w-) вообще, по-видимому, не реконструируется (см. [Цинциус 1949, 213; Benzing 1955, 997]). Наконец, в корейском j- (в тех случаях, когда он не восходит к ср.-кор. nj-), встречается в подавляющем большинстве случаев только перед гласными э и а. Комбинации jə-, ja- исторически следует, по-видимому, рассматривать как дифтонги -iə-, -ia- после нулевого анлаута (именно так, кстати, они и обозначаются графически). Таким образом, для соответствия тюрк. *imğa 'горный козел' (VEWT 165), монг.-письм. imagan, ср.-монг. imaʒan 'коза', ТМ *imaga-n 'коза' (ТМС 1, 312)⁴², ср.-кор. jəm-sjó 'коза' (собственно, 'коза-бык') (см. [Рорре 1960, 32]) следует восстанавливать праалтайскую форму типа *iVm(a)ga с анлаутным дифтонгом.

Прочие примеры на анлаутный *j-, приведенные в [Рорре 1960, 32], еще более сомнительны. Так, монг. ja-yun 'что' восходит к алтайской форме с начальным *ŋ-, а связываемые с ним маньчж. ja, эвенк. ā- и пр. - к алтайской форме с начальным *k'- (см. с.39). Монг. jada- 'не мочь, жить в бедности', jadaуу 'бедный' вряд ли стоит связывать с тюрк. *jadag 'пеший, пешеход' (а современные тюркские формы типа туркм. jāda- 'утомляться', тел. jada- 'слабеть' и под. (см. VEWT 177), очевидно, нужно считать монголизмами). Др.-уйг. jarraq 'часто, много', jarraqin 'поспешный', с которыми Н. Поппе сравнивает монг. jaуага- 'спешить' - видимо, результат недоразумения (в ДТС, VEWT и EDT эти формы отсутствуют). Маньчж. jabu- (у Н. Поппе jafa-), сол. jabu- 'идти, ехать' и др. (см. ТМС 1, 337) - несомненно, заимствованы из монгольского jabu-. Монг.-письм. igua 'плохой признак, дурное предзнаменование' следует связывать не с тюрк. *jöt- 'объяснять, толковать' (VEWT 208), но с тюрк. *igim 'предсказание, предзнаменование' (VEWT 166), *ir-k 'предсказание, участь, судьба', ТМ *riгу- 'заклинать, молиться', ср.кор. riг- 'просить, молиться' (подробный разбор этого корня, к которому относится также монг.-письм. игүе-, ср.-монг. hiгүе- 'благословлять, молиться', см. ОСНЯ 3, 119-124). Наконец, эвенк. jegin и прочие ТМ формы со значением "девять" восходят к ПТМ *xegün (с надежной параллелью в японском kokono 'девять', см. ниже), а потому вряд ли могут быть связаны с монг. je-sün 'девять'.

Мы можем, следовательно, сформулировать важный вывод:

⁴² Не исключено, что все тунгусо-маньчжурские формы (эвенк. imауаḡ, pāmēn, сол. imауḡ, ульч. imа(n)-, маньчж. imахḡ, niman) etc. представляют собой разновременные монголизмы.

неносовые сонорные *j и *w в праалтайском существовали, но не могли встречаться в анлауте (точно так же, как и плавный *r, но в отличие от носовых *n, *ń, *m, *ŋ и плавного *l, которые могли встречаться в любой позиции).

е) В ряде случаев в различных алтайских языках наблюдается выпадение инлаутных сонорных согласных. Наиболее консервативны в этом отношении тюркские языки, как правило, сохраняющие сонорные в интервокальной и ауслатной позиции⁴³.

Монгольский язык сохраняет интервокальные сонанты, но регулярно утрачивает все сонорные перед суффиксами -su(n), -du(n) (и, возможно, некоторыми другими), см. [Рамстедт 1957, 199].

В тунгусо-маньчжурском инлаутные сонанты, как правило, сохраняются хорошо, за исключением одного важного типа случаев, а именно, утраты сонанта *-r- после исконных долгих гласных перед последующими краткими узкими гласными. Дело в том, что уже в пратунгусо-маньчжурском отсутствовала корневая структура **cṽcṽ*узк. (т. е. не допускались слова типа **mōti*, **mōtu*, **mōtū*), при наличии любых других структур (т.е. **cṽcṽ*узк., шир., **cṽcṽ*шир., **cṽcṽ*узк., шир.). Очевидно, уже в пратунгусо-маньчжурском **cṽcṽ*узк. > **CṽC*. В результирующей односложной структуре конечный согласный обычно сохранялся (ср. **sōl*- 'смешивать', **sūn* 'одежда' и многие другие), однако структура **Cṽr* упрощалась в **Cṽ*⁴⁴. Ср. ТМ **ī*- 'входить' (ТМС 1, 293) при монг.-письм. *ige*- 'приходить', ТМ **mō*'дерево' (ТМС 1, 540) при монг.-письм. *mo-dun* (< **mor-dun*) id., ср.кор. *mōgō* 'лес' (см. ниже, с. 32); ТМ **mū* 'вода' (ТМС 1, 548) при монг.-письм. *mōre-n* 'река', ср.-кор. *mír* 'вода' (см. ниже, с. 27) и др.

f) В корейском наблюдается частое выпадение инлаутных сонантов (*-r-, *-l-, *-n-, *-ń-) перед последующим гласным *i* или дифтонгами на -j-. При этом если в первом слого налицо передний нелабиализованный гласный, то происходит стяжение **CVRjV* > **CVjV* > *CjV* (ср. ср.-кор. *s-pjǎ* 'кость' < **p'enjV*, *hǎj* 'язык' < **k'ǎljV*, но *kúi* 'ухо' < **k'úlǎjV*, *hǎi* 'белый' < **siarǎjV* и т.п.). Точные условия выпадения инлаутных сонантов в корейском можно будет, по-видимому, сформулировать в процессе реконструкции праалтайского ауслатного вока-

⁴³ Иногда наблюдается лишь выпадение -n- в структуре *CVnC(V)* (> *CVC*), ср. **ŋinta* 'собака' > тюрк. **it* ~ **it* и под.

⁴⁴ Нам известен только один общетунгусо-маньчжурский корень структуры *Cṽr*, а именно **dār* 'маховая сажень' (ТМС 1, 198). Возможно, это заимствование (хотя источник его пока неизвестен).

лизма.

Приведем теперь сводную таблицу соответствий в области консонантизма между алтайскими языками, с учетом всех сделанных выше замечаний.

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*p ^ʼ	0- (~j-), -p-	h- (~j-), -ɣ- ~ -b-	p	p-, p(h)
p	b	h-, -ɣ- (-w-)	p-, -b-	p-, -w-
*b	b	b (~-ɣ-)	b-, -w-	p
*m	b-, m	m	m	m
*-w-	-0-, -b	-ɣ- ~ -b-	-w- ~ -j-	-0-
*t ^ʼ	t	t, č(i)	t (či-)	t-, t(h)
*t	d-, t	d, č(i)	d- (*ži-), t	t-, -r-
*d	j-, d	d, ž(i)	d (*ži-)	t-, -r-
*n	j-, n	n	n	n
*-r1-	-r-	-r-	-r-	-r- (=l-)
*-r2-	-r2- (=r̄-)	-r-	-r-	-r- (=l-)
*l1	j-, l	l- / n-, l	l	n-, -r- (=l-)
*-l2	-l2- (=l̄-)	-l-	-l-	-r- (=l-)
*k ^ʼ	k-, -k- (/g-)	k-, k- (/g-)	x-, k	k (/h-)
*k	g-, -g- (/k-)	k-, -g-	k-, g	k-, -0- (-h-)
*g	g	g-, -ɣ-	g	k-, -0- (-h-)
*ŋ	0- (~j-), -ŋ-	0- ~ j- ~ g-, -ŋg- // -ɣ- (/n-)	ŋ	n-, ŋ ~ 0
*č ^ʼ	č	č	č	č-, č(h)
*č	d-, č	d-, č	ž-, s	č
*ž	j	ž	ž	č
*ń	j-, ń	n	ń	n-, ń
*s	s	s	s	s- /h-, s
*-j-	*-j-	-j- / -ɣ-	-j-	-j-
? *š	?	s	*š	?
? *z	j-	s-	s-	s-

Вокализм.

Реконструкция системы гласных для праалтайского в работах Г. Рамстедта и Н. Поппе ориентировалась существенным образом на тюрко-монгольскую сингармонистическую схему вокализма. Однако есть основания полагать, что исходная алтайская система гласных довольно существенно отличалась от тюркской и монгольской.

Рассмотрим систему гласных в тунгусо-маньчжурских языках. В работах В. И. Цинциус (1949) и И. Бенцинга (1955) для пратунгусо-маньчжурского первого слога восстанавливается система из восьми гласных (с учетом долготы/краткости - из шестнадцати).

i	ï (Цинц.- у ^и)	í (Цинц. е)	u
ä	ö (Цинц.- у ^э)	a	o

Все те же гласные (за исключением о) восстанавливаются для непервых слогов. При этом устанавливается общее сингармонистическое правило, согласно которому в двух соседних слогах могут быть представлены только гласные одного ряда. Таким образом, несмотря на то, что в современных тунгусо-маньчжурских языках сингармонизм весьма ограничен (рефлексы *i и *ï, *ö и *u в большинстве случаев совпадают, фонема *ï как таковая также не сохраняется, и сингармонизм фактически сводится к запрету на сочетаемость ä, с одной стороны, и a, o - с другой), для праязыкового состояния реконструируется система, весьма сходная с тюркской и монгольской.

Однако, по нашему мнению, это впечатление обманчиво. Дело в том, что для пратюркского реальность восьмигласной (или девятигласной, если учитывать противопоставление *e - *ä⁴⁵) системы подкрепляется наличием большого количества односложных корней с каждым из реконструируемых гласных. Что касается тунгусо-маньчжурского, то в реконструируемых односложных пратунгусо-маньчжурских корнях реально встречаются только шесть гласных: *i, *ä, *ï, *ö, *o, *a; односложные корни с гласными *i, *u полностью отсутствуют. Если мы обратимся теперь к дистрибуции гласных в двусложных

⁴⁵ Вопрос о наличии в пратюркском оппозиции *e - *ä является одной из дискуссионных тем в тюркологии (см. подробный разбор в [Щербак 1970, 28-33]). Одни исследователи считают эту оппозицию исконной, другие (в том числе А. М. Щербак) - вторичной (возводя ä к краткому *ä, а e - к долготу *ǟ).

корнях, то увидим следующую ситуацию:

	1-й слог			2-й слог			
	*i	*ä	*ü	*ö	*i	*a	*u
*i	-	+	-	-	-	-	-
*ä	+	+	+	+	-	-	-
*ü	+	+	+	-	-	-	-
*ö	-	+	+	-	-	-	-
*i	-	-	-	-	+	+	+
*a	-	-	+	-	+	+	+
*u	-	-	-	-	+	+	+
*o	-	-	+	-	+	+	-

По этой таблице очевидно, что гласный *i оказывается в дополнительной дистрибуции с *i, а гласный *u - с *ö (но не с *ü, поскольку как *ü, так и *u представлены после *a; кроме того, если мы объединяем в одну фонему *i и *i, то перед этой фонемой *u и *ü также оказываются противопоставленными, в отличие от *u и *ö, противопоставление которых и в этом случае отсутствует). Таким образом, мы можем без особой сложности свести число пратунгусо-маньчжурских гласных фонем к шести: *i, *ä, *ü, *ö, *o, *a. Такая система, однако, типологически довольно маловероятна (в переднем ряду больше фонем, чем в заднем; отсутствует высокий задний гласный u). Если мы обратимся к реальным рефлексам этих фонем в современных тунгусо-маньчжурских языках, то мы увидим, что на месте ПТМ *ö в них регулярно представлены рефлексy u (так во всех языках в переднем ряду, т.е. перед последующими гласными *ü, ä, а в эвенкийском, ороцком и удэйском также и в заднем ряду, т.е. перед гласными *i (= *i), *a и *ö (= *u); рефлекс o налицо только в заднем ряду в негидальском и нанайском, изредка также в ороцком, ульчском и маньчжурском языках; солонский, эвенский, ульчский и ороцкий языки в заднем ряду имеют особый "сдвинутый" рефлекс u.⁴⁶ Следовательно, вместо *ö И. Бенцинга, скорее всего, следует восстанавливать просто гласный *u, объединяя таким образом *ö и *u в одну фонему.

⁴⁶ Мы пользуемся здесь системой обозначений, принятых в ТМС; в более ранней работе [Цинциус 1949] переднерядный рефлекс *ö в солонском, ороцком и ульчском языках обозначается как u (y), а заднерядный рефлекс *u в солонском, эвенском, ульчском и ороцком языках обозначается как u.

Особо следует остановиться на фонетической характеристике тунгусо-маньчжурских гласных *ä и *ü. Рефлекс *ä в современных языках (обозначаемый в русской транскрипции как э) определяется как "гласный смешанного ("среднего") ряда, среднего подъема, иногда слегка огубленный" (см. [Цинциус 1949, 78]), т.е. нечто вроде /ə/. Поскольку в отношении сингармонизма гласные *ä и *ü ведут себя практически одинаково, велика вероятность того, что гласный *ü в прото-тунгусо-маньчжурском относился также не к переднему, но к среднему ряду, т.е. представлял собой нечто вроде /u/ (по современным языкам он дает рефлексы i либо u). Выше мы (в практических целях) обозначали *ä как e, а *ü как ü; этой же системы обозначений мы будем придерживаться и ниже, чтобы не слишком отходить от традиционной реконструкции; следует помнить, однако, что символы *e и *ü для ПТМ обозначают скорее гласные среднего ряда, чем переднего.

Перепишем теперь приведенную выше таблицу дистрибуции в новом виде (с шестью гласными фонемами):

1-й слог	2-й слог				
	*i	*e	*ü	*a	*u
*i	+	+	-	+	+
*e	+	+	+	-	+
*ü	+	+	+	-	-
*a	+	-	+	+	+
*u	+	+	+	+	+
*o	+	-	+	+	-

Мы видим по этой таблице, что основное правило ПТМ "сингармонизма" - это запрет на сочетание гласных *a, *o, с одной стороны, и *e, с другой стороны, в пределах двух соседних слогов. Кроме того, есть более частные ограничения (отсутствие *o в непервых слогах; запрет на следование *u после *o, *ü после *i и задних гласных после *ü).

Таким образом, тунгусо-маньчжурский сингармонизм коренным образом отличается от тюрко-монгольского и сводится к наличию некоторого числа ограничений в сочетаемости соседних гласных.

Нам представляется, что тунгусо-маньчжурская модель вокализма является более архаичной, чем тюрко-монгольская, на которую традиционно ориентировалась алтаистика. По-видимому, в

протоалтайском сингармонизма не существовало вообще (или он проявлялся в ограниченном числе запретов на сочетаемость гласных), а в тюркском и в монгольском произошло выравнивание гласных в "разнорядных" словах (т.е. в словах, содержащих одновременно гласные заднего и переднего ряда). Аналогичный процесс происходил и в корейском (хотя последний, по-видимому, сохранил многие архаичные черты). Однако эта тема выходит уже далеко за рамки настоящей работы, и мы рассчитываем вернуться к ней в одной из следующих работ.

Здесь мы предложим только общую схему соответствий гласных между алтайскими языками - в том виде, в каком она сейчас намечается.

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*i	i ~ i	i	i	i
*e	e	e	e	a ~ ə
*ä	a ~ ä	a ~ e	ï, ā	i ~ ä
*ü	u ~ ü	u ~ ü	u	u ~ i
*ö	o ~ ö	o ~ ö	o	o (~ i)
*i (ə)(?)	i ~ i	i	i ~ u (o)	u ~ a
*u	u ~ ü	u ~ ü	u ~ ü	o
*o	o ~ ö	o ~ ö	ü (~ä), õ	o (u) ~ ä
*a	a ~ ä	a ~ e	a ~ e	a ~ ə

Двойные рефлексы в тюркском, монгольском, возможно, также в корейском и тунгусо-маньчжурском обусловлены упомянутым выше процессом выравнивания гласных в "разнорядных" словах.

Помимо простых гласных (кратких и долгих⁴⁷), для праал-

⁴⁷ Долгие гласные реконструируются для пратюркского и пратунгусо-маньчжурского и имеются также в корейском (в среднекорейском они маркируются двумя точками как "восходящий" тон). В среднемонгольском и письменномонгольском долготы отсутствуют; в большинстве современных монгольских языков они явно вторичны (восходят к стяженным последовательностям гласных в результате выпадения некоторых интервокальных согласных). Есть, однако, гипотеза о том, что некоторые южномонгольские языки отражают исконное противопоставление долгих и кратких (см. [Нумура 1959; Хаттори 1959]). По нашему мнению, она пока не доказана, и монгольские долготы мы не учитываем. Пратюркские, пратунгусо-маньчжурские и корейские долготы в целом довольно хорошо соответствуют друг другу, хотя в

тайского необходимо восстанавливать еще ряд дифтонгов:

алт.	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
*ia	a (ä)	i ~ a	ia	ǎ ~ i
*io	a (ä)	i (~ ö)	o	o
*iu(?*ue)	o ~ u	o ~ u	i	jə
*ua	a (ä)	a (e)	u	u

Примеры на все эти ряды соответствий см. ниже *passim*.

Итак, мы видим, что между алтайскими языками устанавливается система вполне регулярных фонетических соответствий, охватывающих целиком все фонологические подсистемы языков каждой подгруппы. Следовательно, главное условие генетического родства здесь оказывается выполненным. Однако этого еще недостаточно для констатации генетического родства - нужно еще показать, что эти соответствия соблюдаются в области базисной лексики, иными словами, что описанная выше система соответствий характеризует исконный, а не заимствованный пласт лексики в каждой из рассматриваемых подгрупп⁴⁸. Эта проблема рассматривается во второй части настоящей работы.

каждой из этих языковых семей, по-видимому, происходили процессы вторичного сокращения долгот, существенно усложняющие картину соответствий (в тюркском долгие гласные часто сокращаются перед некоторыми сонантами, в частности, перед *l; в тунгусо-маньчжурском, очевидно, происходило сокращение долгот в закрытом слоге; в корейском старые долгие сокращаются в одном из двух корейских тонов, а именно, в падающем - в результате на долгих гласных в среднекорейском оказываются нейтрализованными тональные противопоставления).

⁴⁸ Хорошо известно, что в результате активных контактов между неродственными языками может возникать ситуация, внешне напоминающая генетическое родство. Так, на множестве китаизмов в японском языке вполне можно установить систему регулярных фонетических японо-китайских соответствий. Лишь то обстоятельство, что в области базисной лексики японский и китайский языки практически не обнаруживают никаких сходжений, заставляет нас считать их неродственными.

Глава II**Лексикостатистика на материале тюркских, монгольских,
тунгусо-маньчжурских и корейского языка**

Единственным объективным способом оценки степени близости сравниваемых языков пока является лексикостатистика. В литературе лексикостатистическая методика М. Сводеша неоднократно подвергалась критике, часто, однако, необоснованной. Эта методика (как и любая другая) имеет свои достоинства и недостатки, однако налицо несомненный эмпирический факт: для всех языковых семей, родство языков внутри которых в научных кругах не подвергается сомнению (таких, как индоевропейские, тюркские, уральские, картвельские, тибето-бирманские, австронезийские и пр. и пр.), лексикостатистические подсчеты всегда дают результат, заведомо превышающий порог случайных совпадений (не менее 10% совпадений в пределах 100-словного списка М. Сводеша). Поэтому мы считаем, что лексикостатистический анализ - довольно надежное средство доказательства родства языков (а также хорошее вспомогательное средство для установления генеалогической классификации языков внутри семьи и для абсолютной хронологии распада праязыка этой семьи.) Не следует забывать лишь об одном чрезвычайно важном обстоятельстве: лексикостатистика никоим образом не заменяет собой сравнительную фонетику и грамматику. Методически абсолютно неправильно проводить лексикостатистические подсчеты на материале языков, между которыми не установлена система регулярных фонетических соответствий. Подобные подсчеты (от которых, к сожалению, не удержался и сам автор лексикостатистической теории - см. [Сводеш 1965]) зачастую приводят к самым фантастическим результатам (поскольку велика вероятность учета случайных совпадений, и, напротив, в случае отдаленного родства сравниваемых языков - обнаружения исконно родственных лексем, сильно видоизмененных фонетически).

Попытка лексикостатистической оценки алтайской теории была предпринята в 1969 г. Дж. Клосоном [Клосон 1969]. Взяв за основу 200-словный список М. Сводеша для древнетюркского, древнемонгольского и маньчжурского языков (корейский и японский не учитывались), Дж. Клосон пришел к выводу о том, что общие элементы в тюркском и монгольском составляют не более 2%, а в мон-

гольском и маньчжурском - не более 3, 5%, а следовательно, алтайская теория неправомерна. Однако тщательная проверка материала показывает, что Дж. Клосон осуществлял свои подсчеты, полностью игнорируя все достижения сравнительной фонетики алтайских языков. Конкретную критику отдельных тезисов Дж. Клосона см. ниже; в целом же нужно сказать, что разбор лексических совпадений между алтайскими языками без учета обширной литературы, написанной специально на этот предмет, конечно же, недопустим.

Мы проводили сравнение лексики по стандартному 100-словному списку М. Сводеша. Кроме того, для некоторых целей, которые станут ясными ниже, мы обследовали также 10 дополнительных словарных значений, предложенных С. Е. Яхонтовым ("близкий", "ветер", "год", "далекий", "змея", "короткий", "соль", "тонкий", "тяжелый", "червь"). Фактически мы использовали, таким образом, 110-словный список. Конкретные списки по 54 алтайским языкам и диалектам см. в Приложении.

Чтобы избежать ошибки, допущенной при подсчетах Дж. Клосоном, мы предварим лексикостатистическую процедуру этимологическим разбором сходжений, наблюдающихся между алтайскими языками в пределах 110-слового списка.

1. "белый": тюрк. *sāri-g ~ ср.-кор. hǎi (< *siǎri-) < алт. *siāri.

В большинстве тюркских языков и в древнетюркском этот корень имеет значение "желтый" (др.-тюрк. sarıy, туркм. sārī, як. aḡaḡ-as, тур. sarı и т.д.), но в чувашском рефлекс *sāri-g šotǎ означает "белый" (чув. saḡǎ "желтый", по-видимому, вторично заимствовано из татарского), см. VEWT 403-404, EDT 848, ЭСТЯ 339. По всей видимости, пратюркское *sāri-g "белый" изменило значение уже после отделения чувашского, будучи вытеснено корнем *āk (отсутствующим в чувашском, см. VEWT 12, ЭСТЯ 116-117, EDT 75)⁴⁹. Из монгольского материала к данному корню относят ср.-монг. šira, монг.-письм. sira "желтый" (см. [Владимирцов 1929, 318], KW 349, VEWT 404, [Miller-Street 1975, 131], МССИЯ 363, [Клосон 1969, 40])⁵⁰.

⁴⁹ Корень *āk, вероятно, первоначально означал 'светлый', ср. японские параллели к обоим корням: тюрк. *sāri-g - ПЯ *sirua- 'белый', тюрк. *āk - ПЯ *ака- 'светлый, красный' (см. с. 105).

⁵⁰ В ОСНЯ 1, XV исконными параллелями признаются как монг. sira, так и монг. sara (с возможными первоначальными просодическими различиями), что нам представляется менее вероятным.

Из тунгусо-маньчжурского материала к рассматриваемому алтайскому корню обычно привлекается маньчж. *šaga-* 'седеть, белеть', *šagi* 'свет, сияние', *ša-xun* (< **šar-xun*) 'беловатый' [(см. ТМС 2, 381, где эти формы ошибочно объединены с рефлексами основы **ča-* (< монг.) 'белый')]. Сюда же, очевидно, относится ПТМ **siārū-* 'радуга, молния' (эвенк. *sāgū-* 'переливаться (о радуге), сверкать (о молнии)', *sāgūn* 'радуга; молния'; орок. *sārgo ~ siro* 'радуга' (см. также ТМС 2, 72).

Японскую параллель см. ниже (с. 82).

Ср. МССНЯ 363 (ностр. **śohrV* 'светлый'), где алт. **siāra* 'желтый, белый, бледный' (тюрк., монг. *sira*, маньчж.) сопоставляется с урал. **śōga* 'светлый, белый, серый', сем.-хам. **šhr* 'луна'. Долгопольский [Долгопольский 1974, 165] привлекает к сравнению с сем.-хам. **šVhr* 'луна' только монг. *sara* (а также самод. **jīrV* 'луна').

Ср.-кор. *hǎi-* 'белый', хотя соответствия вполне регулярны, обычно к сравнению с рассматриваемым корнем не привлекается (по-видимому, из-за того, что большинство исследователей знакомы только с современной формой *hi-* 'белый', которая еще дальше отошла от первоначального архетипа).

2. "близкий": тюрк. **jag-uk*, **jak-in* ~ ТМ **daga* < алт. **daka*.

В тюркском рассмотренные образования (ср. чаг. *jauk*, каз. *žūk*, чув. *śivāx*, тур. *jak-in*, туркм. *jak-n*, як. *čugas, sugas* etc.) формально являются отглагольными (ср. др.-тюрк. *jaq-, jaγ-, jaγu-* 'приближаться', чаг. *jaq-, javu-* 'приближаться' etc.), см. VEWT 178, 180, EDT 896, 898, 901, 904, ЭСТЯ 224⁵¹.

В тунгусо-маньчжурском ср. эвенк. *daγa* 'близкий', сол. *daga* 'близко', эвен. *daγə-m-* 'приближаться', *dā-lī* 'близкий', нег. *daγa id.*, уд. *dā-ša id.*, нан. *da-ptī* 'ненадолго' [=эвенк. *daγa-ptī* 'ближайший (по времени)'], маньчж. *da-rtaj* 'скоро, вскоре', см. ТМС 1, 187-188.

К этому же корню относится монг.-письм. *daγa-*, ср.-монг. *daqa-* (= *daGa-*) 'следовать за кем-л.', монгол. *daGāid.*, калм. *daχA-*, халха-монг. *daga- id.* См. XI 48, KW 72, DM 38.

Сюда же относится кор. *tai-m* 'следующий; далее, затем' (ср.-кор. форма не зафиксирована). Японскую параллель см. ниже.

См. SKE 250 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ ~ кор.), KW 72, [Porpe 1960, 22,

⁵¹ Не вполне ясно, как все перечисленные формы относятся к др.-тюрк. *jaq*, чаг. тат. etc. *jaq* 'сторона'. Рясянен (VEWT 180) относит к этому же корню формы со значением 'намазывать, втирать', но их лучше отделять (вслед за EDT 896.)

120]. Ср. также ОСНЯ 1, 215-216 (ностр. *daqa 'близко'), где приведенные алтайские формы сравниваются с сем.-хам. *dḳ 'близко', урал. *taka 'задний'.

3. "весь":

а) тюрк. *Кор ~ монг.-письм. qou ~ ТМ *куру- < алт. *kor'у.

Корень *кор засвидетельствован только в древнетюркском и среднетюркском в виде qor, см. ДТС, VEWT 281, EDT 579⁵²; в современных языках отсутствует.

Монг.-письм. qou, калм. хō "alle, alles, ganz", см. KW 191.

В ТМ ср. эвенк. kūkte (диал. kuwu-kti) 'весь, целый; целиком'; солон. хоккожі 'полностью'; нег. керу-kte 'весь, целый'; уд. kufu-la, -le 'сплошь'; улч. кур-те 'целый'; ороц. qoro-lo, куру-kte id.; нан. куру-kte 'весь, целый, целиком'. См. ТМС 1, 426 (эвен. kubəč, орок. курици, маньчж. gubči ~ курчи, очевидно < монг. gübčün ~ kübčün).

См. [Владимирцов 1929, 255-256], KW 191⁵³.

б) тюрк. *büt-ün ~ ср.-кор. mōtān, mōtá, mōtó < алт. *mut'Е.

В тюркском данная основа (др.-тюрк. bütün 'весь, целый, полный', тур., аз., кум., як. bütün, чув. pōdōm etc. 'весь, целый') является производной от *büt- 'кончатся, завершаться' (др.-тюрк. büt-, тур., аз., туркм. bit-, як. büt- etc.), см. VEWT 93, ЭСТЯ 2, 152, 302-303, EDT 298-306, ЭСЧЯ 158. Из тюркского заимствовано монг.-письм. bütü-, калм. büt- 'завершаться', монг.-письм. bütün, калм. bütñ 'совершенный, законченный' (KW 69-70). Рамстедт считает тюрк. *büt- и монг. bütü- ис-

⁵² Клосон (EDT 579) считает возможным разложение на *ко- ('клась') + -р, однако сам высказывает сомнения в таком членении; форму koraп, приведенную у Радлова и цитируемую в VEWT 281, он считает фиктивной.

⁵³ В ТМС 1, 426 ТМ *куру- сравнивается с монг.-письм. köbčün (~ gübčün), халха-монг. хөвчүн 'весь, целый, все, все'. Однако последний корень, вслед за Владимирцовым [Владимирцов 1929, 323], следует скорее сопоставлять с тюрк. *kör 'много, обильный, очень' (др.-тюрк. köp, каз., туркм. kör etc., см. VEWT 291, EDT 686-687) и с ТМ *(х)ур- (эвенк. ur-ire 'собраться', ur-kalin - 'собрать всех', ur-kat 'весь, все, целый', негид. op-kal 'все', уд. ufal 'все', см. ТМС 2, 281) < алт. *k'op'Ī. Сюда же, вероятно, относятся ср.-кор. kōr- 'удваивать, добавлять' (КС 52), и др.-яп. кур-ар-а- 'добавлять' (RJ kufafú). Рамстедт (SKE 177) сравнивает ТМ *(х)ур- с кор. ᄒᄇ (ср.-кор. ᄒᄇ-п 'весь', ᄒᄇ- 'быть в полном составе, полностью', см. КС 381), но это сомнительно (как по фонетическим причинам, так и ввиду наличия у ТМ основы другой вероятной этимологии).

конно родственными, а тюрк. *bütün* < монг.; все это маловероятно ввиду внешних данных (начальный *m- не должен давать монг. b-).

Ср.-кор. *mòtǎn*, *mòtá*, *mòtó* 'весь, все' (ХМ 234: *mòtir*, КС 214), в свою очередь, является производным от глагола *mòt*'собираться, накапливаться' (ХМ 235, КС 217).

Корейские формы в SKE 152, на наш взгляд, неудачно сравниваются с монг. *muži* 'нация, народ', др.-тюрк. *budun id.* В SKE 260-261 Г. Рамстедт сравнивает тюрк. **büt*- с ТМ **mute*- 'мочь, уметь; исполнить, закончить' (см. ТМС 1, 561); там же, однако, приводятся монгольские формы, считающиеся исконно родственными, и мало надежная корейская параллель. ТМ **mute*- может относиться к рассматриваемой нами основе только если признать контаминацию в ТМ двух исконных алтайских корней [алт. **müte* 'знать, верить', см. выше, с. 15, и алт. **mut*'Е 'кончат(ся), завершат(ся)'].

Не исключено, что сама алтайская основа **mut*'Е 'завершат(ся), накапливать(ся)' является производной: ср. в ср.-кор. при *mòt*- 'собираться, накапливаться' основу *mòi*-(*mòi-hó*-, КС 220) 'собирать, накапливать'⁵⁴.

4. "вода"

а) тюрк. **sub* ~ ср.-монг. *usun*, монг.-письм. *usu*, *usun* < алт. **suwA* (~ **süwA*).

В тюрк. ср. др.-тюрк. *sub*, ср.-тюрк. *suv* ~ *suḡ*, туркм. *suv*, кум. *sū*, як. *ū*, чув. *šiv* etc., см. ДТС, VEWT 431, EDT 783, ЭСЧЯ 340.

В монг. ср. ср.-монг. *usun* (ХИ 106), письм.-монг. *usu*, *usun*, калм. *usn* (KW 452), халха-монг. *us*, дун. *usu*, бао. *sū* ~ *sə*, дагур. *os*, монгор. *fuḡu* (с вторичным f- < **usu*) (DM 102) etc.

Тюркская и монгольская формы обычно не сравниваются из-за несоответствия структуры корня. Однако представляется, что это препятствие вовсе не так непреодолимо. Дело в том, что монгольский явно избегает в начале основы последовательностей типа *CiC*- и *CuC*- с двумя одинаковыми согласными, стремясь к их устранению. Этот процесс начался, очевидно, уже в протомонгольском (многие формы такого типа уже упростились к среднемонгольскому периоду, ср. *üsün* 'молоко' < **süsün* < **süt-sün* при тюрк. **sūt id.*, *uta-ʔan* 'дым' < **tuta-ʔan* при тюрк. **tüt-ün id.*, см. ниже), но продолжался и на протяжении более позднего периода. Ср. при ср.-монг. *sisgei* -

⁵⁴ Аналогичная пара основ имеется и в японском: ср. др.-яп. *muta* 'вместе' при *mii-na*, RJ *mínà* < **múi-nà* 'все'.

монг.-письм. *isegei* 'кусочек войлока', при ср.-монг. *sisamun* - монг.-письм. *simayul* 'мука', при ср.-монг. *nuntuq* 'лагерь' - монг.-письм. *nutuq* и др. Объясняется это, очевидно, рано начавшимся процессом редукции узких гласных первого слога (впоследствии в ряде современных монгольских языков приведем, в частности, к их полному выпадению в анлауте).

Таким образом, вполне вероятно, что ср.-монг. *usun* восходит к **su-sun* < **suw-sun* [с распространенным именным суффиксом *-su(n)*] и прямо генетически связано с тюркским **sub*⁵⁵. Поэтому отпадает необходимость связывать монг. *u-* в *u-sun* с ТМ **ūwa* 'волна' (ТМС 2, 247) [Рамстедт 1957, 199] и далее, с урал. **uwa* 'течение, поток' (см. ОСНЯ 1, 256).

Ср. МССИЯ, 341 (ностр. **sVwV* 'жидкость'), где тюрк. **sub* (без монгольских параллелей) связывается с и.-е. **seu(H)* 'жидкость, лить', картв. **s₁w-* 'пить', сем.-хам. **š/w-* 'пить'.

б) ТМ **mū* ~ ср.-кор. *mīng* < алт. **mūngi*.

В ТМ ср. эвенк., сол., нег., орок. *mū*, эвен. *mō* ~ *mū* 'вода', уд. *mu-de* 'наводнение'; к суффиксированной форме **mū-ke* восходят ульч. *mū/mue*, нан. *mue* (диал. *muke*), маньч. *muke* 'вода' (см. ТМС 1, 548-549).

Ср.-кор. *mīng* см. в ХМ 360, КС 229. В др.-кор. (XII век) зафиксировано написание 沒 *muət* (= /mīng/), см. КЧС 161.

К этому же корню относится ср.-монг. *mūre-n* (XI 76), монг.-письм. *mōren* (KW 267) 'река'. Ср. также *-mu-sun* (< **mursun*) в *nīl-musun* 'слеза' ('вода глаза'), см. ниже.

В тюркском корень в чистом виде не сохранился; ср., однако, *-mug* в тюрк. **jag-mug* 'дождь' (VEWT 177), первоначально, по-видимому, 'дождевая вода' (суффикс *-mug* в тюркском отсутствует); о корне **jag-* см. ниже.

Японскую параллель см. ниже (с. 82).

См. SKE 154, [Рорре 1960, 35, 110] (монг. ~ ТМ ~ кор.). В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 2, 61) отделяет ТМ **mū*, считая, что **-r* не мог отпасть в ТМ, и сравнивая ТМ форму с и.-е. **meu-* 'влажный', сем.-хам. **mw* 'вода, влага' (см. ОСНЯ 2, 62-63, ностр. **mEwV*). Корейскую и монгольскую формы В. М. Иллич-Свитыч сравнивает с сем.-хам. **mr* 'влажный', картв. **mag-* 'озеро, влажная почва; облако', и.-е. **mor-* 'бо-

⁵⁵ Тот же корень с другой аффиксацией содержится, вероятно, в монг.-письм. *sau-l₁a* 'ведро для воды (Wassereimer)' (KW 339) (< **suwA-l-ga*).

лото, водоем', драв. *maḡ-ai 'дождь' (ОСНЯ 2, 60-61, ностр. *mäǎ). На самом деле отпадение *-r в ТМ здесь вполне регулярно (см. выше, с. 20), и вряд ли необходимо отвергать традиционное сближение ТМ и прочих алтайских форм.

5. "волос":

а) тюрк. *kıl ~ ТМ *xiiŋ-ŋa (< *xil-ŋa-) ~ др.-кор. *kār-k- < алт. *k'iv.

В тюрк. ср. др.-тюрк. qıl, тур., аз., туркм., як. и т.д. qıl 'волос' (всякий), чув. хѐл-ѐх 'лошадиный волос', см. (ДТС; VEWT 262; EDT 614; ЭСЧЯ 297-298).

В ТМ ср. эвенк. iŋŋa-кта, сол. iŋa-кта- ~ iŋa-tta, эвен. iŋŋəŋ, нег. iŋa-кта ~ iŋŋa-кта, орок. iŋa-qta, уд. iŋa-кта, ульч. siŋa-qta, орок. siŋa-qta, нан. siŋa-qta 'волос, шерсть' (общее слово), маньч. iŋga-ха 'пух (птичий)'. Без суффикса кта- ср. эвенк. iŋŋa-, нег. iŋŋa- 'сдирать волосы, шерсть', нан. siŋa 'шерстяной ковер' (см. ТМС 1, 317). В ТМ основа осложнена распространенным суффиксом -ŋa; без этого суффикса ср., возможно, ТМ *xila-ga 'цветок' (< 'стебель'); именно эту форму привлекает к сравнению с тюрк. *kıl и монг. kilga-sun В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 351-352)⁵⁶.

К этому же корню относится монг.-письм. kil-γa-sun, калм. kilγAsn, kilγʌsn 'толстый лошадиный волос, волос хвоста' (KW 231).

В корейском ситуация довольно сложная. В др.-кор. (КЧС 167) зафиксировано написание 麻帝核試 ma-tiej-γäik-si = /məri-gā(r)k-si/ 'волосы'. К этой др.-кор. форме восходит ср.-кор. kārki 'лошадиная грива' (ХМ 308), совр. kālgi id. Но в современном корейском имеется также məri-kharak, mərikhal 'волосы головы', наряду с более распространенными məriŋhəl, məri-thəŋək⁵⁷. Надо полагать, что современные

⁵⁶ Г. Рамстедт (SKE 78) сравнивает маньчж. ilga, эвенк. ilaγa 'цветок' с кор. jəl-da 'раскрываться (о цветах), но это абсолютно исключено ввиду анлаутного *x- в ТМ форме (ср. орок. siŋla, нан. siŋlaqta 'цветок'). ТМ формы типа эвенк. iŋŋa-кта 'волос, шерсть' Г.Рамстедт (SKE 80) сравнивает с монг.-письм. iŋgu-sun ~ niŋgu-sun 'шерсть, волос, пух' и с тюрк. *jün 'шерсть', что неприемлемо по той же причине (ср. анлаутный s- в ульч., орок., нан., однозначно указывающий на ТМ *x- < *k'-); и конечно же, все эти формы не имеют никакого отношения к синокор. juŋ 'шерсть, начес'.

⁵⁷ Совр. thəl, thəŋək восходят к ср.-кор. thəri (< *tərhí), thəŋək (см. КС 458, ХМ 205) с ближайшей параллелью в монг.-письм. taŋ 'шерсть, волосы' (KW 380).

формы *məri-kharak*, *məri-khal* восходят к **məri-kārki* с вторичной модификацией фонетики под влиянием синонимичных *məri-thərak*, *məri-thəl*. Г.Рамстедт (PKE 84) сравнивает с тюрк. **kıl* и монг. *kilya-sun* корейскую форму *k:il*, которой на самом деле не существует (см. [Rosen 1974, 77; Miller-Street 1975, 103] где указывается на это обстоятельство и предлагается правильное сопоставление с кор. *kālgı*).

Японскую параллель см. ниже (с. 83).

См. PKE 84, VEWT 262 (тюрк. ~ монг. ~ кор.), [Miller-Street 1975, 103], ОСНЯ 1, 351-352 (ностр. **kila* 'стебель, волос'; в алтайском разделе сравниваются тюрк. **kıl*, монг. *kilya-sun*, ТМ **xila-ga* 'цветок' и, видимо, несуществующая форма кор. *məgi-gil* 'волос'; алтайские формы далее сравниваются с и.-е. **k'el-* 'стебель', урал. **kalke* 'волос, очески' и драв. **kel* 'волос, перо').

б) монг. **fūsün* (< **p'ün-sün*) ~ ТМ **pūne* < алт. *p'ünV*.

Ср. ср.-монг. (XI) *hüsün*, монг.-письм. *üsün*, калм. *üsн*, халха-монг. *üs*, дун. *usun*, бао. *суң*, даг. *хусw*, монгол. *fudze* 'волос'.

Из ТМ материала ср. маньчж. *fuñexe*, чжурчж. *funixie* 'волос' (см. ТМС 2, 303).

См. KW 460; альтернативная этимология Поппе [Poppe 1960, 70]: сближение ТМ формы с монг. *ünegen* 'лиса' и як. *ünügäs* 'щенок') явно неприемлема.

Японскую параллель см. ниже (с. 107).

6. 'ветер': тюрк. **jel* ~ монг.-письм. *sal-kin* < алт. **zelV*.

Ср. др.-тюрк., тур., аз. *jel*, тат. *žil*, чув. *šil* 'ветер' и др., см. ДТС, VEWT 195, EDT 916-917, ЭСЧЯ 213.

В монг. ср. монг.-письм. *salkin*, калм. *sälkn* (KW 318), халха-монг. *salxi*, юй. *salGəп*, монгол. *sarkı* (DM 329), ср.-монг. (XI) *sakir* 'ветер'. Из монг. заимствованы различные современные тюркские формы (тат., каз. *salqın* 'прохладный', тел. *salqın* 'сильный ветер' etc., см. VEWT 398)⁵⁸.

Также из монгольского заимствованы эвенк. *salgin*, эвен. *halgon* 'воздух' и др. тунгусо-маньчжурские формы (см. ТМС 2, 58). Исконным соответствием является, однако, эвенк. *sal-din* 'ветер (про-

⁵⁸ В др.-уйг. засвидетельствовано (hap.leg.) *salqim* 'прохлада, холод' (ДТС 483), представляющее собой, по-видимому, контаминацию монголизма **salqın* и тюрк. *saqım* 'иней, мороз' (засвидетельствовано у Махмуда Кашгарского), см. ДТС 489; EDT 826, 849.

хладный, легкий)', см. ТМС (там же). Эвенкийское слово подтверждает и членение монг. *salkin* на *sal-kin*.

Сближение тюрк. и монгольской форм, насколько нам известно, ранее не предлагалось. Оно возможно при условии принятия соответствия "монг., ТМ s- : тюрк. *j-", о котором см. примеч. 25).

7. "глаз": монг. *ni-dün* ~ ТМ **niā*-sa ~ ср.-кор. *nú-n* < алт. **niā*.

Монг.: ср. ср.-монг. *nidün* (ХИ 78), письм.-монг. *nidün*, калм. *nüdn* (KW 282), монгол. *nuDu* (DM 287), халха-монг. *nüd*, дун. *udun*, бао. *nəduŋ*, даг. *nid*, юй. *nudun*. Из монг. заимствовано эвенк. *hündun* 'глаз' (см. ТМС 1, 646)⁵⁹. Основа **ni-* в монгольском вычленяется также в производном **ni-l-musun* (**niā-l-mūg-sun*) 'слеза', букв. 'вода глаза', ср. ср.-монг. *nilbusun* (ХИ 79), монг.-письм. *nilbusun*, *nilmusun*, калм. *niłmʷsn*, *nülmüsn* (KW 281, 282), халха-монг. *nulims*, дун. *nubusun*, бао. *pamsuŋ*, даг. *njombus*, юй *nuləsən*, монгол. *pumprʷuzE* (DM 290)⁶⁰. Одзава [Одзава 1968, 145] правильно этимологизирует *nilbusun* как "глаз + вода", но неверно отождествляет здесь *-busun* с монг. *usun* 'вода' (в этом слове нет лабиального анлаута, см. выше).

ТМ: ср. эвенк. *āsa*, сол. *īsa-l*, эвен. *āsə-l*, нег. *āsa*, ороц. *isa*, уд. *jeʰä*, ульч. *i.sa-l*, орок. *īsa*, маньчж. *jasə*, нан. *pasa-l*, см. (ТМС 1, 291-292); [Колесникова 1979, 280]. Нанайский рефлекс указывает на ПТМ **ni-* (в остальных языках регулярный переход **niā* > **iā*⁶¹, поэтому реконструкция И. Бенцинга [Benzing 1955, 973] **iā*-sa неоправдана). С другими суффиксами корень **niā*- сочетается, например, в нег. *ā-jap* 'ячея рыболовной сети' (в прочих языках это значение выражается одинаково со словом 'глаз'), а также ТМ **niāgu-* 'рассматривать' (эвенк. *āgu-hta-*, эвен. *āgu-* и др., см. ТМС 1, 291; вопреки ОСНЯ 1, 280 данное образование не может соотноситься с тюрк. **jagu-* 'светить'). Общеал-

⁵⁹ Поппе [Porpe 1960, 39] считает эвенк. *hündun* исконным соответствием монг. *nidün*, что очень сомнительно.

⁶⁰ Очевидно, вторично значение "слюна" (хотя оно засвидетельствовано наряду со значением "слеза" уже в ср.-монг.).

⁶¹ Начальная комбинация **niā*- с нормальными рефлексами **ni-* (> *ni* или *n-* по языкам) в тунгусо-маньчжурских языках отсутствует; разумно предположить, что в такой комбинации **ni-* рано утрачивался, лишь спорадически сохраняясь в отдельных южных языках (ср. еще, например, эвенк. *āni-* 'править /лодкой, рулем/', эвен. *ān-*, негид. *āni-*, ороц. *iŋ-kīčə-* при ульч. *he-wčə-* ~ *heočə-* < ТМ **niāni-*, см. ТМС 290-291 и под.). Ср. еще сохранение *ni* в производных: уд. *ni-žige* 'оболочка глаза', орок. *pa-rija* 'глазное яблоко'.

тайское словосложение *ńiā-(l̄)-mūri 'вода глаза = слеза' представлено в ПТМ в виде основы *(i)ńamū 'плакать, слеза'⁶² > эвенк. ńamū- 'плакать', ńamū-hta / ńamu-hta 'слеза', нег. ńamta 'слеза', нан. ńamoqta, ńiamoqta id., и пр., см. (ТМС 1, 319); [Колесникова 1972^a, 269-270].

Кор.: др.-кор. /nup/ (non, КЧС 167); ср.-кор. nup (КС 115, ХМ 199) 'глаз' (< *nā-un или *ni-un), nup-mir ~ nup-s-mir 'слеза'. Из старокорейского, вероятно, заимствовано маньчж. ńońo 'зрачок'.

В тюркском старый алтайский корень 'глаз' (*ńiā) заменен новообразованием *gōr̄ (очевидно, производным от *gōr̄- 'смотреть', см. VEWT 292, 295), но, вероятно, сохранился в производном *ńiā-l̄ > *jāl̄ 'слеза' (др.-тюрк., ср.-тюрк. jaš, туркм. jaš, тур. jaš, чув. koś-sol etc., см. VEWT 192, EDT 972, ЭСЧЯ 120-121)⁶³.

Японскую параллель см. ниже (с. 83-84).

См. KW 281 (тюрк., монг. 'слеза'), SKE 172 (монг. ~ кор.), ТМС 1, 292 (монг. ~ ТМ 'глаз'), 319 (монг. ~ ТМ 'слеза').

8. "год": тюрк. *jil̄ ~ монг.-письм., ср.-монг. žil̄ < алт. *dila.

Тюрк.: др.-тюрк., ср.-тюрк. jil, тур., туркм. jil, каз., тат. žil, як. sil etc. См. ДТС, VEWT 200, EDT 917. Чув. sol, sul 'год' возводится обычно к тюрк. *jāl̄ 'возраст'; скорее всего, налицо контаминация двух общетюркских корней (закономерным рефлексом *jil̄ в чув. было бы *šāl); см. ЭСЧЯ 216.

Монг.: ср.-монг. žil (ХИ 67), монг.-письм. žil, калм. žil (KW 109), халха-монг. žil, юй. žəl, монгол. dz'ir (DM 92).

К этому же корню относится локальное северотунгусское на-

⁶² Исходная форма *ńiā-mi (ср. в ПТМ *ńiā-sa 'глаз', *mi 'вода') уже в ПТМ была, по-видимому, преобразована в *ńamī- под влиянием антонимичного глагола *iñe- 'смеяться' (*iñe- 'смеяться': *ńamī- 'плакать'), см. ТМС 1, 319-320. Маньчжурский язык, однако, сохранил исходное словосочетание (jasa miuke 'слеза').

⁶³ Тюрк. *jāl̄ 'слеза' омонимично *jāl̄ 'свежий' и *jāl̄ 'возраст', но исторически, несомненно, все эти три корня должны разделяться (вопреки указанным источникам), поскольку все они имеют совершенно различные алтайские этимологии. Возможно, правда, что контаминация с корнями "свежий" и "возраст" послужила причиной утраты в тюркском второго компонента общеалтайского сложения *ńiā-(l̄)-mūri 'слеза' (в тюркском ожидалась бы форма *jāl̄-mur). С другой стороны, к аналогичному результату могла привести и контаминация с еще одним корнем, представленным в ТМ *žali- 'течь (о слюне)', *žali-ksa 'слюна' (ТМС 1, 246), который также должен был дать в тюркском аналогичную фонетическую структуру.

звание солнца *dila-čā (эвенк. dilačā, сол. deleča, нег. dilača, см. ТМС 1, 206). Из корейского материала сюда же следует привлечь кор. tol-s 'один (полный) год, годовщина' (ср.-кор. форма не зафиксирована).

См. [Владимирцов 1929, 171], KW 109 (тюрк. ~ монг.); [Ramstedt 1957] (тюрк. ~ монг. ~ ТМ); VEWT 200 (привлекается к сравнению также кор. jəl 'десять', что чрезвычайно сомнительно); ОСНЯ 1, 220 (тюрк. ~ ТМ). Некоторые авторы (EDT 917), [Клосон 1969, 38-39], В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 220) считают монгольское слово заимствованным из тюркского. Однако для этого как будто бы нет никаких оснований, поскольку соответствия вполне регулярны. Тот факт, что в монгольском слово žil обозначает прежде всего "циклический год, год жизни" (другие оттенки значения обслуживаются ср.-монг. hon, монг.-письм. on), а в тюркском *jil обозначает год вообще, также не являются доказательством заимствования. Наоборот, представляется, что монгольский сохранил более архаичное значение (ср. его точное соответствие в корейском).

Корейское tols, насколько нам известно, к сравнению с тюрк. *jil, монг. žil, ТМ *dila-čā ранее не привлекалось (хотя формально tols полностью = *dila-čā < *dila-čV; современная форма (в транслитерации) tols может восходить к ср.-кор. *tolč)⁶⁴.

Японскую параллель см. ниже (с. 84).

Ср. ОСНЯ 1, 210-220 (ностр. *dila 'солнечный свет'), где с алтайскими формами сопоставляются картв. *dila 'утро' и и.-е. *dhel- 'солнце, светлый'.

9. "голова": тюрк. *bał(č) ~ ср.-кор. məri < алт. *małV.

Тюрк.: др.-тюрк., ср.-тюрк., туркм., тур., аз. и др. baš, каз., як. bas, хак. ras, чув. ruś и др. См. VEWT 64, ЭСТЯ 2, 85-87б, EDT 375-376, ЭСЧЯ 168.

Кор.: ср.-кор. məri (ХМ 51, КС 210), др.-кор. 麻帝 mə-tiej /məri ~ mari/ (КСЧ 167).

См. SKE 146 (тюрк. ~ кор.). Там же привлекается нан. balža 'лицо, голова', но в нанайском (согласно ТМС 1, 70) имеем только balžir, balžiča 'вид, фасон; лицо', производное от balži 'родиться, жить, возникнуть' (ПТМ *baldi-) с очевидно вторичным развитием значения

⁶⁴ В SKE 272 Г. Расмтедт сравнивает корейское слово (в написании tol без конечного -s) с др.-уйг. turq, монг.-письм. tursi, но и то, и другое означают прежде всего 'длина, размер', поэтому такое сопоставление вряд ли возможно.

(мы не говорим уже о том, что кор. *m-* не соответствует ТМ **b-*). Точно так же сомнительно (по фонетическим и семантическим причинам) сравнение тюркского корня с монг.-письм. *bašil-* ~ *bišil-* 'размышлять', *biši-yun* 'смышлennyй' [Владимирцов 1929, 375].

10. "грудь (женская)"

а) монг.-письм. *kökün* ~ ТМ *(х)ukun/*kukun < алт. *kok'ü-

Монг.: монг.-письм. *kökün*, калм. *kökn* (KW 237), дун. *gogo*, даг. *hgön*, монгол. *k'uGuo* (DM 208) etc. Формально *kökün* является производным от глагола монг.-письм. *kökü-* ~ *köke-* 'сосать грудь' (халха-монг. *xöxö-*).

ТМ: эвенк. *ukun*, эвен. *okən*, нег. *охон*, ороц. *око(н-)*, уд. *kos'о* (< *kuku-su), ульч. *куе(н-)*, орок. *qō(н-)*, нан. *kū*, маньчж. *хухун*. И в тунгусо-маньчжурском данная основа формально произведена от глагола "сосать (грудь)" (эвенк. *уки-*, эвен. *ок-*, негид. *охо-* etc.); см. ТМС 2, 254-255, Колесникова 1972^a, 297.

Данный корень широко представлен во всех алтайских языках, ср. тюрк. **gökür* ~ **gögü-ri* 'грудь (вообще)': др.-тюрк. *köküz*, туркм. *gövüs*, тур. *göyüs*, аз. *köküs* (*köks*), хак. *kögis*, чув. *kögör* etc. (см. VEWT 288, ЭСТЯ 3, 54-55, EDT 714, ЭСЧЯ 98); ср. также производное **gökr-äk* 'грудь' (узб. *қоқрак*, тат. *kükräk* и др.), см. VEWT 288, EDT 712 (последний сомневается в том, что **gökräk* связано с **gökür*; эти сомнения вряд ли обоснованы). В корейском ср. кор. *koŋeŋi*, ср.-кор. *kokäijaj* 'сердцевина' (КС 45)⁶⁵. Семантически более сомнительно привлечение сюда кор. *kokči* 'верхушка, вершина' (ср.кор. *koktäi*, *kökörí*, *kökírí*, *kokči*), см. [Колесникова 1971, 143-144; 1972, 78-84].

См. [Рорре 1960, 132] (монг. ~ ТМ ~ тюрк.), [Колесникова 1971, 140-143]. Владимирцов сравнивает тюрк. **gökür* с монг. *keberdeg* 'трудина', маньчж. *keŋgeri* id. [Владимирцов 1929, 251], но такое сравнение фонетически неоправдано; лишено основания также сравнение монг. *kökün* с тюрк. **kök* 'корень' (KW 237).

⁶⁵ Сюда же, несомненно, относится др.-яп. *kokoro* (RJ *kòkòró* ~ *kòkóró*) 'сердце' (см. [Martin 1966, 248; Мураяма 1974, 10-11; 1983, 17; Miller 1967, 72; 1971, 147]). П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 194] сравнивает с яп. *kokoro* сайшат (на Тайване) **kuku* 'сердце'. Ввиду абсолютной изолированности этой формы среди австронезийских языков, речь здесь может идти только о заимствовании в тайваньском (или о случайном совпадении). Разумеется, неприемлемо сопоставление Кавамото [Kawamoto 1977, 26] японского слова с австронезийским **keteg* 'пульс'.

b) ТМ *ča(i)ža-n ~ ср.-кор. čjós (=čjǎč) ~ чув. čěžě < алт. *č'ajVžV.

Из тюркских языков слово представлено лишь в чувашском, и можно было бы думать о сохранении в нем архаизма (вытесненного в прочих языках новообразованием *ämig от *äm- 'сосать', см. VEWT 41). Однако надежность такого решения существенно снижается из-за явно "детского" характера чувашского слова.

ТМ: ср. эвен. žežin ~ žažan 'вымя', нег. (устар.) žojan 'женская грудь', орок. dada-qa 'женская грудь; вымя'; эвенк. žadan (с диссимиляцией < *žāžan) 'вымя' (ТМС 1, 242); маньчж. čežen 'грудь (верхняя часть)' (ТМС 2, 419).

Маньчжурский сохраняет в данном случае более архаичную форму (с č-); в северных языках налицо ассимиляция *ča(i)ža-n > *ža(i)ža-n.

Кор.: ср.-кор. čjós (ХМ 203, КС 426-427). Конечный -s, вероятно передает здесь морфонологический -č (в ср.-кор. в ауслауте -č и -s уже путались), ввиду наличия инлаутного -č при присоединении к данному корню вокалических аффиксов (ср. совр. имен. пад. čěž-i и под.).

Из монгольского материала к данному корню следует отнести монг.-письм. čeježi, халха-монг. cěž, калм. tsēdži, tšēži 'грудь (вообще)', см. KW 428 (сравнение с ТМ *tūjen 'грудь', предложенное Г. Рамстедтом, вряд ли оправдано). Японскую параллель см. ниже (с. 84). Сближение монгольской и маньчжурской формы см. [Колесникова 1972^a, 295]; ТМС 2, 419. Корейскую форму čjós Г.Рамстедт (SKE 30) сравнивал с ТМ *čilču- 'бородавка, сосок' (см. ТМС 2, 394), но это сравнение вряд ли приемлемо фонетически.

11. "два": ТМ *žuwe-(r) ~ ср.-кор. tūr(h) ~ ср.-монг. ži-rin < алт. *diüwV.

ТМ: эвенк. žū-r 'два', žū-kte 'двое'; сол. žūr 'два', žū-tul 'по два'; эвен. žēr 'два', žo-təl 'по два'; нег. žū-l 'два', žūtel 'по два'; орок. žū, уд. žū, орок. dū 'два'; нан. žue-r 'два', žu-tu 'двое'; маньчж. žuwe 'два' (ТМС 1, 276-277). Словообразовательные отношения явно указывают на то, что корнем здесь является *žuwe, а -r- - суффиксальный элемент.

Монг.: ср.-монг. (ЮЧ) ži-rin 'два', монгол., дагур. dz'ür (DM 96) 'пара'. Судя по вокализму ю.-монг. формы ži-rin восходит к прото-монг. *žiw-rin (ср. еще монг.-письм. žöbe-ger 'один из двух'). В монг.-письм. и современных языках сохранились только различные производные от этого корня (см. Рамстедт 1957, 65), а в основном значении "два" он был вытеснен (уже с XIV века, ср. в XII 90 qojar 'два') формой qojar (первоначально 'следующий, второй', ср. qojina 'позади',

см. Рамстедт *ibid.*).

Кор.: ср.-кор. *tūr(h)* 'два' (КС 167), др.-кор. *tubīr* ~ *tuwīr* (КСЧ 159). И здесь корнем является *tū-*, ср. в сложениях ср.-кор. *tū-njə* 'два-три' и т.п.

В тюркском исконное числительное "два" было вытеснено новообразованием **ek(k)i* 'два' (возможную этимологию см. [Рамстедт 1957, 65]).

См. SKE 274-275 (ТМ ~ кор.), [Рамстедт 1957, 65] (монг. ~ ТМ ~ кор.). См. далее МССНЯ, 338 (ностр. **to* 'два'), где корейская форма (без ТМ, монг. и тюркских параллелей) сравнивается с и.-е. **due-* 'два' и урал. **to-ńce* 'второй').

12. "дерево": ср.-монг., монг.-письм. *mo-dun* (< **mor-dun*) ~ ТМ **mō* (< **mōr*) < алт. **mōr/u/*.

Монг.: ср.-монг. *modun* (ХИ 75), монг.-письм. *modun*, калм. *modn* (KW 263), халха-монг. *mod*, дун. *mutun*, даг. *mood*, юй. *muudən*, монгор. *mōDi* (DM 238). Монг. *mo-dun* регулярно восходит к **mor-dun* с утратой *-r* перед суффиксом *-dun*.

ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., ороц., уд., ульч., орок., нан. *mō*, маньч. *моо* (ТМС 1, 540-541). Дж. Клосон считает маньчжурское слово китаизмом ([Клосон 1969, 40]), но это абсолютно исключено (**mō* 'дерево' несомненно восходит к пратунгусо-маньчжурской эпохе, а в это время китайское название дерева имело еще конечный *-k*: ср.-кит. *тук*, др.-кит. **mōk*; кроме того, ни одного другого китаизма в прототунгусо-маньчжурском как будто бы не обнаружено). ТМ **mō* регулярно восходит к **mōgi* или **mōgu* (см. выше, с. 20).

Тот же корень представлен в ср.-кор. *mōi* (ХМ 155, КС 219) < **mōgi* 'гора', *mōró* 'гора, лес' (КС 215)⁶⁶.

См. SKE 150 (монг. ~ ТМ ~ кор.). В. М. Иллич-Свитыч (МССНЯ, 339) сравнивает монг. и ТМ формы (без привлечения корейских) с урал. **maj/δ/â* 'лес'; эта параллель сомнительна. Но ср. также ОСНЯ 2, 45: nostr. **marV* 'дерево' > урал. **mare* ~ **more*⁶⁷, драв. **mara(m)*. Сюда

⁶⁶ Сюда же относится др.-яп. *mor(i)i* (RJ *mōri*) 'лес'. Японское слово сравнивается с алтайским в (SKE 150), [Martin 1966, 237; Сыромятников 1971, 57; Мураяма 1983, 14]. Сравнение японского *mōri* со ср.-монг. *hoi* 'лес' [Одзава 1968, 149] неприемлемо.

⁶⁷ Д. Синор [Sinor 1974, 253] сравнивает урал. **more* с эвенк. *mar* 'spruce, ель, picea', но это неточно: эвенк. *mar* означает 'марник (поросль низ-

же вполне может относиться и алт. *mōr/u/. Отметим, что подобное сближение было предложено уже К.Бойдой [Bouda 1953, 162]. См. также [Дмитриева 1979, 168].

13. "длинный": тюрк. *ur' ~ ср.-монг. ur-tu, монг.-письм. ur-tu < алт. *ur'A.

Тюрк.: др.-тюрк. uzun 'длинный, долгий', uzaq 'долгий', uza- 'тянуться, затягиваться'; туркм. uzп, тур., аз., хак., тув. etc. uzun, як. uһun, чув. vǒǒm 'длинный, долгий'; тур. uza- 'быть длинным, долгим', тув. uza- id., як. uһa- 'затягиваться, длиться' etc. (VEWT 518, ЭСТЯ 1, 570-572, EDT 281, 283, 288-289, ЭСЧЯ 49-50). Не вполне ясно, как относится сюда тюрк. *ür 'давно, долго' (см. VEWT 522).

Монг.: ср.-монг. urtu (ХИ 106; не hurtu, как у Поппе [Poppe 1960, 81, 100]!), монг.-письм. ur-tu, халха-монг. urt, калм. ur^u (KW 452), монгор. fuDur (DM 101) (с вторичным фпо закону Мудрака-Хелимского: fuDur < *utur < *ur-tu) 'длинный'.

Сюда же, видимо, следует относить ср.-кор. òrá-tá 'поздний, давний' (КС 379).

См. SKE 178 (кор. ~ тюрк. ~ монг.; более сомнительно привлечение там еще и монг.-письм., ср.-монг. uri-da 'впереди, ранее' и эвенк. uri-pti 'недавно' < ТМ *üre-, см. ТМС 2, 281-282); [Poppe 1960, 81, 100] (тюрк. ~ монг.⁶⁸).

14. "дождь": тюрк. *jag- ~ ср.-кор. pí < алт. *p' iägi (~ *p' iäki).

Тюрк.: др.-тюрк. jaγ- 'идти (о дожде, снеге)', jaγmur 'дождь'; тат. jaç, кирг. žā-, кум. jaw-, як. ja-, чув. sú- / šäv- 'идти (о дожде)'; туркм. jaγ-in, jaγ-mir, кум. jaun, jaṇur, чув. sumär ~ šötmör и др. 'дождь' (VEWT 177, EDT 896,903-904, ЭСЧЯ 216, 218).

Кор.: ср.-кор. pí 'дождь' (КС 275, ХМ 154), др.-кор. piwi ~ piji (КЧС 158).

Ср.-кор. pí, др.-кор. *piji восходит к *pihi < *pigi, как это видно по тунгусо-маньчжурскому соответствию *pigi-n 'дождевая вода; дождь (с ветром), буря', нег. xiγin ~ xijin 'вихрь'; уд. sī 'буря', ульч.

корослой березы); торфяное болото; дуг', а 'ель' - только в нерчинском говоре восточного наречия (см. ЭРС 248; ТМС 1, 531).

⁶⁸ Однако f- в монгорском, несомненно, вторичен; поэтому отнесение к данному корню др.-японского риги- 'старый' [Miller 1971, 149; Мураяма 1983, 20] явно неоправдано. С. Мартин [Martin 1966, 235] привлекает также др.-яп. oγ(u)- 'стареть', но это также сомнительно по фонетическим причинам.

riw-su(n) 'порыв урагана' etc., см. (ТМС 2, 322). Кор. ~ ТМ сближение см. SKE 200⁶⁹; тюрк. *jag- к этому корню обычно не привлекалось, но фонетически это сближение вполне достоверно (см. выше, с. 12).

15. "дым": тюрк. *tüt ~ монг.-письм. uta-γan < алт. *t'ut'V (~ *t'üt'V).

Тюрк.: др.-тюрк. tütün 'дым', тур. tütün, туркм. tütün, tüsse, хак. tüdün, чув. tödöm, аз. tüstü (< *tüt-sü) etc. Название "дыма" произведено от глагола, представленного в др.-тюрк. tüt-, туркм. tüte-, тур. tüt-, хак. tüde etc. 'дымиться'. См. VEWT 507, ЭСЧЯ 248, EDT 452 (Дж. Клонсон считает, что исходная форма глагола tüte-, а вариант tüt- - вторичен), EDT 457-458.

Монг.: письм.-монг. uta-γan, калм. utān (KW 452), халха-монг. utā, юй. hdaa (< *uta-γa) 'дым'.

Так же, как и в случае с "водой" (тюрк. sub ~ монг. usu-n), сближение тюрк. *tüt- и монг. *uta- до сих пор не предлагалось из-за различия в структуре корня. Однако вполне вероятно, что *uta- восходит к более раннему *tuta- с устранением последовательности CuC- с двумя одинаковыми согласными (см. подробнее выше, с. 27). В этом случае сближение будет вполне приемлемым.

16. "есть": тюрк. *jē ~ ТМ *že-, *že-p- ~ ср.-кор. *čā-, čā-si- < алт. *žē-.

Тюрк.: др.-тюрк., ср.-тюрк. je-, тур. jā-, аз. je-, туркм. ĩ-, каз. že-, хак. čī-, як. siä-, чув. sí- etc. (VEWT 194, EDT 869-870, ЭСЧЯ 213).

ТМ: эвенк. žeb- ~ žep- 'есть', сол. žeb-/p-, нег. žew- ~ žep-, ороч. žep-te- id., уд. že-, žep-te- 'есть', žekče- 'намереваться есть'; орок. dep-, нан. žeb-/p- 'есть', маньчж. že- 'есть', že-kenge 'сытый', že-ku 'хлеб' etc. (ТМС 279-280).

Кор.: ср.-кор. ča-ta (без тональной нотации, видимо *čā-ta, см. КС 411), čā-sí-tá (КС 411, ХИ 310). В čā-sí- налицо суффикс вежливости -sí- (см. [Рамстедт 1951, 167]). Глагол čā- 'есть' в ср.-кор. употреблялся в нейтральной и вежливой функциях; корень его при этом не имеет отношения к кор. ča- 'спать', вопреки SKE 25 (последний имеет в ср.-кор. форму čā-). Ср. также ср.-кор. čaǰso-, совр. čapsu-da 'есть, кушать', где čaǰ- = ТМ *že-p-.

См. [Рорре 1960, 106] (Поппе привлекает, кроме тюрк. и ТМ, также монгольские формы, по-видимому, тюркского происхождения) [Дмитриева 1979, 176-177]. Корейская и ТМ формы сопоставлены в

⁶⁹ Разумеется, неприемлемо сравнение кор. pi с яп. ame 'дождь' [Martin 1966, 250].

Martin 1966, 231⁷⁰. Ср. далее МССНЯ, 340: ностр. *zeGV 'есть' [алт. *žē (тюрк. ~ ТМ) сопоставляется с и.-е. *seH- 'сытый', урал. *sē/γ/e 'есть', картв. *зеу-/зγ- 'насыщаться'].

17. "жечь": тюрк. *jak- ~ ТМ *deg-že- ~ *žeg-de ~ ср.-кор. thǎ- < алт. *dakV.

Тюрк.: др.-тюрк. jaq-tur- 'зажигать', чаг., тур., туркм. etc. jak-, каз., тат. žak- 'жечь, зажигать'. Сюда же относится чаг. jaγ-du, тат. jak-ti, чув. śudǎ 'светлый, свет'. См. VEWT 180; EDT 897,900; ЭСЧЯ 22. Тюрк. *jak- часто определяют как переходную пару к *ja-n- 'гореть', однако следует отметить, что суффикс *-k- в тюркском никогда не имеет переходного значения (см., например, [Щербак 1981, 151], ДТС 660, EDT XLVI), поэтому основу *jak- нужно признать нечленимой.

ТМ: эвенк. žegde-, нег. žegde-, ороц. žegde, ульч. žegde-, орок. deγde-, нан. žegde- 'гореть'; эвенк. žegdī-, нег. žegdī-, ороц. žegdi-, ульч. žegdi-, нан. žegži-, маньчж. dejži- 'жечь', (ТМС 281-282). Для ПТМ следует восстанавливать *deg-že- ~ *žeg-de- 'гореть' (причем исходной формой следует считать *deg-že-, поскольку в составе этой формы вычлениется аффикс несовершенности *-ža-/*-že-, см. Benzing 1955, 1066) и производную основу *deg-že-gi- (~ *žeg-de-gi-) 'жечь' (с суффиксом каузатива *-gi-, см. [Benzing 1955, 1070]). Собственно корневым элементом в ПТМ нужно считать *deg- (= тюрк. *jak-).

Кор.: ср.-кор. thǎ- 'гореть', thǎiǒ- 'жечь' (КС 456-457). Форма thǎ- представляет собой редукцию *tahǎ-, ср. другую производную ср.-кор. форму tahí- 'разводить огонь в очаге, растапливать' (КС 133).

Японскую параллель см. ниже (с. 85).

Г.Рамстедт (SKE 278) сравнивает кор. thǎ- с ТМ *toga 'огонь', что вряд ли оправдано (как фонетически, так и семантически более надежным представляется предложенное выше сближение). Ср. еще [Martin 1966, 277] (кор. ~ тюрк.).

Алтайскую форму *dakV, по-видимому, следует непосредственно сопоставлять с и.-е. *dheg^wh- 'жечь, гореть' (см. WP I, 849)⁷¹.

⁷⁰ С. Мартин, а вслед за ним Р. Миллер [Miller 1971,86, 153] сопоставляют корейскую и ТМ форму с яп. taberu 'есть', но это недоразумение: taberu - поздняя форма (ср.-яп. tabu < др.-яп. tamaru, вежливый глагол со многими значениями).

⁷¹ В. М. Иллич-Свитыч (МССНЯ 337: ностр. *[o]gV 'гореть') сравнивает и.-е. *dheg^wh- с ТМ *toga 'огонь', урал. (?) *tā(γ)V(t) 'огонь', сем.-хам. (?) *[t]k^w 'пламя'. Помимо несколько сомнительной афразийской формы речь

18. "звезда": тюрк. *jul-du-ǵ ~ ср.-монг. ho-dun ~ ср.-кор. pǰǝr(h) < алт. *p'iuǵ⁷².

Монг.: ср.-монг. hodun (XI 60), письм.-монг. odun, калм. odn (KW 283), халха-монг. od, дун. hodun, бао. hotun, даг. xod, юй. hodǝn, монгор. fōDi (DM 99). Монг. ho-dun закономерно восходит к *hol-dun с утратой сонорного перед суффиксом -dun.

Тюрк.: др.-уйг. juldüz, туркм. juldiz, тур. jıldiz, каз. žulduz, як. sulus, чув. šöldör etc. См. VEWT 210, EDT 922-923, ЭСЧЯ 206.

Кор.: ср.-кор. pǰǝr(h) (XM 151) 'звезда'.

Тюрк. и монг. формы совпадают вплоть до суффиксального *du (*p'iuǵ-du-).

Японскую параллель см. ниже (с. 86).

О переходе p'ǵ- > тюрк. *j- см. выше, с. 12. См. [Martin 1966, 243] (кор. ~ монг.), [Pelliot 1944, 100] (тюрк. ~ монг.). Г. Рамстедт (SKE 196) связывает кор. pǰǝl с ТМ *rial 'молния' (см. ТМС 2, 320), но последнее имеет более надежную параллель в тюрк. *jal-/*jal' (см. выше, с. 12). Следует, конечно, отвергнуть сопоставление Д.Синора (Sinor 1973, 393-394) монг. hodun с ТМ *xōsi-hta, и, далее, с урал. *künsV 'звезда' (монг. h- никогда не восходит к велярным). Взаимосвязь разобранных выше монг., тюрк. и кор. (а также японской, о чем см. ниже) основ обсуждается также в [Miller 1971, 145-146]).

19. "змея": ср.-монг., монг.-письм. moǵai ~ ТМ *mūkū < алт. *mūk'V.

Монг.: ср.-монг. moǵai (= *moǵai) (XI 76), монг.письм. moǵai, калм. moǵā, moǵā (KW 263), халха-монг. mogoi, дун. moǵai, бао. moǵai, даг. mogw, юй. мокуи, монгор. муᠭᠠᠢ (DM 244).

ТМ: нег. mīxi, ороч. mīki, ульч. muǵi, орок. muǵi ~ muǵyǵi ('змея,

идет об угорском названии "огня" *tEwt (по Е.А.Хелимскому; в MSzFE 648-650 *täwtV или *täjtV), который может относиться и к другому ностратическому корню, см. МССНЯ 338: ностр. *t(ä)pV 'греть(ся)'. Остается, таким образом, только и.-е. ~ ТМ параллель, которой, по нашему мнению, следует предпочесть сопоставление и.-е. *dheg^wh- с общеалтайским *dakV (< ностр. *daku ~ *dako). Этимология ТМ *toga 'огонь' остается пока неясной.

⁷² Реконструкция *-ǵ- здесь несколько условна: она основана на предположении о том, что алт. *-ǵ- > ср.-кор. -rh- (но *-l- > ср.-кор. -r-), которое нуждается еще в проверке (тот факт, что тюркский имеет здесь -l-, не показателен: по правилу Е. А. Хелимского -l- и -ǵ- в сочетаниях согласных нейтрализуются). Основательным аргументом в пользу *-ǵ- являются также японские данные (о которых см. с. 86).

червь'), нан. *tuǰki*, маньчж. *meǰxe*, чжурчж. *mēi-hēi*. См. ТМС 1, 537-538 (где этот корень ошибочно объединен с ПТМ **mirkü-* 'ползти' = монг.-письм. *mölkü-*), там же монг. ~ ТМ.

Из корейского к данному корню следует привлекать совр. *mæk-kuri* 'большая черная змея' (*kuri* 'змея'); этимология Г. Рамстедта (SKE 145) *mæk-* от сино-кор. *mæk* (ср.-кит. *mlk*) 'чернила' мало правдоподобна⁷³.

20. "зола": ср.-монг. *hünesü* ~ ТМ **ruńle-* (/ **pulńe*) < алт. **pülńe* (~ **p' -*).

Монг.: ср.-монг. *hüne-sü* (ЮЧ), монг.-письм. *ünü-sün* ~ *üne-sü* (KW 458), калм. *ümsn*, халха-монг. *üns*, дун. *funiəsun*, бао. *homsun*, даг. *xuns*, юй. *henesən*, монгор. *funiədze* (DM 107).

ТМ: эвенк. *hule-ptēn*, сол. *ulu-ktē*, нег. *xulēptēn*, ороч. *xule-pte*, уд. *xule-pte* ~ *xune-kte*, ульч. *pune-kte(n-)*, орок. *pune-kte(n-)*, нан. *ruńe-ktē*, маньчж. *fule-ŋgi*, чжурчж. *fūh-léh-kīh* (ТМС 2, 347). Колебание -l/-п- (-ń-) в корне, по-видимому, указывает на исходное сочетание типа *-lń- (или *-ńl-).

Ср. также кор. *ruǰətha* (орф. *ruǰəh-ta*), *ruit-hada* (орф. *ruǰi-s*), *rojətha* (орф. *rojəh-ta*) 'серый, сероватый, пепельный' (< **ruń-* ~ **riń-*; кор. > маньчж. *fujan* 'желтоватый', см. SKE 204).

Если алтайскую праформу восстанавливать в виде **p()ülńe* (с упрощением сочетания -lń- в монгольском и корейском), то ср. и.-е. **pel(en)-* 'зола, пепел' (слав. **perelǝ*, др.-прус. *relanne*, лит. *pelenā* и т. д., см. ЭСРЯ 3, 234; WP 2, 60, 680).

21. "имя": ср.-монг., монг.-письм. *nere* ~ ср.-кор. *irhú-m* (< **nirhu-m*) < алт. **närV*.

Монг.: ср.-монг. *nere* (ХИ 78), монг.-письм. *nere*, калм. *nerə* (KW 275), халха-монг. *ner*, дун. *niəgə*, бао. *naḡə*, даг. *nəḡ*, юй. *nere*, монгор. *niere* (DM 273).

Кор.: ср.-кор. *irhúm* (ХМ 214; КС 406) 'имя'. Морфологически *irhúm* выглядит как производное от глагола **ir(h)ú-* ~ **ir(h)ó-*, однако такая форма в среднекорейском отсутствует. Зато весьма распространен глагол *niḡó-* ~ *niḡǎ-* ~ *niḡi-* 'называть; говорить, поведать' (совр. *iri-da*), см. КС 120, 121, 124-125, ХМ 346. По-видимому, в ср.-кор. *irhúm* мы

⁷³ Одзава [Одзава 1968, 294-295] сравнивает с монг. *toḡai* др.-яп. *to-kuo-jor-* 'ползать (о змеях, как змеи)'. Это сопоставление в принципе возможно; следует учитывать только альтернативную возможность сближения яп. формы с монг.-письм. *mölkü-*, ТМ **mirkü-* 'ползать'.

имеем случай раннего отпадения анлаутного *n-* перед *i*, наблюдающегося в этой позиции еще в ряде случаев, ср. ср.-кор. *n̄ir-tá* ~ *īr-tá* 'вставать, подниматься; становиться' (КС 124, 406), кауз. *n̄ir̄i-tá* ~ *ir̄u-tá* 'образовывать, составлять; создавать' (КС 125, 405) и под. Таким образом, для протокорейского с большой надежностью можно восстанавливать форму **n̄iɣ(h)ú-m* 'имя'.

Из других алтайских языков тот же корень обнаруживается, по-видимому, в тюрк. **jar-* 'повеление, извещение, объявление; объявлять, сообщать'. Ср. кирг. *žar* 'клич; извещение, объявление', каз. *žar* 'сообщение, приказ', як. *saɣ* и др. В др.-тюрк. засвидетельствовано только производное *jar-lıy* 'повеление, приказ, предписание' (и производный глагол *jar-lıq-a-* 'приказывать, издавать указ'), широко представленное и в современных языках⁷⁴. См. VEWT 188-189, EDT 966-967 (Дж. Клосон считает, что *jarlıq* - заимствование из неизвестного источника, однако не упоминает про современные тюркские формы, отражающие общетюркскую производящую основу **jar-*).

22. "камень": тюрк. **dāl* ~ монг.-письм. *čila-gun* ~ ТМ **žola* ~ ср.-кор. *tōr(h)* < алт. **tiōla*.

Тюрк.: др.-тюрк., тур., кум., тат. etc. *taš*, туркм. *āš*, аз. *daš*, тув. *daš*, як. *tās*, чув. *čol* etc. (VEWT 466, ЭСТЯ 3, 167-169, EDT 557, ЭСЧЯ 326).

Монг.: ср.-монг. *čilaɣun* (ХИ 47), монг.-письм. *čilaɣun*, калм. *tšolün* (KW 444), халха-монг. *čulū*, юй. *tšəluu*, даг. *tšoloo* 'камень' (< прото-монг. **tilaɣun*).

ТМ: эвенк., сол., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан. *žolo*, эвен. *žol*

⁷⁴ Из тюркского заимствованы монг.-письм. *žar* 'извещение', *žar-la-* 'извещать' (ср. сой. *čar-la-* и под.), *žar-lig* 'приказ, декрет' (вопреки VEWT 189, где монгольские формы явно имеют тюркское происхождение, см. EDT 966).

Значение корня в тюркском позволяет привлечь к рассматриваемым алтайским формам также др.-яп. *por-* (RJ *pōr-ù*) 'приказывать, возвещать' (откуда, по-видимому, заимствовано ср.-кор. *n̄ar̄i-ta*, совр. *neri-da* 'издавать приказ'). Прочие этимологии японского корня кажутся нам менее приемлемыми: мы имеем в виду сопоставление яп. *por-* с монг. *žir̄ɣa-* 'радоваться' [Одзава 1968, 275]; возведение *por-* к **(mən)-t'a'u* и сопоставление с австронезийским **t'a'ut* 'клятва, обет' [Мураяма 1975, 66, 153 и дал.], сопоставление *por-* с австронезийским **tudin* 'указывать' [Kawamoto 1977, 30]; возведение японского *por-* к алтайскому корню 'слышать' (**d/ō/ldī-*, см. с. 46) [Miller 1971, 103-104].

'камень' (ТМС 1, 263).

Кор.: др.-кор. /tōr/ (КЧС 161), ср.-кор. tōr(h) (ХМ 157, КС 159).

Японскую параллель см. ниже (с. 87).

См. VEWT 466 (тюрк. ~ монг. ~ кор.); [Владимирцов 1929] (тюрк.~ монг.); SKE 272 (кор. ~ ТМ); [Рорре 1960, 77] (тюрк. ~ монг. ~ кор.; Поппе считает, что ТМ формы заимствованы из монгольского, что вряд ли возможно); [Martin 1966, 243]; [Miller 1971, 97-98, 120].

См. далее МССНЯ, 343 (ностр. *t/aj/IV 'камень'), где алтайские формы сравниваются с картв. *ʔal- 'кремень'.

23. "кора"

а) монг.-письм. kögü-sün ~ ТМ *xura-кта < алт. *k'or/e/.

Монг.: монг.-письм. kögü-sün, калм. körsn (KW 240), халха-монг. xörs etc.

ТМ: эвен. ɟrtə 'кора, короста'; уд. wa-кта 'кора', ульч. xora-ɟta ~ xɟra-xta 'кора (дерева); орок. xɟra-ɟta 'кора' (хвойных деревьев); нан. xora-ɟta 'кора, корка, скорлупа; панцирь (черепахи)'; маньчж. uri-xa 'оболочка, кожица, перепонка' (ТМС 2, 282). Формально ТМ *xura-кта произведено от *xura-: эвен. ɟra- 'крыть корой', орок. xɟra-la- 'обдирать кору; крыть корой'.

Сюда же, вероятно, следует относить ср.-кор. kúr 'устрица' (< 'раковина') (КС 62, ХМ 189)⁷⁵.

Поппе [Рорре 1960, 80] сравнивает ТМ формы с монг. ura-ɟa 'берестяная хижина', но это невозможно ввиду надежной реконструкции *x- (< *k'-) в ТМ.

В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 341-343) сближает монг. körisün с ТМ *xere-кте 'кожа' (ТМС 2, 467) и др.-уйг. qāz 'кора (дерева)'⁷⁶, с вопросом привлекая также ТМ *xura-кта. Ясно, что речь идет на самом деле о двух алтайских (и ностратических) корнях: 1) алт. *k'or/e/ (ра-

⁷⁵ Г. Рамстедт (РКЕ 95) сравнивает с корейской формой яп. hamaguri (ср.-яп. RJ fāmà-gùrì, fāmá-gùrì) 'двустворчатый моллюск (или его раковина)', что вполне вероятно. Напротив, сближение кор. kúr с яп. kaki 'устрица' [Martin 1966, 238] более сомнительно (по фонетическим причинам).

⁷⁶ Мы добавили бы еще общетюркское производное *kār-dif 'кора' > др.-тюрк. qadiz ~ qadiz, хак. xastir-iχ, с.-юг. qazdiq etc. (VEWT 218, 243). Дж. Клосон (EDT 608) предполагает, что qadiz произведено от qad- 'поворачиваться, стибаться', но это очень сомнительно; точно так же невозможно (по фонетическим причинам) произведение qadiz от тюрк. *kat- 'твердый' [Дмитриева 1971, 157].

зобрано выше) ~ урал. *kōre; 2) алт. *k'arV (ТМ *xere-kte, тюрк. *Kaṛ⁷⁷) ~ и.-е. *ker- ~ урал. *kere-. К какому из этих двух корней относятся сем.-хам. *qr(m) и картв. *ker-, следует еще выяснить.

б) тюрк. *kārūk ~ монг.-письм. qau-da-sun ~ ср.-кор. kārḥīr ~ kārḥīr < алт. *k(')ār'ī.

Тюрк.: чаг. qarıq, туркм. qābiq, тур. kabuk, аз. qabuq, чув. хобă 'кора, скорлупа' etc. Слово очень широко представлено в современных языках (см. ЭСЧЯ 305, VEWT 234-256; отметим, однако, что некоторые формы, приводимые М. Рясняном: хак. χῶχ 'шелуха от зерна', башк. qawaq 'оболочка, шелуха' и др. восходят к *kabiq, ср. др.-уйг. qaviq, qavıq 'отруби', и к рассматриваемой основе отношения не имеют; зато к материалу, приводимому в VEWT, следует добавить еще хак. какрас (< *карк-as) и, видимо, уйг. qowzaq 'кора', см. [Дмитриева 1979, 181]). Наличие рефлекса *kārūk также и в чувашском веский аргумент в пользу общетюркского характера этого слова, поэтому, несмотря на отсутствие его в древних памятниках, вряд ли следует считать его поздним уменьшительным образованием от *kār 'бурдюк' (EDT 665) или производным от глагола 'покрывать' (ЭСЧЯ 305, VEWT 234: у Рясняна неверная реконструкция *kār- 'покрывать'; правильное восстановление *kār- см. ОСНЯ 1, 337; [Щербак 1970, 194]; EDT 580).

Монг.: монг.-письм. qau-da-sun, калм. χūd^asn 'кора (деревьев)' (KW 201). Монгольская основа является производной от *qau- ~ *qau-, ср. еще монг.-письм. qauł-, халха-монг. χūł- 'обдирать, снимать кожу'⁷⁸, монгол. χūłi- id. (DM 180).

Кор.: ср.-кор. kārḥi ~ kārḥīr ~ kārḥār ~ kārḥīr 'кожура, кора, оболочка' (КС 8, 36, ХМ 255), и производные kār-čir 'кора, кожура, скорлупа' (КС 38-39), kār-čī-un 'кожа на спине' (КС 38).

⁷⁷ К этому же корню можно отнести ср.-яп. kara 'скорлупа, шелуха' (< *kara), хотя для японского слова нельзя исключить и австронезийское происхождение (ср. австрон. *kaɭah 'скорлупа'; яп. ~ австрон. см. [Kawamoto 1977, 39; Бенедикт 1985, 174]).

⁷⁸ Из монг. qauł-, очевидно, заимствованы изолированная тур. форма kavla- 'терять кожу, шелушиться', см. (VEWT 216), [Владимирцов 1929, 209]. Вариантом того же корня, вероятно, является qob- в монг.-письм. qob-qu-l- 'сдирать кору, скорлупу' (KW 191; тюрк. *кор- 'подниматься', вопреки Рамстедту, вряд ли имеет какое-либо отношение к монг. qob-qu-l-). Монгольскую форму В. М. Иллич-Свитыч (МССНЯ, 344) сопоставляет с урал. *kora 'кора, кожа', что вполне вероятно, и с картв. *tqaw-/*tqab- 'кожа, шкура', что более сомнительно.

Японскую параллель см. ниже, с. 87-88.

См. [Владимирцев 1929, 209, 255], KW 201 (тюрк. ~ монг.); [Martin 1966, 225] (кор. ~ тюрк.).

24. "корень": монг.-письм. *ündü-sün* ~ ТМ **ṽṽṽ(k)te* < алт. **ṽṽṽte*.

Монг.: монг.-письм. *ündü-sün*, калм. *ündüsn* (KW458), халха-монг. *ündes*, даг. *undus*.

ТМ: эвенк. *ṽṽṽte*, эвен. *ṽṽṽtə*, нег. *ṽṽṽte* ~ *ṽṽṽte*, опоч. *ṽṽṽte*, уд. *ṽṽṽte*, ульч. *ṽṽṽkte* ~ *ṽṽṽkte*, орок. *ṽṽṽkte*, нан. *ṽṽṽkte* (диал. *ṽṽṽkte*) (ТМС 1, 662).

Сближение, насколько нам известно, ранее не предлагалось, хотя соответствия вполне регулярны (с учетом развития **ṽ* > 0- в монгольском, см. выше, с. 18). Японскую параллель см. ниже, с. 88).

25. "кость": монг.-письм. *ja-sun* (< **p'ian-sun*) ~ ср.-кор. *s-pjə* < алт. **p'ienV* (~ **p'eniV*).

Монг.: ср.-монг. *ja-sun* (ХИ 110), монг.-письм. *jasun*, калм. *jasn* (KW 217), халха-монг. *jas*, дунс. *iasun*, бао. *iasun*, даг. *jas*, юй. *jasən*, монгор. *yäse* (DM 490) 'кость'. Монг. *ja-sun* регулярно восходит к **jan-sun* с утратой сонанта перед суффиксом *-sun*; ср. калм. *jan-d^a-γ^ar* 'костистый', *jandā* 'быть костистым' (KW 214). О переходе **p'i* > монг. *j* см. выше, с. 12-13.

Кор.: ср.-кор. *spjə* (ХМ 206; КС 258). Написание *sp-* в средне-корейском отражает, по-видимому, геминацию начального согласного (ср. совр. *ppjə*), причины которой пока еще не вполне ясны⁷⁹. В остальном развитие *-pjə* < **p'eniV* регулярно, см. выше, с. 20.

Этимологии Г. Рамстедта в SKE 195 (сравнение с ТМ **peje* 'лоб' или **beje* 'мужчина, человек') представляются нам неудачными.

Японскую параллель см. ниже (с. 88).

Из тюркского материала к этому корню с большой вероятностью можно отнести *(j)*in-čik* (где *-čik* уменьшительный суффикс): ср. туркм. *in-žik* 'голень, берцовая кость', тур. *inžik* 'тонкая кость', чаг. *inžük* 'голень', карач. *inčik* 'лодыжка', тоб. *jinčik* 'голень' (см. VEWT 172,

⁷⁹ Начальные сочетания с *s-* в ср.-кор., по-видимому, всегда имеют вторичное происхождение в отличие от сочетаний с *p-* (*pC-*), которые восходят к **pVC-* с редукцией начального гласного в слове. И те, и другие сочетания дают в современном корейском геминированные (сильные) согласные.

203)⁸⁰.

В тунгусо-маньчжурском рефлекс того же корня обнаруживается в виде *реі-ге 'колени' (эвенк. heŋgeŋ, сол. егѣ, эвен. heŋgeŋ, нег. хеігеŋ, орок. хеіге ~ heŋgeŋ, уд. хеіге, ульч. реіге(n-), орок. реге ~ реге(n-), нан. реіге~) (ТМС 2, 366); [Колесникова 1972^a, 331].

Сопоставление перечисленных выше алтайских форм ранее, насколько нам известно, не предпринималось; однако как семантическая, так и фонетическая сторона его вполне удовлетворительны.

26. "красный": ср.-монг. hulaʔan, монг.-письм. ula-γan ~ ТМ *pula- ~ ср.-кор. рѣк-к- < алт. *p(ʔ)üla.

Монг.: ср.-монг. hulaʔan (ХИ 61), монг.-письм. ulaγan, калм. ulān (KW 448), халха-монг. ulān, дунс. xulan, бао. fulan, даг. χulaan, юй. laan, монгор. fulān (DM 105). Корнем является *hula- (ср. монг.-письм. ula-ji- 'быть красным', ula-lʒa- 'краснеть' etc.).

ТМ: эвенк. hula-ma, hula-gin, сол. ulā~, ulari~; эвен. hula-nā; нег. xola-jin; уд. xula-ligi; нан. fol-gā; маньчж. ful(a)χun 'красноватый', ful-gan 'красный'. См. ТМС 2, 343-344. Некоторые формы (в частности, нанайские и маньчжурские) могут в принципе быть старыми монголизмами (хотя это сомнительно), но для ПТМ в целом это маловероятно.

Кор.: ср.-кор. рѣк-та (КС 274, ХМ 279) 'красный'.

См. [Владимирцов 1929, 267] (монг. ~ ТМ); (KW 448); [Porpe 1960, 74, 100, 120] (монг. ~ ТМ ~ кор.⁸¹); [Петрова-Бугаева 1971]. Связь рассматриваемого корня с алтайским названием "огня" (см. ниже) [Ramstedt 1928; Петрова-Бугаева 1971] находится под вопросом, хотя и не исключена.

27. "круглый": тюрк. *tä(ŋ)gir-/*dä(ŋ)kir- ~ монг. tögürig ~ ТМ *toŋol- ~ ср.-кор. toŋkor- < алт. *t'öŋkV (~ *töŋk'V).

Тюрк.: др.-тюрк. tegir-mi, tegir-me, аз. дәјirmi, тур. dejirmi. Производящей основой является здесь *tä(ŋ)gir- / *dä(ŋ)kir- 'вращаться, кружиться', ср. чув. tavär-, тат. tägärä-, як. tägirī- etc., др.-тюрк. tegirä

⁸⁰ Не вполне ясно, как с этим словом соотносятся обозначения "рыбьей икры" (тоб. inči, jinčä, як. iskäk, istäk), рассматриваемые М. Рясененом вместе с *(j)in-čik. Кажется, что эти формы скорее нужно отделять и рассматривать как финно-угорские заимствования.

⁸¹ С. Мартин [Martin 1966, 239] сближает кор. рѣк-к- с яп. aka 'красный', но это очень сомнительно (яп. aka- 'красный, светлый', aka- 'рассветать' следует скорее сближать с тюрк. *äk 'белый', см. выше, примеч. 49).

'вокруг, кругом', *teğir-män* 'мельница' и пр. Ср. также. турк. *tegelek* 'круглый' (хотя последнее может быть и монголизмом, ср. монг.-письм. *tögelig* 'круг?'). Формы со срединным носовым сохраняются в турецких диалектах, ср. *teğer-mek* 'катиться', *teğir-şek* 'круг, круглый' (см. ЭСТЯ 3, 173). См. (VEWT 469; ЭСТЯ 3, 172-173, 178-179, EDT 485-486, ЭСЧЯ 227-228).

От перечисленных форм трудно отделить корни **tok-* (~ **dok-*) и **töŋ(g)-* (~ **d-*) с теми же значениями, широко распространенные в современных тюркских языках, и, по-видимому, представляющие собой экспрессивные варианты одного и того же корня (характерно наличие в них лабиализованного корневого гласного по-видимому, архаичная черта, ср. внешние данные): ног. *togin* 'обод', тат. *dugim*, чув. *togām* 'обод', чаг. *toŋ-lak* 'округленный', тел. *toŋolok*, каз. *doŋalak*, хак. *toŋlaŋ* 'круглый' (см. также VEWT 483, ЭСЧЯ 256); каз. *töŋörök* 'круг', *töŋgölök* 'колесо', тоб. *tünjäläk* 'кольцо' (см. VEWT 492; прочие формы, приведенные там, могут быть монголизмами).

Монг.: ср.-монг. *tögörig* (ХИ 102), монг.-письм. *tögürig*, калм. *tögörög* (KW 406). Слово также отглагольного происхождения, ср. монг.-письм. *tögüri-/tögüre-* (калм. *tögr-*) 'окружать' (KW 406). Вопреки Дж. Клосону [Клосон 1969, 39] нет оснований считать монгольское слово тюркизмом (напротив, многочисленные современные формы типа кирг. *tögürök* 'круглый', см. VEWT 492, не имеющие древнетюркских прототипов, следует считать монголизмами). Как и в тюркском, данный монгольский корень (ввиду своего экспрессивного характера), представлен несколькими вариантами. Кроме перечисленных выше ср. еще монг.-письм. *toŋuri-, toŋari-* 'окружать' (KW 408), *duŋu-ni-, duŋu-ni-* 'кружиться', *duŋui* 'колесо, круг' (KW 101), *dögürgei*, халха-монг. *dugarig* 'круглый' etc.

ТМ: эвенк. *toŋollo* 'круг', *toŋollo-mo* 'круглый'; эвен. *toŋəlɾə* 'кольцо', *toŋār* 'петля, окружность'; нег. *toŋulıķın* 'круглый', *toŋolo* 'кольцо'; ороц. *tuŋe-pke* 'кольцо'; уд. *toŋo* 'петля', орок. *toŋolto id.* и др. (ТМС 2, 198).

Кор.: ср.-кор. *toŋkor-* (КС 161, акцентуация неизвестна), совр. *toŋgol-da, tuŋgil-da* 'круглый'.

См. SKE 273, 276-277 (ТМ ~ монг. ~ кор.), VEWT 483, 492 (тюрк. ~ монг.), [Владимирцов 1929, 276-277] (тюрк. ~ монг.).

28. "кто": тюрк. **ki-m* (*/*ke-m*) ~ монг. *ke-n* < алт. **k'e-* (*/*k'a-*).

Тюрк.: др.-тюрк. *kim*, туркм., аз. и др. *kim*, чув. *kam*, ойр. и др.

käm 'кто'. Заднерядным вариантом той же вопросительной основы является тюрк. *ka-, ср. *ka-nu 'какой' (др.-тюрк. qaju ~ qanju, qanu, каз. kaj, як. хај etc.), *ka-li 'как, когда', *ka-(n)č 'сколько' etc. См. (VEWT 226, 232, 271, EDT 589, 617, 632-633, 720-721, ЭСЧЯ 87).

Монг.: ср.-монг. ken (XII 70), монг.-письм. ken, калм. ken (KW 225), халха-монг. хен, дунс. kiэн, бао. кап, даг. хэн, юй. ken, монгол. khän (DM 195) 'кто'. От основы ke- ср. еще монг.-письм. ke-düi 'сколько', ke-mijer 'если, когда' и др. В монгольском представлен и заднерядный вариант того же корня qa- (= тюрк. *ka-), ср. монг.-письм. qa-ya 'где', qa-miya 'где, куда', qa-jisi 'куда' etc. (KW 175).

Тот же корень в виде основы вопросительных местоимений *ха- широко представлен в тунгусо-маньчжурских языках. Ср. от *ха-: эвенк. a-bgū 'который', сол. a-yū 'кто', эвен. аwцw ~ a-wцy 'который, какой', нег. a-wwц ~ a-wуц 'который, какой', ороц. a-uki id., ульч. ха-wuj 'какой', орок. ха-wwц 'который, какой' и др.; от *ха-ј- (> *xia-): эвенк. ā 'что', сол. ī id., эвен. ā 'что делать', ā-q 'что', нег. ā 'что делать', ā-wa 'что', ороц. ја- ~ је- 'что делать', jā-wu 'что', ульч. хāј ~ хāj 'что, кто', орок. хāј ~ хāj id., нан. хāј ~ хāj id., маньч. ај ~ ја id. и др. (ТМС 1, 14-15, 32, 56-57, 286-288). Основы *ха- и *хај- (~ *xia-) в ТМС разделены, но очевидно, что это варианты одного корня (в ульчском, орокском и нанайском имеются только формы с х-, в прочих языках только формы с 0-, т.е. налицо регулярные рефлексы ПТМ *х-; ульч., нан. и орок. хāj соответствуют формам типа ā < *xia ~ *хај других языков). Справедлива, следовательно, группировка основ, принятая в [Цинциус 1949, 138, 305], но не в [Benzing 1955, 1062] (а вслед за этим - в ОСНЯ 1, 356), и недопустимо (вопреки ТМС 1, 5, 288) сравнивать ТМ материал с различными основами в других алтайских языках.

Из корейского к данному корню можно привлечь лишь вопросительную частицу ka (ср. еще ср.-кор. -ku- ~ -ko в нуки, ну-ко 'кто')⁸².

См. SKE 80 (кор. ka ~ монг. qa- ~ тюрк. *ka- ~ ТМ *ха-), KW 225 (тюрк. *ke- ~ монг. ke-), [Иллич-Свитыч 1965, 342] (монг. qa- ~ ТМ *хај- ~ тюрк. *k'aj-), [Рамстедт 1957, 76-78]⁸³.

⁸² Аналогичный рефлекс налицо и в японском (ср. др.-яп. вопросительную частицу ka, а также -ka, -ku в др.-яп. i-ka, RJ i-kà 'как', i-ku, RJ i-kú 'сколько'). Сравнение яп. ka с алтайским материалом см. SKE 80.

⁸³ Явно неоправдана точка зрения Р. А. Миллера [Miller 1971, 191 и дал.] о том, что ТМ формы с *х- и тюркские формы с k- результат независимых вторичных инноваций.

См. далее ОСНЯ 1, 348, 355-356. В. М. Иллич-Свитыч восстанавливает две ностратические формы: *ќе 'кто' [алт. *k'e- ~ урал. *ke- (основа косвенных падежей)] и *ќо 'кто' [алт. *k'a-/ *k'o- (к варианту с *-о- привлекается еще ТМ *xōni 'как', см. ТМС 2, 18) - сем.-хам. *k(w)/*q(w) 'кто', и.-е. *k^wo 'кто', *k^wi 'что', урал. *ko/*ku- 'кто'], высказывая, однако, предположение об их взаимосвязи (предполагается урало-алтайское новообразование *ќе по аналогии с системой указательных местоимений). Не исключено, что следует восстанавливать (уже на алтайском уровне) противопоставление *k'a-, *k'aw - *k'ai (> *k'e) и проецировать это противопоставление на ностратический уровень: *ќa(w) - *ќaj, возможно, в качестве противопоставления прямой и косвенной основы. Во всяком случае, этимологическое тождество заднерядного и переднерядного вариантов представляется очевидным.

29. "лист": тюрк. *jaruq-gak ~ монг. *lab-čín ~ ср.-кор. píр(h) < алт. *liar'V.

Тюрк.: др.-тюрк. jaruqaq ~ jarıqaq, чаг., тур. jarrak, каз., кирг. žararak, як. säbirdäx и др. Уже в др.-тюрк. встречается вариант jalbiruq (ср. также современные формы тел. dalbrak, кирг. jalbirik, каз. jalbirdak), представляющий собой контаминацию *jaruq-gak с *jalbi 'плоский', но чув. sólzǎ 'лист' (вопреки ЭСЧЯ 217 и [Miller 1971, 209]) вряд ли имеет отношение к какому-либо из этих образований.

Морфологически *jaruq-gak представляет собой производное от *jaruq- (ср. др.-уйг. jaruq- 'делать гладким, выравнивать'); наряду с *jaruq-gak существует и *jaruq-mak (> тар. jaruqmak 'лист'), хотя исторически *jar- 'лист' и *jar- 'плоский', вероятно, восходят к разным корням (см. ниже) и налицо, таким образом, контаминация. См. (VEWT 188; EDT 879), а также разбор в [Дмитриева 1979, 157-160].

Монг.: ср.-монг. nabčín (ХИ 77), калм. naptši, монг.-письм. nab-či (KW 271-272), халха-монг. navč, дунс. latšín, бао. labtšyŋ, даг. lartš, юй. labdžəg, монгол. labšdži (DM 218). Без суффикса -čín ср. мог. форму nama ~ laba 'лист'.

Кор.: ср.-кор. píр (-ph-) 'лист' (КС 126-127, ХМ 297).

См. [Владимирцов 1929, 369] (тюрк. ~ монг.), KW 272 (тюрк. ~ монг.), SKE 160, [Porre 1960, 37]. В двух последних источниках корень "лист" объединяется с корнем "плоский", а из среднекорейского при-

влекается не *nírh* 'лист', но *пар-*, *парсјок* 'тонкий и плоский'⁸⁴. То же самое делает и В. М. Иллич-Свитыч в ОСНЯ 2, 24-25.

Нужно, вероятно, восстанавливать два алтайских корня:

а) **lap* 'V' 'плоский' (тюрк. **jar-*, откуда *jarıç-* 'выравнивать', аз. *jarıç* 'плоский, приплюснутый', туркм. *jarı* 'склон' и др.; монг.-письм. *naβ-ta-ji-* 'быть плоским'; ТМ **lap-ta-* > зап.-эвенк. *lapta-kta* 'гладкий, плоский', в других диалектах *парта-* 'расстилаться, равнина', см. ТМС 1, 584, ОСНЯ 2, 25; ср.-кор. *пар-* ('плоский'). Этот корень, очевидно, восходит к ностр. *lap* 'V id. (? сем.-хам. **lP-* 'плоский, ладонь', и.-е. **lep-* 'ладонь, лапа', урал. **lapra*/**lapra* 'плоский, лапа, лопатка'), см. ОСНЯ 2, 23-25, ср. тж. [Долгопольский 1969, 297-298] (ностр. **lap* 'V id.').

б) **liap* 'V' 'лист' (см. выше). Ср. к этому корню ностр. **Lop* 'V' 'ободранная кора', 'растительная пленка' (сем.-хам. **lP* 'содранная кожица', и.-е. **leup-* ~ **lep-* 'содранная кора, лист', урал. **Lop* 'V id.'), см. ОСНЯ 2, 33-34 (хотя вокализм в этом корне связан с некоторыми проблемами).

30. "маленький": монг. *üčü-gen* ~ ТМ **ḡüč-i-* < алт. **ḡüč-i*.

Монг.: ср.-монг. *üčü-gen* (ХИ 107), монг.-письм. *üčüken*, *üčügen*, калм. *ütsükñ*, *ütsü* (KW 460), халха-монг. *öčüхен*, бао. *džigan*, даг. *utšikəŋ*. Предположение Владимирцова о том, что *üčügen* есть модификация *od-čigin* 'младший сын' [Владимирцов 1929, 420], вряд ли обосновано.

ТМ: эвенк. *nitkūn* (< **nüč-i-kūn*) 'маленький', диал. *nīč-i*, *nīč-i-kūn* 'мало'; сол. *nisxū* ~ *nisxū:* 'маленький'; нег. *ñitkūn id.*; ороч. *ñič-i* 'маленький, мелкий'; уд. *ñič'a id.*, ульч. *ñüč-i* ~ *nuč-i*, орок. *nūč-i*, нан. *nūč-i id.* См. ТМС 1, 589-590 (объединено с основами **nikā-* и **nid(u)-*, которые, по-видимому, следует отделять от рассматриваемого корня).

Это одно из сопоставлений (ранее не предлагавшихся), на которых базируется реконструкция анлаутного **ḡ-* (см. выше, с. 17-18).

31. "нога" ("foot"): ТМ **palga-n* ~ ср.-кор. *pár* < алт. **paikV*.

ТМ: эвенк. *halgan*, сол. *alḡā*, эвен. *halgəŋ*, нег. *xalgan*, ороч. *хага*, уд. *хага*, ульч. *palža(n-)*, нан. *palgā* (ТМС 2, 312); [Колесникова 1972^a, 320] (о маньчж. *falaŋgu* 'ладонь' см. ниже).

Кор.: ср.-кор. *pár* (КС 245, ХМ 207), др.-кор. 滂 *phwât* = /*par*/.

Японскую параллель см. ниже (с. 91-92).

⁸⁴ Отметим еще, что Н. Поппе восстанавливает здесь алт. **n-*, не учитывая монгольских форм с *l-* и ТМ вариантов с *l-*.

Из тюркского материала можно привлечь тюрк. *baĭ-mak 'вид обуви' (др.-тюрк. bařmaq ~ bařaq, туркм., тат. bařmaq, аз. bařmaq, тур. bařmak etc.) (VEWT 65, ЭСТЯ 2, 93-95, EDT 382-383, ОСНЯ 3, 68-69⁸⁵). Ср. еще, может быть, тюрк. *balak 'щиколотка, стопа', 'штанина' (ЭСТЯ 2, 51-52, VEWT 59).

См. SKE 184-185 (кор. ~ ТМ). Далее см. подробный разбор в ОСНЯ 3, 66-70. Однако привлекаемые там монгольские формы (монг.-письм. alqu- 'шагать', alqu 'шаг', ср.-монг. alqu etc.) все же нужно отделять (ввиду отсутствия здесь анлаутного h- <*p-).

На основании сравнения алтайских форм с картв. *perq-/*berq- 'нога, ступня, шаг', урал. *p/ä/lkä 'нога (foot)' восстанавливается ностр. *paĭqV 'ступня'.

32. "нос": монг. *qaŋ- ~ ТМ *хоŋа ~ ср.-кор. kó(h-) < алт. *k'/u/aŋа.

Монг.: ср.-монг. qabar (XI 85), монг.-письм. qabar ~ qamar, калм. хамг (KW 164), халха-монг. хатаг, дунс. qawa, бао. хог, даг. хатэг, юй. хавар, монгол. хавар (DM 165) 'нос'. Данная основа, по всей видимости, восходит к *qaŋ-ba-г- (что объясняет колебание -b-/-m- в инлауте); ср. еще корень qaŋ- в монг.-письм. qaŋsiyar, qaŋsijar 'клюв, нос', также (с выпадением -ŋ-) в ср.-монг. qošiŋuŋ, монг.-письм. qosiŋu(n) id. От того же корня образован глагол монг.-письм. qaŋ-qul- ~ qaŋyul- 'пахнуть, нюхать'. Из монгольского заимствованы некоторые тюркские формы [в частности, як. хăŋsâg 'нос', тув. каŋŋar 'носовой хрящ', см. VEWT 232, а также маньчж. qaŋsari, эвенк. (через якутское посредство) koŋsō, см. ТМС 1, 413] (вопреки Владимирцову [Владимирцов 1929, 251] и Поппе [Рорре 1960, 96], объединяющим маньчжурские и монгольские формы генетически).

ТМ: эвенк. оŋо 'нос' (лодки), оŋокто 'нос, ноздря'; сол. onokto 'нос', эвен. оŋәт id., нег. оŋо 'нос (лодки)', оŋокто 'нос (человека. животного)'; ульч. хоŋо 'нос' (лодки), 'мыс'; нан. хōŋо id. (> маньчж. хоŋо 'нос', 'мыс'), хоŋ-даха 'переносица'; маньчж. оŋуо-šon 'тупорылый карась' (ТМС 1, 470; 2, 22).

Кор.: ср.-кор. kó (kóh-) (КС 45, ХМ 202), совр. kho 'нос'.

Из тюркского материала следует привлечь тел. koŋir 'седло носа', каŋirik 'переносица', як. хаŋir, хоŋugū id., с.-юг. каŋirik ~ karik ~

⁸⁵ Все внутритюркские этимологии этого слова очень сомнительны, но не исключено и заимствование из корейского (или в корейский?) palmak 'вид обуви, которую носят мелкопоместные дворяне', см. SKE 186. В ср.-кор. это слово не зафиксировано, и его древность определить трудно.

kark 'нос, ноздря' (см. VEWT 232; эти формы, в отличие от прочих приведенных там же, вряд ли можно считать монголизмами). Из древнетюркского, ср., может быть, qova (< *qoŋa?) у Махмуда Кашгарского 'ремень в узде, идущий по носу'. Семантически не вполне ясны др.-тюрк. qaŋraq 'небо', qoŋraŋu 'сосцевидный отросток височной кости' (все только у Махмуда Кашгарского).

См. [Владимирцов 1929, 251; Порре 1960,96] (тюрк. ~ монг.; о маньчж. см. выше), KW 190 (монг. qo-siŋu ~ кор.), PKE 100 (монг. qosiqun ~ кор. ~ тюрк. qova), [Иллич-Свитыч 1965, 343] (ТМ *хоŋо- ~ монг. ~ тюрк.), [Колесникова 1972^a, 283-4] (монг. ~ ТМ). В (SKE 134) кор. kŋo сравнивается с маньчж. ofogo 'нос', что сомнительно. Подробный разбор алтайских форм, включая японски ⁸⁶ (но без ТМ!) см. [Miller-Street 1975, 36].

33. "не": монг. e- ~ ТМ *e- < алт. *e-.

Монг.: монг.-письм. ese 'отрицание при глагольных формах' (наряду с ülü); в качестве корня выделяется e-, ср. e-düi 'еще не' и др. (см. KW 128).

ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., ороч., уд., орок. евспомогательный отрицательный глагол; ульч. -a-si- ~ -e-si- суффикс отрицания; нан. -a-si- ~ -e-si- (през.), -a-ŋi- ~ -e-ŋi- (прет.) id. (ТМС 2, 432).

См. (KW 128), [Порре 1960, 65]. Ср. также ОСНЯ 1, 17 (где алтайская форма сопоставляется с формантами и частицами отрицания: урал. *e-, драв. -a/-e-, сем.-хам. *ʔ).

34. "перо": тюрк. *jüg ~ ТМ *dek-te < алт. *d/i/gu.

Тюрк.: др.-тюрк. (ДТС) jük, (EDT) jüg 'перо', хак., тув. čüg. Дж. Клосон (EDT 910) аргументированно показывает, что это - старое название "пера", в современных языках вторично вытесненное либо основой *tük (/tüg), означавшей первоначально "волосы тела", либо основой *jüŋ, означавшей первоначально "шерсть".

ТМ: эвенк. dekte-nne, сол. dette-le, эвен. det-le, нег. dete-le, ороч.

⁸⁶ Из японского материала сюда относится др.-яп. ka 'запах, аромат' /RJ ká, ПЯ *ká(N) ~ *kà(N)/, которое с кор. kŋo сопоставлял еще Канадзава [Канадзава 1910, 47], и глагол др.-яп. kak- ~ kag-, RJ kágù (ПЯ *ká(n)k- ~ *kà(n)k-) 'нюхать, обонять'. См. [Martin 1966, 242; Miller-Street 1975, 36 и дал.; Одзава 1968, 191] (яп. kag- = монг. qaŋ-qul-). Альтернативная этимология яп. kag- в [Kawamoto 1977, 45] (сравнение с австронезийским *qaŋus 'сопеть') довольно сомнительна.

dekте(se), уд. dekте^е, ульч. dekте-кте, орок. dekте-кте, нан. dekте-не, маньчж. detхе 'перо' (ТМС 1, 231). В ТМ основа *dek-te 'перо', по-видимому, подверглась влиянию со стороны глагола *deg- 'лететь', имеющего иную этимологию⁸⁷.

Из монгольского к данному корню следует привлечь ср.-монг. žižüg (ХИ 67), монг.-письм. žigüg ~ žiber 'крыло' (с регулярным развитием ži- < *di-).

За исключением некоторых колебаний в вокализме (объясняемых позднейшими контаминациями), соответствия вполне регулярны и данное сближение в целом представляется вполне надежным.

35. "печень": тюрк. *bagir ~ ТМ *pākin < алт. *pāk'ī-.

Тюрк.: др.-тюрк. baγir, туркм., аз. baγir, як. biar, каз., баш. bawur, тур. baır, хак. pār, чув. pöver etc. (VEWT 55; ЭСТЯ 2, 17-20; EDT 317; ЭСЧЯ 155).

ТМ: эвенк. hākin, сол. āxī, эвен. hāqəp, нег. xāḥin, ороch. xāki(n-), уд. x'ai(n-), ульч. pā, орок. pāya ~ pāqa, нан. pā, маньчж. faḥun. См. (ТМС 2, 310); [Колесникова 1972^a, 305].

См. [Kotwicz 1939,96], ЭСТЯ 2, 19. Прочие этимологии [тюрк. *bagir - монг. bagir 'мягкий, хрупкий' (KW 38); ТМ - к кор. khoḥ-phat 'почки' (SKE 213)] следует признать неудачными.

36. "пить": ТМ *umi- ср.-кор. mǎ-sí < алт. *ūmi-.

ТМ: эвенк. um-; сол. emu-, ime-, imi-; нег. om-; ороch. imi-, umi-; уд. umi-; ульч. umi-; орок. umi-; нан. omi-; маньчж. omi- (ТМС 2, 266).

Кор.: ср.-кор. mǎ-sí-tá (КС 193; ХМ 318) 'пить'. В кор. -sí - суффикс вежливости (как в čā-sí-tá 'есть', см. выше); корень mǎ- восходит к *umǎ- с нормальной для корейского редукцией анлаутного гласного

⁸⁷ ТМ *deg- 'лететь' (см. ТМС 1, 228-229) первоначально имело, по-видимому, значение 'подниматься > взлетать', ср. монг.-письм. deg-de- 'подниматься, взлетать', dege-re- 'верх, наверху', см. (KW 91); [Porre 1960, 58]. Возможно, оправдано и привлечение сюда др.-яп. taka- 'высокий' [Одзава 1968, 124-125].

От этого же корня в ТМ образовано название "птицы" *degī (см. ТМС 1, 228-229); оно, по-видимому, было заимствовано в дагурском в виде degī (другим монгольским диалектам и старым памятникам это слово неизвестно). Одзава [Одзава 1968, 124-125] сравнивает с даг. degī др.-яп. tori 'птица', что явно неоправдано.

перед лабиальным (см. ниже, "рог", "рот" и др.). Г. Рамстедт (PKE 108) возводит *masi-ta* к *mas* 'вкус', что очень сомнительно.

Из монгольского материала к этому корню следует привлечь монг.-письм. *um-da*, *un-da*, калм. *undA*, *undn* 'жажда; напиток' (KW 449), монгор. *nDa-sE-* (= монг.-письм. *umda-γas-*, *umda-s-*) 'испытывать жажду' (DM 262).

См. (KW 449), [Porre 1960, 69] (монг. ~ ТМ); корейский материал к этому корню ранее не привлекался. Р. А. Миллер пытается объединить в один корень алт. **üm-* и **lüm-* (последний > яп. *пом-* 'пить') [Miller 1971, 108-109], но это вряд ли оправдано.

37. "полный": тюрк. **döl-* ~ ТМ **žalu* < алт. **čölu-*.

Тюрк.: др.-тюрк. *tol-* 'наполняться', *tolı* ~ *tolu* 'полный', туркм. *döl-*, тур., аз. *dol-*, тув. *dol-*, кирг., каз. *tol-*, чув. *tol-* 'наполняться', як. *tuol-* id.; туркм. *döli*, тур., аз. *dolu*, кирг., як. *tolu* etc. 'полный'. Имеется также вариант **döl-*, отраженный в др.-уйг. *toš-*, уйг. диал. *toš-* 'наполнять'. См. VEWT 486, ЭСТЯ 3, 257-259, ЭСЧЯ 256, 257, EDT 491⁸⁸. Из тюркского заимствовано эвен. *tolı* 'полный' и некоторые другие разрозненные ТМ формы (см. ТМС 2, 195).

ТМ: эвенк. *žalu-m*, сол. *žalū*, нег. *žalum*, ороц. *žalum*, ульч. *žalum*, орок. *dalum-ži*, нан. *žalo-qrī*, маньчж. *žalu* 'полный'. Производящая основа представлена в ТМ **žalu-* 'наполнять(ся)': эвенк. *žalu-p-*, сол. *žalū-*, эвен. *žalū-* ('наестся'), нег. *žalū-p-*, ороц. *žalu-* (перех.), *žalu-p-* (неперех.), ульч. *žal-pū-*, орок. *dalū-p-tū-*, нан. *žalo-p-*, маньчж. *žalu-* (ТМС 1, 247).

К этому же корню следует отнести ср.-кор. *čāgà-* 'быть достаточным' (КС 412)⁸⁹.

Данная этимология основывается на соответствии тюрк. **d-* : ТМ **ž-* : кор. *č-* (< алт. **č-*), см. выше, с. 13-14. В результате отпадает необходимость в некоторых довольно натянутых старых этимологиях (а именно, в соотношении ТМ **žalu-* 'полный, наполнять' с **žalan* 'су-

⁸⁸ Дж. Клосон (EDT 491) без всякого сомнения производит **döl-* от *to-* 'закрывать, преграждать' (ДТС 584: *tu-*), см. EDT 434. Однако производные от этого *to-*, а именно *tod-*, *tok-* (или **dod-*, **dok-*) имеют краткий гласный. На последнее обстоятельство указывает Э. В. Севортян (ЭСТЯ 3, 258), хотя в целом он принимает этимологию Дж. Клосона. Нам она представляется крайне сомнительной как по фонетическим, так и по семантическим причинам.

⁸⁹ Сюда же следует относить и др.-яп. *tar-* (ПЯ **tár-*) 'быть достаточным, полным, хватать', см. [Martin 1966] (яп. ~ кор.).

став' и монг.-письм. *žalγa-* 'удлинять, добавлять', см. [Porre 1960, 28]; в соотношении тюрк. **döl-* с ТМ **dili* 'голова, вершина', см. [Долгопольский 1972, 360]).

38. "рог": монг. *eber* ~ ср.-кор. *s-rǫg* < алт. **ep* 'VrV.

Монг.: ср.-монг. *eber* (ХИ 52), монг.-письм. *eber*, халха-монг. *eber*, калм. *ewr* ~ *öwr* (KW 129), бао. *uer*, юй. *ewer*, даг. *xәur* (с вторичным *x-*), монгол. *ууег* (DM 480).

Кор.: ср.-кор. *s-rǫg* (КС 274; ХМ 308) 'рог'.

В корейском налицо редукция анлаутного гласного перед лабиальным согласным (см. выше "пить" и др.) и усиление анлаутного *r* > *s-r-* (ср. выше "кость" и др.).

С данным монгольско-корейским корнем вполне согласуется фонетически (но несколько хуже семантически) локальный южно-ТМ корень **орога* : нан. *орого* ~ *офого* 'нос', маньчж. *офого* 'нос; мыс (горы); вершина' (см. ТМС 2, 22), вытеснивший в этих языках обще-ТМ корень **хога* (см. выше, с. 41-42).

См. SKE 209 (альтернативное и приведенное там же сравнение кор. *ᄃᄆᄇ*, ср.-кор. *s-rǫg* с тюрк. **sübrü* 'острый' и пр. кажется менее вероятным).

39. "рог": монг. *aman* ~ ТМ **am-ᄆa* < алт. **am/a-*.

Монг.: ср.-монг. *ama-n* (ХИ 35), монг.-письм. *aman*, калм. *am* (KW 9), халха-монг. *am*, дун. *aman*, бао. *aman*, даг. *am*, юй. *aman*, монгол. *ama* (DM 5).

ТМ: эвенк. *amᄆa*, сол. *amma*, эвен. *amᄆə*, нег. *amᄆa*, ороч. *amma*, уд. *aᄆma*, улч. *aᄆma*, орок. *amᄆa* ~ *aᄆma*, нан. *aᄆma* ~ *amᄆa*, маньчж. *aᄆga*. См. ТМС 1, 39.

Из тюркского материала сюда относят тюрк. **am* 'vulva, *pu-denda muliebrīa*' (рефлексы см. в VEWT 18, EDT 155), но семантически это довольно сомнительно.

См. [Porre 1960, 40, 68] (тюрк. ~ монг. ~ ТМ); [Колесникова 1972, 73-77] (монг. ~ ТМ; с сомнением также тюрк.), [Колесникова 1972^a, 288-289].

В ряде старых производных этот корень имеет значение 'пробовать на вкус; вкус', ср. монг.-письм. *amu*, *amu-sun* 'название кушанья', а также:

а) монг.-письм. *amsa-* 'пробовать на вкус' (KW 10), ср.-монг. *amsa-* id. (ХИ 35) (тюркские заимствования см. VEWT 19; из монг.

также, видимо, маньчж. *amsu-la-* 'отведывать, вкушать') ~ ср.-кор. *más* (КС 203, ХМ 316) 'вкус' < алт. **am(a)sa*⁹⁰;

b) монг.-письм. *amta-ŋ*, *amta-ral* и др. 'вкус' (тюркские заимствования см. VEWT 19) ~ ТМ **am-ta* 'вкус, пробовать на вкус' (рефлексы см. ТМС 1, 39) < алт. **am(a)t' a-*, см. [Рорре 1960, 68] (монг. ~ ТМ; там же указание на то, что данное образование производно от корня "рот")⁹¹.

Рассмотренный корень следует четко отделять от алт. **aŋ/a/* 'дыра, щель' (тюрк. **aŋ-/ʔaŋ-* 'быть широко открытым', см. VEWT 21; монг.-письм. *aŋ* 'дыра, щель', *aŋʉa-* 'открывать рот' и др., см. KW 11, ТМ **aŋa* 'щель; дыра; открывать, разевать', см. ТМС 1, 45; др.-яп. *ana*, RJ *àà* 'дыра'). В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 244-245) объединяет эти корни, восстанавливая о.-алт. **aŋta* 'рот' и считая его производным от **aŋ-*. Нам, однако, представляется более надежной реконструкция **am/a/* (особенно ввиду наличия разобранных выше производных **am(a)sa*, **am(a)-ta*, и ввиду того, что в ПТМ - вопреки [Benzing 1955, 986] - следует все же восстанавливать не **aŋta*, но **am-ŋa*). Соответственно, ставится под сомнение связь разобранных алтайских форм с урал. **aŋa/ŋe* 'рот, разевать рот' (хотя в уральском не исключена и контаминация двух корней), предполагаемая в ОСНЯ 1, 244-245 и [Sinor 1974, 254].

40. "рука" (hand): тюрк. **äl*, **äl-ig* ~ ТМ **ŋäla* < алт. **ŋälä*.

Тюрк.: др.-тюрк. *el*, *el-ig*, туркм., тур. *el*, аз. *äl*, як. *elī*, *ilī*, чув. *älä* etc., см. (VEWT 39, ЭСТЯ 1, 260-261, EDT 140-141, ЭСЧЯ 24).

ТМ: эвенк. *ŋäle*, сол. *nāla*, эвен. *ŋäl*, нег. *ŋäla*, ороц. *ŋǎla*, уд., ульч. *ŋala*, орок., нан. *ŋāla*, маньчж. *ŋala*. (ТМС 1, 656-657). В корне надежно восстанавливается анлаутный **ŋ-* (см. выше, с. 17), поэтому альтернативные этимологии тюркской формы (монг.-письм. *el-de-* 'обрабатывать', см. KW 119, SKE 57, или монг.-письм. *ele-*, *ilī-* 'ласкать, гладить', см. ЭСТЯ 1, 261) следует, скорее всего, отвергнуть. Невозможно также (по фонетическим причинам) предлагаемое Владимирцовым [Владимирцов 1929, 391] и Поппе [Рорре 1960, 24] сближение

⁹⁰ Г. Рамстедт (SKE 9-10) сближает с монг. *amsa-* кор. *-amsä* в *nä-amsä* 'запах', что гораздо более сомнительно - как по семантическим причинам, так и ввиду неясности морфологической структуры корейского слова и отсутствия его в ср.-корейском.

⁹¹ Японский язык отражает общеалтайский корень "рот; вкус" в виде др.-яп. *ama-*, RJ *ámá-* 'сладкий' (< **am(a)ta* соответствует др.-яп. *adi* > ПЯ **ánti* 'вкус').

ТМ *ḡāla с монг.-письм. *yaḡ* 'рука', тюрк. *qarı* 'верхняя часть руки'⁹²; см. критику этого сближения в [Колесникова 1972,96; 1972^a, 317].

Тюрк. *äl 'рука' (вместе с сомнительными корейскими параллелями, предлагаемыми в SKE 57) В. М. Иллич-Свитыч (МССНЯ, 362) сравнивает с картв. *qel-/*qal- 'рука' (ностр. *qelV). Если учесть реконструкцию *ḡ- в праалтайском, не вполне ясным становится здесь соотношение начальных согласных (хотя рефлекс анлаутного *ḡ- в ностратических языках еще нуждаются в уточнении).

41. "семья": тюрк. *uḡu-k (/ *uḡu-g) ~ ср.-монг. *hüre* < *p'ür/a/.

Тюрк.: др.-тюрк. *uḡu* 'зерно, семья; род, потомство', туркм. *uḡuG* 'род', узб., уйг. *uḡu* 'семья, род', кирг. *uḡū id.*, тув. *uḡu* 'ребенок', як. *uḡū, ḡū* 'родня', тур. *uḡuk* 'племя', каз. *ḡıq* 'семья, род', чув. *võḡ* 'семья' etc. Производящая основа здесь *uḡ(i), ср. др.-тюрк. *uḡi* 'сын, мальчик, юноша', кирг., каз. *uḡ-raq* 'потомство'. См. VEWT 516 (М. Ряснен здесь, по-видимому, ошибочно возводит основу к глаголу *uḡ-* 'бить'), ЭСТЯ 1, 604-606, EDT 197, 214-215, ЭСЧЯ 49. Тюрк. *uḡuk*(/-g) > монг.-письм. *uḡu* 'плод, эмбрион'; 'родственники с материнской стороны' (вопреки Поппе, считающему монгольскую и тюркскую формы исконно родственными [Porre 1960, 142]).

Монг.: ср.-монг. *hüre* (XI 62), монг.-письм. *üre*, калм. *ürn* (KW 459), халха-монг. *ür*, дун. *furə*, бао. *furə*, даг. *хур*, юй. *hure*, монгол. *furiē* (DM 110-111) 'семья; потомство'.

Рассматриваемый корень хорошо представлен также в тунгусо-маньчжурских языках, ср. ТМ *pur- в эвенк. *hugū* 'семья', эвен. *hur-kə* 'беременная (о животных)'; нег. *хuj-ket*, ороч. *xū-ne* 'самка животного с детенышами' (ТМС 2, 354); ТМ *pur-kēn, *pur-kē-kēn 'подросток, юноша' (эвенк. *hurkēkēn*, сол. *ukkēxē*, эвен. *hurken*, орок. *purā* ~ *purige* ~ *pureye* 'молодой', *pure-sel* 'молодежь', нан. *furi(n) nai* 'молодой человек', см. ТМС 2, 353-354), а также ПТМ *purü-, представленное в маньчж. *fur-sun* 'приплод, выводок', нан. *purī* 'семья', *purī-* 'рожать (о животных) и *purü-l 'дети' (> эвенк. *huri-l*, сол. *urī-l*, эвен. *hurə-l*, нег. *хuji-l*, ороч. *xī*, ульч. *puru-l*, орок. *purī-l*, нан. *purī-l*) (ТМС 2,

⁹² С тюрк. *qarı и монг. *yaḡ* можно сопоставить др.-яп. *kara*, RJ *kárà* 'рукоять' (см. [Мураяма 1983, 14]; автор, однако, привлекает вслед за Поппе [Porre 1960] - и ТМ *ḡāla, что вряд ли возможно). Однако фонетически и семантически более вероятным представляется привлечение сюда др.-яп. *kata*, RJ *kàtá* 'плечо'.

357-358)⁹³.

Корейская параллель : orabi 'брат (по отношению к сестре)' к тюрк. urı в SKE 177-178 ненадежна (как семантически, так и фонетически - ввиду отсутствия r-).

См. [Pelliot 1925, 237], [Porre 1960, 11, 126] (монг. ~ ТМ), ЭСТЯ 1, 606 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ), [Цинциус 1972, 52-59⁹⁴, Дмитриева 1979, 180].

Ср. далее МССНЯ, 361 (ностр. *r̥erV 'рождать'), где ТМ формы (без тюркских и монгольских параллелей) сравниваются с и.-е. *r̥er- 'рождать', урал. *r̥erV 'семья, родственники', сем.-хам. *r̥r- 'потомство, ребенок, плод'.

42. "сердце": ТМ *miāwan ~ *ñiāman (< *miāñam) ~ ср.-кор. mǎñam < алт. *miāñV-m.

ТМ: эвенк. māwan (диал. тж. ñāwan), сол. máwā ('сердце; грудь'), эвен. māwцп, нег. māwan, ороц. māwa(n-) ~ miawa(n-), уд. meāwa(n-), орок. mēwa(n)-, нан. miawā, маньчж. ñaman (ТМС 1, 533-534), [Колесникова 1972^a, 299]. Исходную форму несколько затруднительно реконструировать, но, вероятно, это было *miāñam (с различного рода последующими диссимиляциями).

Кор.: ср.-кор. mǎñam (КС 196, ХМ 203). Тот же корень в стяженном виде представлен, очевидно, в синонимичном средне-корейском njəm-thoŋ 'сердце' (КС 109; ХМ 203)⁹⁵.

Сравнение корейской и ТМ форм см. SKE 136. Если исходная

⁹³ Основа единственного числа 'ребенок' должна восстанавливаться в виде *r̥ij-kte ~ *r̥ij-te (но не *r̥ir-kte-, как в [Porre 1974]! - никаких следов *-г- здесь нет), см. МССНЯ, 360 (ностр. *r̥ojV > ТМ; урал. *r̥oj-ка 'сын'). Ср. еще *r̥ij(u)- в эвенк. hiju-digi, hiji-mekēn 'младший, младший сын', hijuŋ- 'уменьшить', hiju-tki 'самый маленький' (ТМС 2, 338). К этому же корню нужно возводить др.-яп. ri- в ri-kuo 'мальчик', ri-mie 'девочка' и, вероятно, ri-to 'человек' = ПТМ *r̥ij-te. Альтернативная этимология П. Бенедикта [Бенедикт 1985, 203] - возведение яп. ri- в этих образованиях, а также ri 'день, солнце' - к австротайскому *ri(!)i 'дух, черт' - совершенно неубедительна.

⁹⁴ Но приводимые там (с. 57-58) тюркские формы (каз. ügön 'семья', тув. ure id., тур. üre- 'размножаться, плодиться', башк. üg- 'прорасти (о семенах)' и др., по-видимому (прежде всего, ввиду отсутствия древнетюркских данных) должны квалифицироваться как монголизмы.

⁹⁵ Надежная японская параллель к рассматриваемому корню - др.-яп. miue, RJ minè (< праияп. *m̥inà-i) 'грудь'. П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 193] сравнивает японское слово с тайв. *(m)bu(m)bu(?) 'сосок, женская грудь' (канаканабу miuи, атаял. bubi?), что весьма сомнительно.

алтайская форма имела также значения "душа, мысль, настроение" (все эти значения - помимо значения "сердце" - имеют место в корейском), то не исключено, что ее можно связывать с нос. *manu (*majnu?), см. ОСНЯ 2, 42-43 (сем.-хам. *mn- 'думать, понимать', и.-е. *men- 'думать', урал. *mano- 'заклинать, отгадывать', (?) драв. *manV 'просьба, слово').

43. "слышать": ТМ *döldī- ~ ср.-кор. tīt- (-r-) < алт. *d/ō/ldī- (~ *t-).

ТМ: эвенк. döldī-, сол. döldī-, эвен. dolda-, нег. döldī-, ороч. dōgdī-, ульч. döldī-, орок. dōlžī-, нан. dōlžī-, маньчж. donžī- (ТМС 1, 214-215).

Кор.: ср.-кор. tīt-tá (tīr-) (КС 173; ХМ 345).

Чередование -t-/-r- в корейской форме указывает на *d- в протокорейском (= ТМ *d-). ТМ сочетание *-ld-, по-видимому, нормально соответствует кор. *-d- (ср. ТМ *aldan 'промежуток', монг. alda 'сажень' = кор. *ādām > ср.-кор. āām 'сажень', см. выше, с. 15), так что фонетически сопоставление ТМ и кор. форм вполне удовлетворительно. См. [Miller 1971, 104].

Г. Рамстедт (SKE 269) связывает корейскую форму с эвенк. til- 'понимать'; однако это сопоставление нам представляется менее удачным, как по фонетическим соображениям (ТМ -l- не может соответствовать кор. *-d-), так и ввиду изолированного характера эвенкийской формы (см. ТМС 2, 180; не исключено вообще, что это старое заимствование из якутского). Также неудачным представляется сближение ТМ формы с монг.-письм. duγul- ~ daγul- 'слышать, слушать' [Рорре 1960, 139] - поскольку монгольская форма является производной от daγu, ср.-монг. daγun 'звук, голос', и имеет хорошую параллель в тюрк. *dīŋla- 'слушать', *dīŋ 'звук' (тюркские формы см. VEWT 478, ЭСТЯ 3, 236-237). Что касается ТМ формы, то в ней, во-первых, отсутствует ожидаемый -ŋ-, во-вторых, она, по-видимому, морфологически нечленима⁹⁶.

44. "собака": тюрк. *it/*it ~ ТМ *ŋinda < алт. *ŋinta.

Тюрк.: др.-тюрк. it ~ it, туркм., тур., аз., кирг., etc. it, як. it, тув. i't, чув. jidā и др. (VEWT 174; ЭСТЯ 1, 385; EDT 34).

ТМ: эвенк. ŋina-kin, сол. ŋina-xī, эвен. ŋin, нег. ŋina-xin ~ ŋina-xin, ороч. ina-ki, уд. in'ai, ульч. inda, ороч. ŋinda ~ ŋinda, нан. inda,

⁹⁶ Заслуживает внимания сравнение Р. А. Миллера [Miller 1971, 104] монг. duγul- (< *duγu-l-) с др.-яп. tuga- (< ПЯ *tunka-) 'сообщать'.

маньчж. *inda-χun* (ТМС 1, 661-662).

Японскую параллель см. ниже (с. 96).

Один из примеров на развитие алт. *η- > тюрк. 0- (см. выше, с. 17-18). В инлауте тюркский и ТМ демонстрируют различное развитие исходного праалтайского сочетания *-nt- (упрощение *-nt > -t в аулауте в тюркском и озвончение *-nt- > *-nd- в ТМ). В целом фонетически сближение вполне приемлемо.

См. VEWT 174, ТМС 1, 662 (тюрк. ~ ТМ) [Новикова 1979, 60-63] (хотя предлагаемое в этой работе - вслед за [Новикова 1971, 184-185] - ономатопоэтическое истолкование рассматриваемого корня представляется несколько сомнительным).

45. "солнце": ТМ **sigū-n* ~ ср.-кор. *hǎi* (< **sāgi*) < алт. **sāgV* (~ *-k-).

ТМ: эвенк. *siyūn*, сол. *š'igū*, нег. *siyūn* ~ *siwun* ~ *sijun*, ороч. *seu(n-)*, уд. *sū(n-)*, ульч. *siu(n-)*, орок. *sšū(n-)*, нан. *siū*, маньчж. *šun* (ТМС 2, 78).

Кор.: ср.-кор. *hǎi* (ХМ 153; КС 482) 'солнце'.

См. SKE 59 (хотя Г.Рамстедт ошибочно привлекает сюда же и кор. *hǎi* 'белый', о котором см. выше, с. 25). Ср. далее МСНЯ, 366, где ТМ форма (без корейской) сравнивается с и.-е. **seH^w* - 'солнце'⁹⁷.

46. "соль": тюрк. **dūr* ~ монг. *dabu-sun* (< **dabur-sun*) < алт. **cawVfV*.

Тюрк.: др.-тюрк. *tuz*, туркм. *düz*, аз. *duz*, тур. *tuz*, як. *tūs*, чув. *tõvar* etc. См. VEWT 502, ЭСТЯ 3, 288-289, EDT 570, ЭСЧЯ 234.

Монг.: ср.-монг. *dabusun* (ХИ 48), монг.-письм. *dabusun*, калм. *dawsn* (KW 80-81), халха-монг. *davs*, дун. *dansun*, бао. *dabsun*, юй. *daabsən*, монгол. *Dabse* (DM 37). Из монгольского заимствованы современные ТМ слова (эвенк. *dawasun*, маньчж. *dabsun* etc., см. ТМС 1, 186), см., например, [Клосон 1969, 40].

Сравнение тюркской и монгольской форм см. [Владимирцов 1929, 258], (VEWT 502). Монг. *dabu-sun* регулярно восходит к **dabur-sun* (с выпадением сонанта перед суффиксом *-sun*), см. [Pritsak, 1954, 245], и рассматриваемое сближение является весьма надежным

⁹⁷ Интересно отметить также др.-яп. *suora* (< **suara* < **suga-ra*?) 'небо'. Сравнение последнего с монг.-письм. *sula* 'свободный, пустой; слабый, вялый' [Мураяма 1983, 21] явно неоправдано. То же можно сказать о сравнении с австронезийским **sela* 'промежуток' [Kawamoto 1977, 42].

(несмотря на критику в [Joki 1952, 340-341] и ЭСТЯ 3, 289)⁹⁸.

Из тунгусо-маньчжурского материала мы привлекаем к данному корню ТМ *ʒujar- : эвенк. ʒāri-рсу (< *ʒiari- < *ʒujari-) 'кислый, горький', эвен. ʒujir 'кислый', нег. ʒojaj-gdi 'кислый, горький', ороц. ʒui-si (< *ʒujir-si) 'кислый', ульч. ʒujir-si ~ ʒir-si 'кислый, противный', орок. dūre, dūru-si id., нан. ʒojog-si 'кислый, терпкий', маньчж. ʒiʂun (< *ʒur-sun) 'уксус', ʒiʂu-xun 'кислый, терпкий' (ТМС 1, 254).

Из корейского следует привлечь čel-da (орф. čjēr-ta) 'быть соленым', čēgi-da (орф. čjēgi-ta) 'солить' (ср.-кор. форма не зафиксирована).

Корейско-ТМ сравнение см. SKE 28.

Данный корень является одним из примеров на рефлексы праалтайской слабой аффрикаты *č- (см. выше, стр. 13-14)⁹⁹.

47. "спать": тюрк. *u-, *u-di- ~ монг. poj-ir- ~ ТМ *ɲu/j/a < алт. *ɲija.

Тюрк.: др.-тюрк. u ~ uv 'сон', udi- ~ udi- ~ uju- 'спать'; тур., кум. uju-, хак. uzu-, тув. udu- 'спать'. Морфологическая структура основы *udi- в тюркском не вполне ясна, поскольку продуктивный суффикс *-di- в тюркском отсутствует. Возможно, *udi- представляет собой вторичный вариант незасвидетельствованной основы *u-d- ("становиться сонным" = "засыпать, спать"), где был представлен обычный деноминативный суффикс *-d-. От основы *udi- уже в пратюркском было образовано новое производное *udi-q(u) 'сон' (др.-тюрк. udiq ~ uju, тур. uju, кирг., узб. uju, хак., тув. uju, чув. iju, аз. juхи etc.; ср. тж. туркм. ūqi, чув. диал. iju 'сон') и, далее, *udi-q-la- 'спать' (др.-тюрк. uduqla- ~ udiqla-, туркм. ūqla-, кум. uqla-, узб. uqla- etc.). См. VEWT 508, ЭСЧЯ 342, ЭСТЯ 1, 579-581, 586-587 (по-видимому, напрасно возводит формы типа туркм. ūqi, ūqla к *u-ki-, *u-k-la; ввиду др.-тюрк. данных скорее нужно, вслед за [Bang-Gabain 1930, 211] и [Рясянен 1955, 50], возводит их к *ujuq- < *uduk-; соответственно, неоправдано сближение с ТМ *ruklē 'лежать'), EDT 2, 42-3.

Монг.: ср.-монг. porus- (< *poj-ru-s-) 'дремать' (ХИ 80), монг.-письм. pojir 'сон', pojir-sa- 'спать', калм. pōrsə- (KW 280), халха-монг. poirso- 'спать'. Сравнение монгольской формы [Владимирцов 1929,

⁹⁸ Напротив, генетическая связь тюрк. *di- и монг. *dabur- с эвенк. turuke 'соль, соленый, солить' (вопреки VEWT 502 и [Иллич-Свитыч 1963, 50]) представляется весьма сомнительной. См. выше, примеч. 13.

⁹⁹ Из японского материала сюда целесообразно отнести др.-яп. tura- (< прап. *túrā-) 'горький, противный'.

271, 370; Porre 1960, 49] с тюрк. *javaš* 'мягкий' семантически совершенно неубедительно.

ТМ: ороч. *ɲua-* 'спать', уд. *ɲua-* ~ *ɲu^ha-* id. (ТМС 1, 666). Предположение о срединном **j-* (который должен был выпасть в ороч. и уд. в данном фонетическом контексте) позволяет связать эти формы с эвенк. *ña-sō-* (Подкаменная Тунгуска), *niña-* (Тиг. и др.) 'спать' (см. ТМС 1, 597, 636) < **ɲ(i)ja-* < **ɲija-*.

К алт. **ɲija-* можно было бы привлечь и ср.-кор. *pūr-(-v)* 'лежать', однако эта основа имеет более надежные внешние параллели с анлаутным **n*¹⁰⁰.

Японскую параллель см. ниже (с. 96).

К реконструкции анлаутного **ɲ-* в данном корне см. выше, с. 17. Ввиду несомненной членимости тюркской формы **udī-*, видимо, нужно поставить под сомнение сопоставление тюрк. с урал. **ода-* 'спать' (см. МССНЯ, 367, там же литература). Сомнительно также отнесение тюрк. **u* к тому же корню, что и **um-* в тюрк. **um-it-* 'забывать', монг. *umta-* 'спать' etc. (см. SKE 169), поскольку совершенно неясны причины отпадения *-m-*.

48. "сухой": тюрк. **kūr-* ~ монг. *qaur-*, *qayur-* < алт. **k(′)awVrV*

Тюрк.: др.-тюрк. *qur*, *quruq* ~ *quruq* 'сухой', *quri-* ~ *quru-* 'сохнуть'; туркм. *Gūri-* 'сохнуть', тур. *kuru* 'сухой', чув. хӱг, як. *qūr-* 'сохнуть' (VEWT 302; EDT 642, 646, 652-653).

Монг.: ср.-монг. *qoʔa-sun* (< **qoʔar-sun*) 'сухой' (Ибн Муханна), монг.-письм. *qaurai*, *qayurai* id., калм. *χūrā* (KW 204), халха-монг. *xūraj*, дун. *qo-sun*, бао. *χo-sun*, даг. *χwaarii*, юй. *χuuraa*. Ср.-монг. *qoʔa-sun* (а также дун. *qo-sun*, бао. *χo-sun*) - один из случаев выпадения сонанта перед суффиксом *-sun*, так что общемонгольская основа надежно восстанавливается в виде **qayur-* ~ **qoʔar-* (< **kawVr*).

Соотношение тюркского и монгольского инлаута однозначно указывает на алт. **-w-* (см. выше, с. 18).

Японскую параллель см. ниже (с. 97).

49. "теплый": тюрк. **jili-g* ~ монг. *dula-γan* < алт. **dūli-* (~*-ū-*).

Тюрк.: др.-тюрк. *jiliγ* (~ *iliγ*), каз., тат. *žili*, хак. *čiliγ* etc. 'теплый'. Производящая основа представлена в др.-тюрк. *jili-*, тур. *ili-*, кум. *jili-*, хак. *čili-*, як. *sili-* etc. 'согреваться' (VEWT 200, EDT 919, 925).

¹⁰⁰ Ср. др.-яп. *na-* (ПЯ **ná-*) 'лежать', ТМ **nē-* 'класть, положить' (ТМС 1, 614-615).

Монг.: ср.-монг. *dulaʔan* (ХИ 51), монг.-письм. *dulaγan*, калм. *dulān* (KW 101-102), халха-монг. *dulān* 'теплый'. Ср. еще монг.-письм. *dul* 'безветренный ясный день', калм. *dul* 'теплый, тепло'.

Из тунгусо-маньчжурского материала сюда относится ТМ **dūl*-. эвенк. *dūl*- 'пригревать (о солнце)', эвен. *dūl*- id. (но эвен. *dūlən* 'тепло', чжурчж. *tū-lū-wēn* 'теплый' могут быть и монголизмами), см. ТМС 1, 221.

См. [Владимирцов 1929, 174, 318] (тюрк. ~ монг.), [Рорре 1960, 23, 75], VEWT 200 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ)¹⁰¹. См. далее ОСНЯ 1, 221-222 (ностр. **duli* 'огонь'), где алтайская форма сравнивается с урал. **tule* 'огонь', драв. **tu|V* 'сиять, искриться', (?) сем. **dl-ḳ* 'жечь, гореть'.

50. "тонкий": тюрк. **jub-ka* ~ монг. *nim-gen* ~ ТМ **nem*-, **nem-kūn* < алт. **n[e]mV*, **n[e]m-kV* (~ **n[e]bV*, **n[e]b-kV*).

Тюрк.: др.-тюрк. *juvγa* ~ *jujqa* ~ *jurqa* ~ *juqa* ~ *juvqa* 'теплый', туркм. *jūqa*, кирг., каз. *жуқа*, хак. *čuqa*, чув. *šüçë* etc. (VEWT 209, EDT 874, ЭСЧЯ 224).

Монг.: ср.-монг. *nimgen* (ХИ 79), монг.-письм. *nimgen*, калм. *nimgn* (KW 276), дун. *ninkīən*, бао. *niŋgaŋ*, даг. *niŋgəən*, монгол. *niāŋGān* (DM 271) 'тонкий'.

ТМ: эвенк. *nem-kūn*, сол. *neme-kū*, эвен. *nem-kun*, нег. *nem-kūn*, ороч. *nemi*, уд. *nem-nes'e-*, *neme-č'e*, ульч. *nem-de*, орок. *nem-de* ~ *nem-že*, нан. *nem-de* (ТМС 1, 621).

См. [Рорре 1960, 114] (монг. ~ ТМ). Отметим, что в ТМ Поппе объединил два корня (**nem*- 'тонкий' и **ñem*- 'мягкий', см. ТМС 1, 652-653). Только с последним из них можно сопоставлять тюрк. **jim-í-ak* 'мягкий' (сюда же монг.-письм. *neme-gün* ~ *nima-yun* 'мягкий', см. KW 275). Вслед за Н.Поппе ту же ошибку повторяет В. М. Илич-Свитьч (МССНЯ, 350) (ностр. **ñamV* 'мягкий'; сравниваются все алтайские формы и урал. **ñamV-k*¹⁰²). Корни "мягкий" и "тонкий" действительно весьма близки фонетически, а потому могли контаминировать; не исключено поэтому, что -*m*- в ТМ и монг. в корне "тонкий" появился вторично (под влиянием **ñ/e/mV* 'мягкий'). В таком

¹⁰¹ Вопреки мнению Одзава [Одзава 1968, 26] вряд ли можно сравнивать с монг. *dulu-γan* яп. *nigū*- 'теплый'. Возможно, однако, привлекать к рассматриваемому корню др.-яп. *ju* (праяп. **dù*) 'теплая вода' (см. [Miller 1971, 85; Мураяма 1985^b, 74]). Фантастично возведение яп. *ju* к австронез. **bulu* 'мыть' [Бенедикт 1985, 175] или **an-Duy* 'купать' [Kawamoto 1977, 34].

¹⁰² Ср. также яп. *nameta-ka*- 'гладкий, скользкий' = тюрк. **jim-í-ak*.

случае нужно принимать, что архаичный вид сохраняет тюркская основа (*jub-ka < *pub-ka). В любом случае единство рассматриваемых тюрк., монг. и ТМ форм сомнений не вызывает.

51. "тот": монг. te- ~ ТМ *ta- ~ ср.-кор. tǰ < алт. *t'а.

Монг.: ср.-монг. te-re 'тот', te-de 'те' (ХИ 100-101), монг.-письм. te-re, калм. terə (KW 393), халха-монг. ter, дунс. tə-rə, бао. tə-r, даг. tə-r, юй. te-re, монгол. t'ie (DM 416).

ТМ: эвенк. ta-, tar-; сол. ta-, tari; эвен. ta-, taraq; нег. ta, taj; ороц. ta-, tei; уд. ta-, tei; ульч. ta, tij; орок. ta-, tāri; нан. ta-, tej; маньчж. te-, tere (ТМС 2, 164-167).

Кор.: ср.-кор. tǰ (ХМ 337, КС 154) 'тот' (вероятно < *tə-jə).

В тюркских языках имеются окказиональные формы на t- (старокипч. ti-gi, тат. tægə-n-dä 'тот', см. VEWT 479), но ввиду полного отсутствия их в древних памятниках можно думать об их монгольском происхождении (ср. формы типа монг.-письм. te-güni), хотя Владимирцов [Владимирцов 1929, 126], Рамстедт (SKE 26) предполагали исконное родство.

См. SKE 26, [Рамстедт 1957, 74]. См. далее ОСНЯ 1, 7 (ностр. *tä 'этот, тот'), где алтайская форма сравнивается с и.-е. *to-, урал. *tä-, драв. *tā-, (?) сем.-хам. *tV-, (?) мегр. te-/ti. 52. "ты": тюрк. *sä-n ~ ТМ *si < алт. *sä.

Тюрк.: др.-тюрк. se-n (Dat. sa-ŋa), тур., узб. sen, аз. sä-n, чув. ezě etc (VEWT 409; EDT 831-832; ЭСЧЯ 346).

ТМ: эвенк. si (sin-), сол. šī (šin-), эвен. hī (hin-), нег. sī (sin-), ороц. si (sin-), уд., ульч., нан., маньчж. si (sin-) (ТМС 2, 72-73).

См. [Рамстедт 1957, 69] (с не очень надежными корейскими параллелями)¹⁰³.

См. далее ОСНЯ 1, 6: ностр. *Si "местоимение 2-го л.", откуда, кроме тюрк. и ТМ форм, также и.-е. *-s(i) "суффикс 2-го л. ед. ч.", картв. se-/si- (ср. тж. še-). Неясно, следует ли (вслед за В. М. Иллич-Свитыгчем) рассматривать это *si как фонетический вариант местоимения *tī 'ты' (урал. *ti-, и.-е. *te-, сем.-хам. *tV; сюда же ср.-монг., монг.-письм. čī 'ты'). Но во всяком случае, на алтайском уровне монг. čī нельзя считать

¹⁰³ В др.-яп. имеется архаичная местоименная форма 2-го л. si (см. [Ямада 1954, 75-76]), встречающаяся, однако, только в условных предложениях (см. [Miller 1971, 159], где японская форма сравнивается с алтайским *sä). Крайне сомнительно сопоставление др.-яп. si с австронезийским местоимением 3-го л. (!) мн. числа *tsida [Бенедикт 1985, 184].

закономерно соответствующим тюркскому *sä-n и ТМ *si.

53. "ухо": тюрк. *kul-kak (/ *kul-gak) ~ ср.-кор. kúi < алт. *k'üjlu (~ *k'ülju).

Тюрк.: др.-тюрк. qul-qaq ~ qul-yaq, чаг. qulyaq, qulaу, туркм. Gulaq, тур. kulak, як. qulyāχ, чув. хӧлҫа etc (VEWT 298, EDT 621, ЭСЧЯ 291).

Кор.: др.-кор. kwì = /kuj/ (КСЧ 167), ср.-кор. kúi (КС 64, ХМ 202) 'ухо'¹⁰⁴.

Из монгольского к данному корню привлекается обычно монг.-письм. qulqu, калм. хулχА 'ушная сера' (KW 196); ср. еще монг.-письм. qulqu-г (~ qulqu-г) 'с висящими ушами, вислоухий'.

Из тунгусо-маньчжурского можно привлечь ТМ *xül- 'раздаваться (о звуке, эхо)' (если принимать исходное значение "слышать"), ср. эвенк. ül-ta 'раздаваться (эхо), откликаться, отзываться'; эвен. ül-də- 'звучать, раздаваться, отдаваться (об эхо)'; нег. ol-buṅ- 'раздаваться (об эхо)'; ульч. χoldi 'звучать'; орок. хул-buṅ- 'раздаваться (об эхо)', хул-ži 'эхо'; нан. хӧl-ži- 'звучать, раздаваться, отдаваться' (ТМС 2, 263)¹⁰⁵.

См. KW 196, [Porpe 1960, 18] (тюрк. ~ монг.), АКЕ 11 (кор. ~ тюрк.). Ср. далее МССНЯ, 366 (ностр. *q/iw/IV 'слышать'), где алтайские формы сравниваются с и.-е. *kleu-, урал. *küle-, драв. *kēl- 'слышать', (?) сем.-хам. *ḳwl- id., картв. *qur- 'ухо'.

54. "хвост": тюрк. *kuduruk ~ ТМ *xürgü ~ ср.-кор. s-kòrí < алт. *k'udurgí.

Тюрк.: др.-тюрк. qudruc ~ qudruc, як. quturuq, хак. хузурух, тур. kujruk, туркм. Gujriq, чув. хӱре etc. (VEWT 296, EDT 604, ЭСЧЯ 313).

¹⁰⁴ Надежной японской параллелью (несмотря на неточное соответствие акцентуации) к данному корню является др.-яп. kik-, RJ kíkù 'слышать' (< *kil-k- < *kujl-k-). Японско-корейское сравнение предложено еще в [Канадзава 1910, 47] (автор привлекает также яп. kowe 'голос', что более сомнительно).

¹⁰⁵ А. В. Дыбо (устное сообщение) предлагает усматривать рефлекс данного алтайского корня в другой ТМ форме, а именно, ТМ *xoji-rip ~ *xojika 'серьги' (эвен. ojiw.ип, уд. waiga ~ oiga, ульч. χојро(п), нан. χојрӧ), см. ТМС 2, 8. Предпочсть ту или иную этимологию можно будет только после уточнения рефлекса в ТМ алтайского сочетания *-jl- (*-lj-); о наличии в исходной форме такого сочетания говорит корейская форма kúi < *kúljV.

ТМ: эвенк. *irgi*, сол. *iggi* ~ *irgi*, эвен. *irgə*, нег. *īyī* ~ *ijgi*, ороч. *iggi*, уд. *igi*, ульч. *хуџи*, орок. *xudu*, нан. *xujgi*, маньчж. *унџе-хен* (ТМС 1, 325).

Кор.: ср.-кор. *s-kòrī* (КС 50, ХМ 302) 'хвост'. Начальный *s-* здесь, как и в других случаях (см. выше *s-rjə*, *srīg* и др.), видимо, передает экспрессивную геминацию.

Из монгольского к данному корню относят обычно монг.-письм. *quduγa* 'подхвостник', см. [Владимирцов 1929, 322, 337], KW 195, VEWT 296, [Рорре 1960, 16], но весьма вероятно, что это тюркизм (ср. зафиксированное уже у Махмуда Кашгарского тюрк. *quduγun* 'подхвостник' при *qudγuq* 'хвост'). С другой стороны, в монг.-письм. имеется синонимичное слово *qudu-sqa* (KW 195), откуда, вероятно, ряд современных тюркских форм (кирг. *qujušqan*, тур. *kojaşkan* etc., см. VEWT 297).

ТМ ~ тюрк. сравнение см. ОСНЯ 1, 328, [Цинциус 1984, 114] (с указанием на регулярность выпадения *-d-* перед *-гв* ТМ, ср. тж. выше, примеч.35). В. М. Иллич-Свитыч ([Иллич-Свитыч 1965, 340]; ОСНЯ 1, 328) привлекает к сравнению кор. *hugəri* 'подхвостник', что, по нашему мнению, мало обосновано фонетически. С другой стороны, ср.-кор. *s-kòrī* вполне регулярно может восходить к **korri* < **kodri* (см. выше, с. 15, о развитии **-d-* в корейском) и хорошо соответствует прочим алтайским формам.

Алтайские формы В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 327-328, ностр. **kudi* 'хвост') сравнивает с картв. **kʷad-/*kud-* 'хвост' (и с большим сомнением с изолированным лат. *cauda* 'хвост' и чад. **kt-r/*gt-r id.*).

55. "холодный": монг.-письм. *küji-tün* ~ ТМ **xijū* < алт. **k'uŋi-* (~ **k'ijū*)

Монг.: ср.-монг. *köji-ten* (ХИ 73), монг.-письм. *küji-tün*, калм. *kītn* (KW 234), халха-монг. *xüjten*, дун. *kuitšien*, бао. *kitaŋ*, даг. *kuituŋ*, юй. *kyuten*, монгор. *k'uiDiän* (DM 210).

ТМ: эвенк. *ijī* 'иней', *ijī-ni-rču* 'холодный'; сол. *ini-gi-gdi* 'холодно', эвен. *ijī-* 'заморозить', *ijə-ń* 'холодный'; нег. *ini-* ~ *ijī-* 'заморозить', *ini-nigdi* ~ *ijī-ni-gdi* 'морозный, холодный'; ороч. *ijī-ni-si* 'холодный'; уд. *ijiničī id.*, ульч. *siŋu(n-) id.*; орок. *siŋū-* 'замораживать'; нан. *siŋgu-* 'остыть', *siŋmū* 'прохладный' (> маньчж. *siŋga*, *siŋejen* 'холод, стужа') (ТМС 1, 321).

Данное сближение, насколько нам известно, ранее не предлагалось, хотя соответствия между монг. и ТМ здесь вполне регуляр-

ны. Абсолютно неприемлемо предположение Г. Рамстедта (SKE 55) о том, что ТМ формы заимствованы из кор. *əŋgi-da* 'загустевать' (которое, ввиду анлаутного 0-, вообще не может иметь сюда никакого отношения).

56. "мужчина": тюрк. **är* ~ монг. *ege* < алт. **äre*.

Тюрк.: др.-тюрк. *er*, туркм. *är*, аз. *är*, тур. *er*, хак. *ir*, чув. *ar* etc. 'муж, мужчина'. Также распространено производное *er-käk* (видимо, с вторичным сужением анлаутного гласного) > др.-тюрк. *erkäk*, туркм. *erkek*, аз. *erkäk* etc. 'мужчина, самец'. См. VEWT 46, ЭСТЯ 1, 321-322, 297-298, EDT 192, 223 (Дж.Клосон считает, что **er-käk* не имеет отношения к **är*), ЭСТЯ 30.

Монг.: ср.-монг. *ege* (*gü?ün*) (XI 55), монг.-письм. *ege*, калм. *егэ* (KW 123), халха-монг. *er*, дунс. *эрэ*, бао. *егэ*, даг. *эр*, юй. *ege*, монгол. *гэ* (DM 313).

См. [Владимирцов 1929, 324]; (KW 123), [Porre 1960, 79, 106], [Клосон 1969, 40], [Цинциус 1972, 45-48]. Ср. далее ОСНЯ 1, 247-248 (ностр. **Herä* 'самец'), где алтайская форма сравнивается с драв. **er*- 'самец', и.-е. **h'er-s*- id.¹⁰⁶.

57. "червь": тюрк. **kür-t* ~ монг. *qor-qai* < алт. *k'ürA*.

Тюрк.: др.-тюрк. *qurt*, туркм. *Gürt*, тур. *kurd*, каз., кирг. *qurt*, хак. *хурт*, чув. *хорт* etc. 'червь'. См. VEWT 303, EDT 648, ЭСЧЯ 309. О суффиксе -t в тюркском см. [Рамстедт 1957, 200].

Монг.: ср.-монг. *qoro-qai* (XI 90), монг.-письм. *qorqai*, *qorūqai*, калм. *хорхā* (KW 188), халха-монг. *хорхој*, дунс. *Guᠣᠭᠠᠢ*, бао. *GorGəi*, даг. *хоругw*, юй. *хорохGui*, монгол. *хорGui* (DM 173) 'червь, насекомое'. Бессуфиксальная основа сохраняется в калм. *хор* 'личинки слепня' (KW 187).

Долгопольский [Долгопольский 1965, 261] привлекает к данному корню также ТМ **xirga* 'овод': эвенк. *irga-kta*, эвен. *irgə-t*, нег. *ijga-kta*, уд. *iga*, ульч. *siža-qta*, орок. *siži-qta/siri-qta*, маньчж. *iža* (TMC 324-325). Лучше, вероятно, привлечь ТМ *(x)üre 'дождевой червь' (см. с. 269).

См. KW 188, VEWT 303-304, [Räsänen 1955, 18] (привлекается к сравнению также фин. *kurmi*, имеющее, вероятно, индоиранское

¹⁰⁶ Японские параллели, приводимые Р. А. Миллером [Miller 1971, 122, 153] - яп. *agi* 'некто' (атрибутивная форма глагола *ag*- 'быть!') и *age* 'он, тот' (корень *a*- 'тог') явно неприемлемы.

происхождение, см. SKES 264). См. далее ОСНЯ 1, 358 (ностр. *qorV 'червь'), где тюрк. и монг. формы сравниваются с и.-е. *kur-mi- 'червь'; [Долгопольский 1965, 261] (привлекает также ТМ форму, а также, вслед за [Räsänen 1955], фин. kurmu).

58. "черный": тюрк. *kara ~ монг. qara < алт. *k(ʼ)ara (~ *-ä-).

Тюрк.: др.-тюрк. qara, туркм. Gara, як. хага, чув. хога etc. См. VEWT 235, EDT 643-644, ЭСЧЯ 306.

Монг.: ср.-монг. qara (XI 88), монг.-письм. qara, калм. хага (KW 168), халха-монг. хаг, дунс. qara, бао. хэга, даг. хаг, юй. хэга, монгор. хага (DM 158). Дж. Клосон считает, что монг. < тюрк., но для этого как будто бы нет оснований (хотя и исключать возможность заимствования тоже нельзя). Из монгольского заимствованы (в качестве коневодческих терминов) эвенк. kara: 'черный (о масти), карий', сол. хага: 'черный, вороной', маньчж. qara 'чисто-черный, вороной' (см. ТМС 1, 379), а также ср.-кор. kara-, kòrá- в kara-mār, kòrá-mār 'лошадь темной масти' (см. SKE 96).

Японскую параллель см. ниже (с. 98).

См. KW 168, VEWT 235 (монг. ~ тюрк.). См. далее ОСНЯ 1, 337-338 (ностр. *qar/ä/ 'черный', откуда, кроме алт. *k(ʼ)ara, также и.-е. *ker(s)-, драв. *kař/*kār/*kār 'черный, темный').

59. "что": монг. ja-Gun ~ тюрк. *nä < *ña-.

Монг.: ср.-монг. jaʔu, jaʔun (XI 110), монг.-письм. ja-yun, калм. jün (KW 221), халха-монг. jū, дунс. iaп, бао. iaп, даг. жоо, монгор. jāп (DM 487) 'что?'. Ср. также основу ja- в монг.-письм. ja-yaki- 'что делать?', ja-yakin 'как?', ja-yuma 'вещь, нечто', ja-mar ~ ja-mbar 'какой, что за?'

Тюрк.: др.-тюрк. ne, тур., аз., чаг. nä 'что?' etc. (VEWT 352, EDT 774-775). Поскольку в тюркском в принципе не допускается анлаутный *n-, пратюркская форма *nä обычно выводится как результат вторичной ассимиляции - из более древней формы типа *jä-n (см., например, [Рамстедт 1957, 76]). Возможно, однако, что в данном случае наблюдается нерегулярное сохранение исконного носового (< алт. *ŋ-) в местоименной морфеме.

Японскую параллель см. ниже (с. 99).

В данной вопросительной основе обычно (см. [Рамстедт 1957, 76-77], SKE 74, KW 221, [Porre 1960, 32]) восстанавливается алт. *j-. Однако делается это на основе сравнения с маньчж. ja 'что', которое, как мы видели выше (см. с. 39) восходит к ТМ *xaj- (~ *xia-) и не имеет

никакого отношения к рассматриваемому здесь тюрко-монгольскому корню. Из ТМ сюда, несомненно, нужно привлекать совершенно другую вопросительную основу, а именно ТМ *ṅü 'кто' > эвенк. ṅī, сол. pī-xē, эвен. ṅī ~ ṅī, нег. pī ~ ṅī, ороц. ṅī, уд. pī, ульч. ṅii ~ uḷ, орок. ṅi(j)i, нан. ui ~ uḷ, маньчж. we (ТМС 1, 660-661)¹⁰⁷.

Данной форме точно соответствует ср.-кор. pu-, pú- 'кто' (ХМ 338; КС 114, 116). Таким образом, мы имеем здесь дело с рефлексамии общеалтайского *ṅ-, сохранившегося в ТМ, перешедшего в п- в корейском и (в виде архаизма) в тюркском и давшего j- перед последующим восходящим дифтонгом в монгольском. Что касается вокализма, то надо полагать, что ТМ и кор. формы восходят к праалтайской суффиксированной форме *ṅia-u (ср. ср.-монг. jaḷu).

Обычную алтайскую этимологию и реконструкцию *ja принимает В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 277-278). Далее он сравнивает сем.-хам. *ja/ʒaj 'какой, что', картв. *ja- 'кто', и.-е. *jo- 'который (относ.)', урал. *jo- 'который, какой-то (относ. и неопред.)', драв. *jā- 'какой, что (вопрос.)'. Поскольку ностратические соответствия алтайскому *ṅ- пока не выяснены, то сейчас неясно, относится ли к этому ностратическому корню разобранный выше алтайский.

60. "шея": тюрк. *boj(i)n ~ ТМ *moṅa-n ~ ср.-кор. mjæk < алт. *mōj(u)ṅa.

Тюрк.: др.-тюрк. bojın ~ boju, туркм., тур., аз. boju, тув., як. toju, каз., хак. tojın, як. mōj, mōj, чув. mōj etc. (VEWT 80, ЭСТЯ 2, 180-182, EDT 386, ЭСЧЯ 129). Из тюркской производной формы *boj(i)nak (ср. каз. tojnaq, кирг. tojnoq, як. tojnoḥ) заимствованы монгольские формы - монг. tojinoṅ, бур. bojnok 'подгрудок, привенка' - приводимые Поппе [Рорре 1960, 34, 140] в качестве исконно родственных. Также вряд ли имеет отношение к тюрк. *boj(i)n монг.-письм. bojimi 'петля аркана' (см. [Владимирцов 1929, 277]).

ТМ: эвенк. moṅon 'шея, горло, воротник'; нег. moṅon 'шея, воротник'; ороц. moṅo(n-) id.; уд. moṅo-li 'воротник'; ульч. moṅo(n-) 'шея'; орок. moṅo(n-) id., нан. moṅo 'шея, горло'; маньчж. moṅon 'шея (передняя часть)' (ТМС 1, 546); [Колесникова 1972^а, 292-293].

Кор.: ср.-кор. mōk (ХМ 199), mjæk (КС 213) 'шея'. Корейская

¹⁰⁷ Г. Рамстедт [Рамстедт 1957, 77] совершенно ошибочно предполагает для данного ТМ местоимения исходную форму *ke-, которое, "видимо, через ge- перешло в pe-, pi, pi, диалектное pi 'кто'", пытаясь, таким образом, свести его к исходной основе *k'a- ~ *k'e-. Такое фонетическое развитие абсолютно исключено для ТМ языков.

форма, по-видимому, восходит к *mjəŋ-k с суффиксом -k, ср. с другим оформлением ср.-кор. тəŋ-əi 'ярмо, хомут, упряжь' (сравниваемое с тюркскими формами в VEWT 80).

См. [Porre 1960, 34, 140], (VEWT 80) (тюрк. ~ ТМ ~ кор. тəŋe; но приводимые там финно-угорские формы - фин. rovi и др. вряд ли сюда относятся). Корейскую форму mjək М.Рясянен (VEWT 180) сравнивает с другим материалом (др.-тюрк. jaqa 'воротник', эвенк. ꙗкам 'шея' etc.), но это фонетически невозможно¹⁰⁸.

Ср. далее и.-е. *mono- 'шея' (WP 2, 3-5; [Иванов-Гамкрелидзе 1984, 666-667, 815]).

61. "этот" а) тюрк. *k/ö/ (~ *g/ö/) ~ ср.-кор. k- < алт. *k(')ö.

Тюрк.: чув. ko, с.-юг. ko 'этот', см. VEWT 273. В прочих тюркских языках (и в др.-тюрк.) представлено местоимение *bu 'этот' (см. VEWT 85). Однако внешние данные и наличие в чувашском иной основы говорят о том, что *bu - сравнительно поздняя инновация (возможную этимологию *bu см. [Рамстедт 1957, 75]). Предположение Г. Рамстедта (ibid.), что чув. ko соотносится с глаголом *kög- (*gög-) 'смотреть', представляется довольно сомнительным.

Кор.: ср.-кор. kī- (КС 76) 'этот' (средней степени дальности, о более или менее отдаленных предметах).

Японскую параллель см. ниже (с. 99).

К этому же корню Г. Рамстедт (SKE 114) привлекает монгольскую дейктическую клитику kü (ene kü 'вот этот', tere kü 'вон тот' и т. п.).

См. SKE 114 (тюрк. ~ кор. ~ монг.), [Рамстедт 1957, 75-76]. Далее интересно обратить внимание на индоевропейскую указательную основу *k'о- ~ *k'e- 'этот' (см. WP 1, 452).

б) монг. e-ne ~ ТМ *e- < алт. *e-.

Монг.: ср.-монг. e-ne 'этот', e-de 'эти' (ХМ 52, 54), монг.-письм. e-ne, e-de, калм. enə, edə (KW 117, 122), халха-монг. e-ne-, дунс. энə, бао. enə, даг. энə, юй. ene, монгол. nie (DM 272).

ТМ: эвенк. e-, e-ɣ, сол. e-, eɣ ~ eɣi; эвен. e-, eɣ; нег. e-, eɣ; ороц. e-, eɣ; уд. e-, eɣ; ульч. e-, eɣ; орок. e-, eɣ ~ eɣi; нан. e, eɣ; маньчж. e-, eɣ (ТМС 2, 460-462).

См. [Porre 1960, 142] (ТМ ~ монг.), (SKE 166), [Рамстедт 1957, 74]. Г. Рамстедт привлекает к данному корню также кор. i (ср.-кор. i)

¹⁰⁸ Довольно сомнительно также сравнение кор. mok, mjək с яп. muk- 'быть обращенным (в какую-л. сторону)' (см. [Martin 1966, 233]).

'этот' и некоторые периферийные тюркские дейктические формы на *i-* (як. *injä*, койб. *inžä* 'вот так', *idi* 'так' и под.), противопоставленные формам на *a-* (последние хорошо представлены в составе сложной основы *a-n-* уже в др.тюрк., ср. *an-ša* 'так', *an-daŭ* 'такой', *an-* косвенная основа указательного *ol* 'тот' etc.). Скорее всего, эти формы не имеют отношения к рассматриваемому местоимению **e*, но представляют собой остатки самостоятельной дейктической пары **i* '(вот) этот' - **a* '(вон) тот'¹⁰⁹.

В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1,8) рассматривает ностратические именные основы **ʔi* и **ʔe* совместно, однако они противопоставлены друг другу в алтайском (**i* : **e*), урал. (**i*/**e*), драв. (**i*/*ě*), и.-е. (**h'e*/**h'e-*) и картв. (**(h)i*/**(h)e*), поэтому целесообразно, видимо, восстанавливать оба ностратических корня - хотя точную реконструкцию их значения и употребления пока, конечно, сделать затруднительно; ясно лишь, что оба они служили для указания на ближайший предмет и противопоставлялись указательным местоимениям **ʔa*, **šä*, **čä* 'он, тот', служившим для указания на более отдаленные объекты (см. ОСНЯ 1, 7-8).

62. "я": тюрк. **bä-* ~ монг. *bi* ~ ТМ **bi* < алт. **bä-*.

Тюрк.: др.-тюрк. *be-n*, ср.-тюрк. *men*, аз. *män*, тур. *ben*, узб. *men*, чув. *e-bě* etc. (VEWT 333, EDT 346, ЭСЧЯ 345).

Монг.: ср.-монг. *bi* (ХИ 40), монг.-письм., калм. *bi* (KW 44), дунс. *bi*, бао. *bü* (~ *bə*), даг. *bi*, юй. *bə*, монгол. *Bu* (DM 30).

ТМ: эвенк., сол., эвен., нег., ороц., уд., орок., маньчж. *bi* (*min-*), нан. *mi* (*min-*) (ТМС 1, 79).

Японскую параллель см. ниже (с. 99-100).

См. [Рамстедт 1957, 59]; см. также подробный разбор (с литературой) в ОСНЯ 1, 65 (там же ностратические параллели: и.-е. **me-*, картв. **me*/**mi*, урал. **mi*).

От того же корня произведены и формы множественного числа "мы":

тюрк. **bi-ŕ* : др.-тюрк. *biz*, туркм., тур., аз. *biz*, чув. *e-bir* etc. (VEWT 77, ЭСТЯ 2, 129-130, EDT 388, ЭСЧЯ 345);

монг.: ср.-монг. *bi-da* 'мы' (*incl.*), *ba* 'мы' (*excl.*) (ХИ 38, 41) (позднее различие между эксклюзивом и инклюзивом стирается, см.

¹⁰⁹ Аналогичная пара, по-видимому, существовала и в японском, ср. др.-яп. *i* 'этот' (архаическая форма, уже в древних памятниках малоупотребительная) vs. *a-* (*a-no*, *-re*) 'тот'.

[Рамстедт 1957, 71] и др.);

ТМ *bu(e) 'мы' (excl.), см. ТМС 1, 98, [Benzing 1955, 1056], *mü-n-ti ~ *mü-n-si (< *bü-n-) 'мы' (incl.), см. ТМС 1, 539, [Benzing 1955, 979, 1056].

Не вполне ясна ситуация в корейском языке. Здесь исконное местоимение 1-го л. ед.ч. *bä отсутствует, а вместо него имеем новообразование - ср.-кор. na, совр. na¹¹⁰. Во множественном числе имеем форму ср.-кор. úgí 'мы', которую можно было бы сопоставлять с алт. *bü-íV (как это делает Г. Рамстедт [Рамстедт 1951, 70]) - но только предположив нерегулярное развитие *bü-íV > *wuri > uri (в противном случае в корейском было бы *rugi).

См. [Рамстедт 1957, 70-71], а также подробный разбор в ОСНЯ 2, 52-56 (там же ностратические параллели: сем.-хам. *m(n) 1-е л. pl. incl., картв. *m "показатель объекта 1-го л. pl. (incl.?)", и.-е. *me-s 1-е л. pl., урал. *mä-/me- 1-е л. pl., драв. *mä- основа местоимений 1-го л. pl.).

63. "язык": монг. kele(n) ~ ТМ *xil-ñü ~ кор. hjé < алт. *k'äliä.

Монг.: ср.-монг. kelen (ХИ 70), монг.-письм. kele(n), калм. keln (KW 224), халха-монг. xel, дунс. kiäliän, бао. kalañ, даг. хэлj, юй. kelen, монгор. k'ilie (DM 203). Формально основа является производной от ср.-монг. kele- (ХИ 70), монг.-письм. kele- etc. 'говорить'.

ТМ: эвенк. inni (диал. ilñi), сол. iñi, эвен. 'en-ñə, нег. iñni ~ iññi, ороч. i(ñ)ñi, уд. iñi, ульч. siñu, орок. siñu, нан. siñtu ~ siñtu, маньчж. iñgu (ТМС 1, 316-317), [Колесникова 1972^a, 291].

Кор.: ср.-кор. hjé (КС 487, ХМ 201) < *həljé, см. выше (с. 20). Весьма интересно написание в др.-кор. (КЧС 167): yât = /har/. Возможно, здесь отражена особая диалектная форма с иным развитием общекорейского *həljé (с сохранением плавного, но с утратой конечного слога).

Из тюркского материала сюда можно привлечь др.-уйг. kelä-čü 'слово' (Махмуд Кашгарский), чув. kala- 'говорить', карач. kele-či 'посол, сват' и др. (тюрк. *Kälä-) (VEWT 248, ЭСЧЯ 85-86); в (EDT 716) Дж. Клосон отрицает связь с монг. kele- и считает keläčü иностранным

¹¹⁰ Эту основу Г. Рамстедт [Рамстедт 1951, 70] сопоставляет с na- в ср.-монг., монг.-письм. na-ta- (основа некоторых косвенных падежей от bi 'я'). Не исключено, что это - алтайские реликты старого ностратического местоимения 1-го л. мн. ч. эксклюзива (nV, см. ОСНЯ 1, 7), представленного в драв. (*nā-m - с вторичной инклюзивной функцией), и.-е. *ne-/no-, картв. *naj-, *n-, сем.-хам. *nañ-nu, *n-.

словом неизвестного происхождения: это очень сомнительно.

См. SKE 61 (кор. ~ ТМ), VEWT 248 (тюрк. ~ монг.¹¹¹), [Иллич-Свитыч 1965, 340]. См. далее ОСНЯ 1, 346 (ностр. *қә/Һ/ä 'язык'), где алтайские формы сравниваются с урал. *kēle 'язык'.

64. "яйцо": тюрк. *jumurtka ~ монг. ömdege-n ~ ТМ *umūkta < алт. *omu(r)-tkV.

Тюрк.: др.-тюрк. jumurṭa ~ jumurqa, туркм. jumirtqa, каз. žumurtka, як. simt, чув. šömarḍa etc. (VEWT 211, EDT 938, ЭСЧЯ 207).

Монг.: ср.-монг. ömdegen (XI 84), монг.-письм. ömdegen ~ öndegen, калм. öndögn (KW 296), халха-монг. öndög, дунс. эндэүәи, бао. эндәги, даг. эндугw, монгол. nDiGe (DM 263).

ТМ: эвенк. umūkta, сол. ɯmatta, эвен. ɯmtə, нег. omokta ~ omuḱta, ороч. umukta, ульч. omuḱta ~ ɯmuḱta, нан. omoḱta, маньчж. umḱa(n) (ТМС 2, 269). Формально в ТМ налицо производное от *umū- 'нести яйца' (ср. эвенк. umū- etc., ibid.).

См. [Владимирцов 1929, 370] (тюрк. ~ ТМ; но из монгольского явно ошибочно привлекается монг.-письм. im ~ nim "testiculi"), VEWT 211 (тюрк. ~ ТМ).

В тюркском вторичный *j-, очевидно, по аналогии с тюрк. *jum- 'круглый' (см. VEWT 210).

Словообразовательная структура в ТМ позволяет предположить, что перед нами древнее производное от глагола *omū- (> ТМ *umū-) 'нести яйца'¹¹². Поэтому вопрос о связи алт. *omu(r)-tkV с ностратическими формами (урал. *muḱa 'яйцо', драв. *muḱtai, и.-е. > слав. *mōdo, см. ОСНЯ 2, 72: ностр. *muḱa 'яйцо') пока (до выяснения словообразовательной структуры данной основы в прочих ностратических языках) остается открытым.

65. "новый": тюрк. *jaḱi/*jäḱi ~ монг. sine ~ ср.-кор. sái < *za(i)ḱi.

Тюрк.: др.-тюрк. jaḱi ~ jeḱi, кирг. жаңа, хак. nā, як. saḱa, saḱa, тур. jāni, аз. jeni, чув. šēnē etc. (VEWT 185, EDT 943, ЭСЧЯ 211). Выведение тюркского *jaḱi из *jān 'сторона' + *ki "адъективный суффикс", предлагаемое М. Рясяненом, весьма неудовлетворительно семантически и

¹¹¹ М. Рясянен связывает тюркскую форму с эвен. kēlē- 'просить', хотя это, очевидно, монголизм (как и другие ТМ формы в ТМС 1, 447) - но вряд ли тюркизм, как это предполагал В. М. Иллич-Свитыч (ОСНЯ 1, 346).

¹¹² Весьма вероятной представляется связь данного глагола с др.-яп. um-, RJ úmù (ПЯ *úm-) 'родить'.

не очень удачно фонетически (в *jāp 'сторона' имеем долгий *-ā-, а в *jaŋi 'новый' - краткий ä). Из тюркского заимствовано монг.-письм. žaŋgi 'новость' (KW 470, [Porre 1960, 72], VEWT 185).

Монг.: ср.-монг. šini (XI 97), монг.-письм. sine, калм. šinə (KW 358), дунс. šini, бао. šinə, даг. šinḱəŋ, юй. šəpə, монгор. šeni (DM 375). Предположение Г. Рамстедта (KW 358) о том, что монг. sine заимствовано из китайского, довольно сомнительно по общим соображениям; скорее (ввиду надежной фиксации слова в ср.-монг. и монг.-письм. и явном его общемонгольском характере) налицо случайное совпадение.

Кор.: ср.-кор. sái (KC 295) 'новый'. Корейское sái регулярно восходит к *saiŋi с утратой срединного -ŋ¹¹³.

Сближение данных тюркской, монгольской и корейской форм, насколько нам известно, ранее не предлагалось (но см. ЭСЧЯ 211). Оно представляется вполне вероятным, если принять соответствие "тюрк. *j- : монг. , ТМ, кор. s-" (< алт. *z), о котором см. примеч. 25.

На основании предложенной выше этимологической информации мы можем теперь перейти к самой процедуре лексикостатистического анализа. Парное сравнение пратюркских, пратунгусо-маньчжурских и среднекорейских лексем дает следующие результаты:

а) пратюркский и прамонгольский имеют 20 совпадающих слов в пределах стандартного 100-словного списка: "весь" (*Kop : *qou < *kop' u); "вода" (*sub : *u-sun < *su-sun < *suwA); "длинный" (*ur' : *ur-tu < *ur'A); "дым" (*tüt-ün : *uta-γan < *tuta-γan; < *t' ut' V); "звезда" (*juł-du-ř < *p' iul-du- : *hol-dun < *p' iulV); "камень" (*dāl : *čila-γun < *tiōla); 'кора' (*kāru-k : *qau-da- < *k()āp' i); "круглый" (*tä(ŋ)gir-/*da(ŋ)kir : *tögürig < *t' öŋkV); "кто" (*ki-m ~ *ke-m : *ke-n < *k' e-); "лист" (japur-gak : *lab-či-n < *liap' V); "семья" (*uru-k : *hüre < *p' ür/a/); "сухой" (*kūr- : *qaur- < *kawVrV); "теплый" (*jili-g : *dula-γan < *dūli-); "мужчина" (*ār : *ere < *āre); "черный" (*kara : *qara < *k()ara); "что" (*nä : *ja-γun < *ŋia-); "новый" (*jaŋi : *sine < *za(i)ŋi); "я" (*bä- : *bi < *bä-); "мы" (*bi-ř : *bi-da < *b/ü-); "яйцо" (*jumurtka < *umurtka : *ömdege-n < *omu(r)-tkV)¹¹⁴.

¹¹³ Альтернативное сравнение ср.-кор. sái с др.-яп. sara(ni) 'снова, еще раз, кроме того' [Martin 1966, 237] также не исключено, но менее вероятно.

¹¹⁴ Дж. Клосон [Клосон 1969]) оценивает тюркско-монгольские совпадения следующим образом.

Совпадения личных местоимений (др.-тюрк. *ben* - монг. *bi*, др.-тюрк. *biz* - монг. *bida*, *ba*) он считает "непоказательным" на том основании, что "имеются фонетические сходства между личными местоимениями в языках, которые совершенно не связаны друг с другом, например, между англ. *mine*, нем. *mein* и формой род. падежа в тюркских *meniñ* и монгольских *minö*". Он забывает при этом, что отсутствие родства между индоевропейскими языками, с одной стороны, и тюркскими и монгольскими языками, с другой стороны, необходимо доказать. Игнорируется, таким образом, базисный принцип сравнительно-исторического языкознания: любая этимология может быть отвергнута только в том случае, если мы можем показать, что соответствия между сопоставляемыми словами нерегулярны (или если у нас есть веские аргументы в пользу того, что один из сравниваемых языков заимствовал данное слово из другого, или оба заимствовали его из некоторого третьего языка). Следовательно, отвергнуть какое-либо сходение мы можем только после того, как установлена система регулярных соответствий (или же после доказательства того, что между двумя рассматриваемыми языками такую систему установить невозможно). Если же нам известна система соответствий между тюркскими и монгольскими языками, то отвергать совпадение местоимений *ben* - *bi* и *bi-z* - *bi-da* - значит поступать приблизительно так же, как если бы мы отвергали связь русск. *ты* и нем. *du* 'ты' на том основании, что сходные местоимения имеются также в латинском (*tu*) и древнеиндийском (*tvām*) языках.

Ряд очевидных тюрко-монгольских сходений Дж. Клосон объясняет заимствованиями в монг. из тюркского (а именно: *žil* 'год', *čila-γun* 'камень', *tögöriγ* 'круглый'). Это возможно (хотя и маловероятно, см. выше) в случае с *žil*, но, по-видимому, совершенно исключено в двух других случаях (ввиду абсолютно различного морфологического оформления основ в тюркском и в монгольском).

Наконец, большинство реально имеющих сходений Дж. Клосон просто не замечает. Это объяснимо в тех случаях, когда схождения нетривиальны и соответствующие этимологии в алтаистической литературе отсутствуют или мало распространены (таковы пары **sub* - **usun* 'вода', **tüt-ün* - **uta-γan* 'дым', **jul-du-ř* - **ho-dun* 'звезда', **uru-k* - **hüre* 'семья', **jañi* 'новый', **(j)umurtka* - **ömdege-n* 'яйцо'; этимологическое обоснование тождества этих пар см. выше). Однако совершенно непонятно игнорирование традиционных этимологий "длинный" (др.-тюрк. *uzun* : монг. *ur-tu*), "кто" (др.-тюрк. *kim* : монг. *ken*), "лист" (др.-тюрк. *jaruγ-γak* : монг. *nab-čün*), "что" (др.-тюрк. *ne* : монг. *ja-*), "червь" (др.-тюрк. *qurt* : монг. *qoro-qaj*), "соль" (др.-тюрк. *tiz* : монг. *dabusun*). Мы упоминаем здесь только этимологии внутри 100- (или 110-) словного списка, который разбирается в настоящей работе. Дж. Клосон имел дело с 200-словным списком, и мы сейчас не будем касаться качества разбора в его работе остальных 90 слов (заметим лишь, что

По списку С. Е. Яхонтова (из которого исключены 10 слов: "весь, течь, ноготь, кора, кусать, лежать, мы, перо, семя, теплый", и добавлены "близкий, ветер, год, далеко, змея, короткий, соль, тонкий, тяжелый, червь") для пратюркского и прамонгольского мы получаем также 20 совпадающих единиц; отбрасываются: "весь, кора, мы, семя, теплый"; добавляются: "ветер" (тюрк. *jel : монг. *sal-kin < *zelV); "год" (*jil : *žil < *dila); "соль" (*dūr : *dabur-sun < *čawVrV); "тонкий" (*jub-ka : *nim-gen < *n[e]b-kV); "червь" (*kūr-t : *qora-qai < *k'ūrA).

С. Е. Яхонтов (в письменном сообщении) предложил процедуру лексикостатистической оценки степени родства сравниваемых языков. Для этого он разбил 100-словный список на два: 35-словный и 65-словный, причем к 35-словному отнесены наиболее устойчивые слова. 35-словный список С. Е. Яхонтова выглядит следующим образом: "ветер, вода, вошь, глаз, год, дать, два, знать, зуб, имя, камень, кость, кровь, кто, луна, новый, нос, огонь, один, полный, рог, рука, рыба, собака, солнце, соль, ты, умереть, ухо, хвост, что, этот, я, язык, яйцо". Если два языка действительно родственны, то процент совпадений в пределах списка 35 слов должен быть выше, чем процент совпадений в пределах остальной части 100-слового списка. Если же процент совпадений одинаков (или процент совпадений в пределах 65-слового списка больше, чем процент совпадений в пределах 35 слов) - то сходство между языками случайное (т. е. налицо либо случайные совпадения, либо результат активных контактов и заимствований). Эта процедура хорошо работает во многих известных нам случаях; в частности, она позволяет констатировать, что между китайским и тайскими языками исконное родство отсутствует, несмотря на довольно большое количество совпадений в пределах 100-слового списка.

Если приложить эту процедуру к тюркско-монгольским сходениям, то мы получим 28, 6% совпадений в 35-словном списке (10 слов "ветер, вода, год, камень, кто, новый, соль, что, я, яйцо") и 15, 4% совпадений в 65-словном списке (остальные 10 слов), что вполне удовлетворяет требованиям исконного родства.

б) пратюркский и пратунгусо-маньчжурский имеют 18 совпадающих слов в пределах стандартного 100-слового списка: "весь"

общий уровень анализа в пределах этих 90 слов такой же).

Неудивительно, поэтому, что годными для лексикостатистических целей Дж. Клосон признал только пары др.-тюрк. er : монг. ere 'мужчина', др.-тюрк. qara - монг. qara 'черный' и др.-тюрк. sari : монг. šira 'желтый'.

(*кор : *куру- < *кор'u), "волос" (*kil : *xiiŋ-ŋa < *k'ılV), "есть" (*jē- : *žē- < *žē-), "жечь" (*jak- : *deg-žē- < dakV), "камень" (*dāl : *žola < *tiōla); "круглый" (*tä(ŋ)ir : *toŋol < *t'öŋkV), "перо" (*jüg : *dek-te < *d/i/gu); "печень" (*bagir : *pākin < *pāk'í-); "полный" (*döl : *žalu < *čölu-); "рука" (*äl : *ŋāla < *ŋālā); "собака" (*it : *ŋinda < *ŋinta), "спать" (*u- : *ŋuja < ŋüja); "ты" (*sä : *si < *sä); "хвост" (*kuduruk : *xürgü < *k'udu-rgi); "шея" (тюрк. *boj(i)n : *moŋan < *mōj(u)ŋa); "я" (*bä : *bi < *bä); "мы" (*bi-ŋ : *bu(e) < *bü-); "яйцо" (*jumurtka : *umūkta < *omu(r)tkV)¹¹⁵.

¹¹⁵ В тюркском и тунгусо-маньчжурском, за исключением совпадения личных местоимений и, возможно, слова "есть" (тюрк. je- : маньчж. žē-; но вероятность родства этих корней Дж. Клосон почему-то считает "весьма незначительной"), Дж. Клосон не обнаружил вообще никаких совпадений (см. [Клосон 1969, 38])! Этот поразительный факт объясняется отчасти тем, что Дж. Клосон пользовался только маньчжурским списком, а в этом языке сохранились, естественно, не все исконные тунгусо-маньчжурские корни. Но прежде всего неудача Дж. Клосона в изыскании тунгусо-маньчжурских параллелей объясняется, конечно, тем обстоятельством, о котором мы говорили выше (с. 24): полным игнорированием как сравнительной тунгусо-маньчжурской, так и сравнительной алтайской фонетики.

Реально древнетюркский и маньчжурский языки имеют следующие совпадения в 100-словном списке:

1) "есть" (др.-тюрк. je- : маньчж. žē-) (см. выше, с. 33-34; Дж. Клосон без всяких на то оснований объявляет здесь сходство "почти наверняка случайным");

2) "жечь" (др.-тюрк. jak- : маньчж. dejži- < *degži- (см. выше, с. 34). Здесь вместо обычного маньчж. dejži- в списке Дж. Клосона фигурирует неясное tufada-. В имеющихся у нас источниках мы такого слова не обнаружили (возможно, имеется в виду какая-то производная форма от манчж. tuwa, совр. tuaa "огонь"; ср. еще совр. манчж. tiavə- (DSM 22) "зажигать"). Здесь таким образом, соответствие не обнаружено из-за неточности, допущенной при составлении списка;

3) "перо" (др.-тюрк. jüg : маньчж. detxe < *dek-te) (см. выше, с. 42). Здесь вместо обычного маньчж. detxe "перо (вообще)" Дж. Клосон вставил в список манчж. fuŋgaха-п "перо (мелкое), пух". Таким образом, и здесь соответствие не обнаружено из-за неточности списка;

4) "печень" (др.-тюрк. baŋir : маньчж. faxun < *pākin (см. выше, с. 43). Дж. Клосон проходит мимо этого сближения без всяких комментариев;

5) "полный" (др.-тюрк. tolu : маньчж. žalu) (см. выше, с. 43). Это сближение ранее не предлагалось, и обосновывается только в настоящей работе; Дж. Клосон его не замечает;

6) "рука" (др.-тюрк. elig : маньчж. gala < *ŋāla /не gaia, как у Клосона!)

По списку С. Е. Яхонтова получаем 16 совпадающих единиц (отбрасываются: "весь, жечь, мы, перо", добавляются: "близкий" (*jag-uk : *daga < *daka), "тонкий" (*jub-ka : *nem-kün < *n[e]b-kV).

В результате процедуры разбиения списка получаем 22,9% совпадений в пределах 35-словного списка (8 слов: "камень, полный, рука, собака, ты, хвост, я, яйцо") и 12, 3% совпадений в 65-словном списке (остальные слова).

с) пратюркский и среднекорейский имеют 17 совпадений в пределах стандартного списка: "белый" (*sāri-g : hǎi- < *siāri-); "весь" (*büt-ün : mòtǎn), "голова" (*bal(č) : mǎri < *malV); "дождь" (*jag- : pí <

(см. выше, с. 45). Тот же случай, что и предыдущий;

7) "собака" (др.-тюрк. it : маньчж. inda-xun < *ɲinda) (см. выше, с. 46-47). И это совпадение (отмечавшееся в литературе) Дж. Клосон игнорирует;

8) "ты" (др.-тюрк. se-n : маньчж. si) (см. выше, с. 50). Совпадения личных местоимений Дж. Клосон считает "непоказательными" (см. об этом выше) и игнорирует;

9) "хвост" (др.-тюрк. kuḍruk : маньчж. unče-xen < *xürgü) (см. выше, с. 50-51). Дж.Клосон не обращает внимания на это сближение из-за внешней несхожести слов; однако достаточно проследить историю маньчжурского слова (зная, что ТМ *x- > маньчж. 0-, ТМ *-rg- > маньчж.- nč- ~ -nž-, и зная родственные слова : эвенк. irgi, нан. xijgu etc.), чтобы убедиться в надежности данного сопоставления (имеющегося в литературе по данному вопросу);

10) "я" (тюрк. ben : маньчж. bi) (см. выше, с. 54). Это сближение отвергается Дж. Клосоном на том же сомнительном основании, что и N° 8 ("ты");

11) "мы" (др.-тюрк. bi-z : маньчж. be) (см. выше, с. 54-55). Тот же случай, что и предыдущий;

12) "яйцо" (др.-тюрк. jumurtu : маньчж. umxa-n < *umüka) (см. выше, с. 55). На это сближение (имеющееся в литературе) Дж. Клосон внимания не обращает.

(Заметим, что если мы приложим к этому списку процедуру С. Е. Яхонтова, мы получим соотношение 7 слов /т.е. 20%/ (полный, рука, собака, ты, хвост, я, яйцо) из 35-словного списка к 2 словам /т.е. 3,08%/ (есть, печень) из 65-словного списка - при наличии регулярных соответствий, явно указывающее на генетическое родство и хорошо согласующееся с цифрами - соответственно 22,9% и 12, 3% - для пратюркско-пратунгусо-маньчжурских словарных сближений).

Аналогичный критический разбор можно провести и для дополнительных 100 слов (из 200-словного списка, приводимого Дж. Клосоном), но, по-видимому, сказанного выше достаточно для того, чтобы считать его выводы недействительными.

*p'iaġi), "есть" (*je- : čā- < *žē-); "жечь" (*jak- : t'ā- < *dakV); "звезда" (*julduf : pjārġ < *p'iuīV); "камень" (*dāl : tōrh < *tiōla); "кора" (*kāru-k : kār'ir < *k'āp'ī); "круглый" (*tā(η)gir : toŋkor- < *t'ōŋkV); "лист" (*japur-gak : nīph < *liap'V); "ухо" (*kul-gak : kúí < *kújlu); "хвост" (*kuduruk : s-kōrī < *k'udu-rġi); "шея" (*boj(i)n : mjə-k < *mōj(u)ŋa); "этот" (*k/ō/ : k < *k'ü); (?) "мы" (тюрк. *bi-í : úrī < *bū-fV); "новый" (тюрк. *jaŋi : sái < *za(i)ŋi).

По списку С. Е. Яхонтова получаем 13 совпадений (после отбрасывания слов "весь, жечь, кора, мы"). Из них 5 слов относятся к 35-словному списку ("камень, новый, ухо, хвост, этот") (14, 2%), а 8 остальных - к 65-словному списку (12, 3%), т. е. опять-таки процент совпадений в 35-словном списке превышает процент совпадений в 65-словном (хотя и не так значительно, как в предыдущих случаях).

d) прамонгольский и пратунгусо-маньчжурский имеют 23 совпадения в пределах стандартного списка: "весь" (*qou : *kuru- < *kor'u); "глаз" (*ni-dün : *niā-sa < *niā), "грудь" (*kōkü-n : *kuku-n < *kok'ü-); "два" (*žiw-rin : *žuwe(r) < *diüwV); "дерево" (*mo-dun < *mor-dun : *mō < *mōr/u/); "зола" (*hüne-su-n : *pul'ne- < *pül'ne), "камень" (*čila-yun : *žola < *tiōla); "кора" (*kōrū-sün : *xura-hta < *k'or/e/); "корень" (*ündü-sün : *ŋün(k)te < *ŋünġte); "красный" (*hula-yun : *pula- < *p'üla-); "круглый" (*tögürig : *toŋol- < *t'ōŋkV); "маленький" (*üčü-gen : *ŋüčī- < *ŋüč'ī); "нос" (*qaŋ-bar : *xoŋa < *k'/u/aŋa); "не" (*e- : *e- < *e-); "рот" (*aman : *am-ŋa < *am/a/-); "тот" (*te- : *ta- < *t'a), "холодный" (*küyü : *xi-ŋü- < *k'uŋi-); "этот" (*e- : *e- < *e-); "я" (*bi : *bi < *bā-); "мы" (*bi-da : *bu(e) < *b/ü/-); "язык" (*kele-n : *xil-ŋü < *k'äliä); "яйцо" (*ömdegen : *umūhta < *omu(r)-tkV); "волос" (*hü-sün : *pu'ne- < *p'üŋV).

По списку С. Е. Яхонтова получаем 21 совпадение (отбрасываются "весь, кора, мы"; добавляются: "змея" (*mogai : *mūkü < *mūk'V), "тонкий" (*nim-gen : *nem-kün < *n/e/bkV). Из них 8 слов ("глаз, два, камень, нос, этот, я, язык, яйцо") относятся к 35-словному списку (22,9%); остальные 14 слов составляют 21% 65-словного списка. И здесь, таким образом, процентные соотношения сохранившихся слов в более устойчивом и менее устойчивом пластах свидетельствуют в пользу генетического родства¹¹⁶.

¹¹⁶ Тот факт, что разрыв между процентами здесь не очень велик (22,9% : 21%), может говорить о том, что некоторые из сходжений в пределах 65-словного списка на самом деле являются старыми заимствованиями (это не исключено для слов "корень" и "маленький", представляющих собой эксклюзивные тунгусо-маньчжурские изоглоссы, а также для корня "красный" -

е) прамонгольский и среднекорейский имеют 16 совпадений в стандартном стословном списке: "глаз" (*ni-dün : nú-n < *níā); "два" (žiw-rin : türh < *diüwV); "звезда" (*ho-dun < *hol-dun : pjərh < *p' iüíV); "имя" (*nere : *nirhu-m < *närV); "камень" (čila-yun : tōr(h) < *tiōla); "кора" (*qauda : kàp'ír < *k(')āp'í); "кость" (*ja-sun < *hian-sun : s-pjə <

поскольку некоторые другие названия цветов в современных ТМ языках явно заимствованы из монгольского). Однако сейчас это определить трудно, и сам факт наличия старых заимствований в данном случае никак не влияет на общую оценку генетической ситуации в пределах алтайской семьи. Для остальных перечисленных тунгусо-монгольских схождения заимствование, по-видимому, абсолютно исключено.

Дж. Клосон анализирует монгольско-маньчжурские схождения приблизительно таким же образом, как и тюрко-монгольские (см. выше). Совпадение личных местоимений он, естественно, считает "непоказательным". Маньчжурское moo 'дерево' Дж. Клосон почему-то считает китаизмом (критику этой точки зрения см. выше, с. 32). Монголизмом он справедливо считает маньчж. dabsun 'соль' (< монг. dabusun), но совершенно необоснованно umxa-n 'яйцо' (< ТМ *umūkta, см. выше). Маньчжурское местоимение tere 'тот' он объявляет "монголизированной формой общетунгусского местоимения taга, разлагаемого на ta и суффикс -га"; при этом он, по-видимому, считает, что сопоставление общетунгусского ta- с монгольским tere (которое, кстати, само разлагается на корень te- и суффикс -re) - это полная бессмыслица (весь этот пассаж вызывает только удивление). Замечательно, однако, то, что из тех пяти слов, тождество которых с соответствующими монгольскими Дж. Клосон признает (но которых, по его мнению, "совершенно недостаточно для обоснования теории о генетических связях двух групп языков - монгольских и тунгусо-маньчжурских"), по крайней мере четыре являются несомненными монголизмами в маньчжурском: маньчж. xefeli 'живот' < монг. kebeli (при обще-ТМ *xemu-gde 'живот', см. ТМС 2, 451), sain 'хороший' < монг. sajin (при обще-ТМ *aja, см. ТМС 1, 18), χalχun 'горячий' < монг. χalaxun (при обще-ТМ *peku, см. ТМС 2, 362), jabu- 'ходить' < монг. jabu- (при обще-ТМ *ɲenV, см. ТМС 1, 669; рефлекс *ɲenV - gene- - имеется также и в маньчжурском).

Зато большинство реально общих для монгольского и маньчжурского языков лексем осталось за пределами наблюдений Дж. Клосона. Так, он не отмечает сходства слов "глаз" (монг. ni-dün : маньчж. ja-sa < *níā-sa), "два" (монг. žirín : маньчж. žuwe; в монгольском списке Клосона фигурирует более новая форма qojar); "зола" (монг. hüne-sün : маньчж. fulenǵi < *pulné-), "рот" (монг. ama-n : маньчж. aŋga < *am-ŋa), "этот" (монг. e-ne : маньчж. e-re), "язык" (монг. kelen : маньчж. ilenǵu < *xil-ŋü) etc.

Совершенно очевидно, что таким образом заниматься лексикостатистикой нельзя.

*p'eriV); "красный" (*hula-γan : p̄r-k- < *p(̄)üla-); "круглый" (*tögürig : toŋkor- < *t'öŋkV); "лист" (*labč̄in : níp(h) < *liap'V); "нос" (*qaŋ-bar : kó(h) < k'/u/aŋa); "рог" (*eber : s-p̄r < *ep'VrV); "тот" (*te- : t̄jə < *t'a); (?) "мы" (*bi-da : u/-ri/ < *bü-); "язык" (*kele-n : hjə < k'äliä); "новый" (*sine : sái < *za(i)ŋi).

В списке С. Е. Яхонтова имеем 14 совпадений (после отбрасывания слов "кора", "мы"). Из них 9 слов (25, 7%) оказываются в 35-словном списке ("глаз, рог, новый, нос, камень, язык, два, имя, кость") и только 5 слов (7, 7%) - в 65-словном списке.

f) наконец, пратунгусо-маньчжурский и среднекорейский имеют в стандартном стословном списке 21 совпадение: "вода" (*mū : m̄r < *mūri); "глаз" (*ñiā-sa : nú-n < *ñiā); "грудь (женская)" (*ča(i)ža-n) : *čjəč < *č'ajVžV); "два" (*žuwe(r) : tūr(h) < *diüwV); "есть" (*že-(p) : *čā- < *žē-); "жечь" (*deg-že- : t'ā- < *dakV); "камень" (*žola : tōr(h) < *tiōla); "красный" (*pula- : p̄r-k- < *p(̄)üla-); "круглый" (*toŋol : toŋkor- < *t'öŋkV); "нога" (*palga-n : p̄r < *palkV); "нос" (*xoŋa : kó(h) < *k'uŋa); "пить" (*umi- : m̄a- < *ümi-); "сердце" (*miāŋam : māŋam < *miāŋV-m); "слышать" (*döldi- : *t̄d- < *d/ö/ldi-); "солнце" (*sigu-n : h̄ai < *sägV); "тот" (*ta : t̄jə < *t'a); "хвост" (*xürgü : s-kòri < *k'udu-r̄gi); "шея" (*moŋa-n : m̄jə-k < *mōj(u)ŋa); "язык" (*xil-ŋü : hjə < *k'äliä); (?) "мы" (*bu(e) : u/-ri/ < *bü-); "кто" (*ŋü : nú- < *ŋia-u).

По списку С. Е. Яхонтова получаем 19 совпадений (убрав слова "жечь" и "мы"). Из них 9 относятся к 35-словному списку ("глаз, камень, хвост, язык, два, вода, кто, солнце") и составляют в нем 25, 7%; остальные слова составляют 15, 4% 65-словного списка.

Полученные результаты можно представить в виде следующей таблицы (цифры обозначают число совпадений в 100-словном списке М. Сводеша; в скобках указано количество совпадений по 100-словному списку С. Е. Яхонтова):

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.
тюрк.	-	20(20)	18(16)	17(13)
монг.		-	22(21)	16(14)
ТМ			-	21(19)

По этой таблице видно, что тюркский, монгольский и ТМ примерно равно удалены друг от друга; корейский, по-видимому, отделился несколько раньше, поскольку при сравнении корейского с тюркским и монгольским проценты совпадений довольно равномерно понижаются. Сравнительно большое число совпадений между ТМ и корейским, возможно, объясняется вторичными контактами

(уже после распада праалтайского)¹¹⁷. Но во всяком случае проведенный лексикостатистический анализ, по нашему мнению, не оставляет никаких сомнений в реальности генетического единства алтайских языков (хотя временная глубина алтайской семьи оказывается довольно значительной); приведенные цифры позволяют датировать ее распад временем около 6 тысячелетия до н. э.).

Л. Лигети (отвечая на статью Дж. Клосопа 1969 г.) писал: "Алтайская языковая общность не доказана, как это сделано, например, в отношении языков индоевропейских или финноугорских. Это может иметь две причины. Либо, действительно, так называемые алтайские языки не восходят к общему праязыку, и, следовательно, они не являются родственными. Либо, напротив, на деле они родственные языки, но их обличье, известное теперь (или же обличье более древнее), явилось результатом эволюции столь специальной и неравномерной, что их родство не может быть доказано сообразно известным моделям (индоевропейским, финно-угорским и т. д.), и ничто не указывает нам с достоверностью на путь, ведущий к праязыковой общности" [Лигети 1971, с. 31].

Нам представляется, что вся специфика алтайских языков и "алтайской проблемы" заключается в том, что алтайская семья несколько древнее большинства других языковых семей Евразии (в частности, древнее индоевропейской и финно-угорской), а потому современные (и старописьменные) алтайские языки, естественно, сохранили меньше общих элементов, а сохранившиеся общие элементы в них подверглись большим трансформациям, чем это имело место в истории многих других языковых семей (в существовании которых никто не сомневается). С другой стороны, алтайские языки уже после распада продолжали контактировать между собой и изобилуют сравнительно поздними взаимными заимствованиями. Однако тщательная процедура сравнительно-исторического анализа, как нам кажется, позволяет отделить заимствованные элементы от исконных и на основании последних воссоздать в основных чертах всю сложную и запутанную историю развития алтайской языковой семьи.

¹¹⁷ Наблюдаемая ситуация может в принципе объясняться и иначе, если думать о вторичных контактах (видимо, действительно имевших место) между ТМ и прамонгольским. Тогда можно считать завышенным число совпадений между ТМ и монгольским (22), и предполагать некую общность ТМ и корейского. Однако ввиду некоторых дополнительных данных (см. главу 3 настоящей работы) это представляется менее вероятным.

Глава III.**Проблема генетической принадлежности японского языка**

В настоящей работе мы используем реконструкцию праяпонской фонологической системы, предложенную нами в статье [Старостин, 1975], но с некоторыми модификациями:

а) Вместо аффрикаты *с/щ мы сейчас предпочитаем все же восстанавливать ПЯ *s в качестве основного варианта (аффрикатная артикуляция в ПЯ, вероятно, допускалась, но, скорее всего, была факультативной).

б) Система из четырех гласных (i ü u a), предложенная нами в упомянутой работе, представляется интерпретированной не вполне удачно. Учитывая тот факт, что др.-яп. гласный o, интерпретированный нами [Старостин 1975, 276-278] как ö (ПЯ *u), в маньегане нормально передается при помощи ср.-кит. нелабиализованных гласных (л, ə¹¹⁸), можно думать, что при артикуляции др.-яп. o (как и при артикуляции u - как в др.-яп., так и в современном японском) лабиализация была факультативной. Представляется разумным поэтому восстанавливать для ПЯ треугольную систему гласных следующего вида:

i (> ДЯ i)	u (> ДЯ u)
	ə (> ДЯ o)
	a (> ДЯ a)

Таким образом, праяпонская фонологическая система в сопоставлении с древнеяпонской будет представляться нами так:

ПЯ	ДЯ
*p	p (*-mp- > -b-)
*m	m
*b-, -w-	w
*t	t (*-nt- > -d-)
*n, -N	n, -0
*d-, -j-	j ¹¹⁹

¹¹⁸ Из последних работ на эту тему см., в частности, [Sato 1978].

¹¹⁹ Из современных японских диалектов начальный d-, не перешедший в j-, сохраняется только в диалекте Йонагуни. Недавно Мураяма Ситиро

ПЯ	ДЯ
*-r-	-r-
*s	s (*-ns- > -z-)
*k	k (*-nk- > -g-)
*i	i (*ia > ie)
*u	u (*ua > uo, *ui > ii)
*ə	o (*əi > ii)
*a	a (*ai > e)

При подобной бедности сегментного состава ПЯ языка особую важность приобретает реконструкция ПЯ просодии: ясно, что при внешнем сопоставлении ПЯ лексики вероятность случайных совпадений выше, чем, например, при монголо-тюркском сравнении¹²⁰. Поэтому установление соответствий между японским и алтайскими языками в области просодии сразу резко увеличило бы шансы японского языка на принадлежность к алтайской семье.

Реконструированная праяпонская акцентная система включает в себя два тона: низкий (`) и высокий (´), противопоставленные как в односложных, так и в многосложных словах. Следует, по-видимому, согласиться с проф. Киндаити Харухико (см. [Киндаити 1984], там же разбор литературы) в том, что фактически праяпонскую систему отражает акцентуированный словарь XI в. 'Руйдзюмэйгисе', в котором зафиксирован столичный диалект эпохи Хэйан. Учитывая данные этого источника, акцентные соответствия (для двусложных существительных) между современными диалектами можно представить следующим образом:

[Мураяма 1981, 75-76], однако, привел веские аргументы в пользу того, что начальный d- в Йонагуни на самом деле сравнительно поздно (после XV века) развился из j- (на основании записей корейских путешественников из Чеджудо, обозначивших название этого острова в 1477 г. как [juni-sima] при совр. Dunān < *juna-guni). Не исключено поэтому, что для ПЯ нужно во всех позициях восстанавливать *j (хотя как исторические - см. ниже, - так и типологические аргументы свидетельствуют скорее в пользу реконструкции *d- в анлауте).

¹²⁰ Это обстоятельство, в частности, послужило поводом для пессимистических высказываний о возможности доказательства японо-алтайского родства со стороны видного алтаиста Дж. Стрита [Street 1981], ранее активно разрабатывавшего эту проблематику.

ПЯ = RJ	Киото	Токио	Кагосима	ПР ¹²¹ (пра-Рюкю)	Сюри Хатэрума
1. * $\acute{V}\acute{V}$, * $\acute{V}\acute{V}$ -nká: tsúmé, túmé, -gá 'ноготь' -gá		tsùme, -gatsúme, (тип 0) tsùmé-ga		*A	tšímì s̀m̀ì
2. * $\acute{V}\grave{V}$, * $\acute{V}\grave{V}$ -nká: íshì, íshì, -gá 'камень' -ga		ishí, -ga	íshì, ishí-ga	*A	ʔíši ʔíši

¹²¹ Здесь мы используем результаты работы [Старостина 1975], где была произведена реконструкция двух прарюкюских акцентных типов на основании сравнения диалектов Насэ, Сюри, Икэма, Исигаки, Накасудзи и Хатэрума (по материалам работ [Хираяма 1960, 1964, 1966]).

Для ПР в упомянутой работе, кроме акцентных, восстанавливаются еще и долготные различия, отраженные в диалектах Сюри, Икэма, отчасти также Исигаки и Накасудзи, по следующим соответствиям:

ПЯ	ПР	Сюри	Икэма	Исигаки	Накасудзи	Хатэрума
*nátù 'лето'	*nàtsì	nátšì	nàtsì	nàtsì	nàtsì	nàtsì
но						
*étè 'звук'	*ʔútù	ʔútù	ʔútù	ʔútù	ʔútù	ʔútù
*sìrú 'сок'	*sìrú	šìrú	sí	sùrù	sírù	ssú
но						
*ìkì 'дыхание'	*ʔíkì	ʔítšì	ʔitsì	ʔikì	ʔikì	ʔíši

Собственно долгота сохраняется только в диал. Сюри в акцентном типе В; в акцентном типе А она восстанавливается лишь по косвенным данным (в частности, по понижению тона на первом слоге в диал. Икэма), а в Сюри уже сокращена. Спорадически удлинение гласных встречается и в других диалектах, но всюду, кроме Сюри, это довольно редкое и пока исторически необъясненное явление.

Рюкюская долгота восстанавливается только на гласных первого слога двусложных существительных (в прилагательных и глаголах она отсутствует) и какие бы то ни было соответствия ей в древнеяпонском и в современных диалектах за пределами Рюкю отсутствуют. Поэтому перенос оппозиции долгих/коротких гласных в праяпонское языковое состояние пока представляется преждевременным. Подобную попытку предпринял Хаттори Сиро [Хаттори 1978-1979]; вполне справедливую критику данной работы см. в [Киндайти 1984].

В работе [Старостина 1975] предпринята также попытка реконструкции праяпонской акцентной системы, в целом довольно хорошо соотносящаяся с данными RJ. Однако, учитывая данные последнего источника, следует поменять местами реконструкцию ПЯ акцентных контуров в типах 3 и 4 (вместо * $\acute{V}\acute{V}$ - * $\acute{V}\grave{V}$, а вместо * $\acute{V}\grave{V}$ - * $\acute{V}\acute{V}$ соответственно).

3. * $\hat{V}\hat{V}$,-nka':	ínù,	ínú, -ga	ìnú,	*B	íín	ìínú
ínù, -ga 'собака'	-gà		ìnù-ga			
4. * $\hat{V}\hat{V}$,-nká:	kàtá,	káta, -ga	kàtá,	*B	kátá	kàtá
kàtá, -gá 'плечо'	kàtá-ga		kàtá-ga			
5. * $\hat{V}\hat{V}$,-nká:	jòrù,	jóru, -ga	jòrù,	*B	júru	jùrù
jòrù, -gá 'ночь'	jòrù-ga		jòrù-ga			

/После запятых в таблице приводится акцентуация форм номинатива на -ga./

Праяпонская древность типа 5 (* $\hat{V}\hat{V}$) вызывает некоторые сомнения, поскольку этот тип как в RJ, так и во всех современных диалектах, кроме современных диалектов киотоского типа, не отличается от типа 4 (* $\hat{V}\hat{V}$); возможно, налицо сравнительно поздняя киотоская инновация¹²².

Из приведенной таблицы видно, что наибольшую близость к праяпонской системе сохранил диалект Киото¹²³. Диалекты Кагосима

¹²² Обсуждение этой проблемы см. [Ramsey 1977, 10]. Е. Д. Поливанов предполагал, что акцентный тип 5 возник в результате отпадения древнего конечного носового согласного; реальные данные внешнего сравнения, однако, не подтверждают этот вывод. Поэтому проблема точной реконструкции ПЯ акцентного типа 5 пока все еще остается открытой.

¹²³ За исключением перехода * $\hat{V}\hat{V}$ > * $\hat{V}\hat{V}$ (*ínù > *ínú), приведшего к совпадению типов 2 и 3, модификация конца фонетического слова и, возможно, инновативного появления типа 5, Киотоская система точно совпадает с системой Руйдзюмэйгисе.

Поэтому вряд ли можно согласиться с парадоксальными выводами [Ramsey 1977, 11-12], который считает токийскую систему более архаичной, а киотоскую систему - результатом передвижения места падения тона на один слог влево. Соответственно для системы RJ Рэмси предполагает, что вместо низкого (˘) тона нужно предполагать наличие высокого, а вместо высокого (ˆ) низкого. Получается следующая картина:

	Киото	Токио
1. tùmè = tume	tsúmé	tsùmé
2. ìsí = isí	íshì = íshi	ìshí = ishí
3. ínù = ínú	ínù = ínu	ìnú = inú
4. kátá = káta	kàtá = káta	kátá = káta

(после знака = в этой таблице мы записываем "фонологизованное" представление слов с обозначенным местом ударения, т. е. местом фонологического падения тона).

и Рюкю упростили исходную систему таким образом, что релевантной стала лишь акцентуация 1-го слога, сократив, таким образом, число акцентных типов с 5 (или 4) до двух. Токийская система однозначно выводится из праяпонской при помощи простого правила о постановке ударения на последнем из слогов платформы низкого тона; при отсутствии низкого тона в фонетическом слове ударение в токийском отсутствует (безударный тип О, маркируемый нами знаком ` на первом слоге). Фонетически это изменение можно описать как обязательное передвижение высокого тона на предыдущую мору, если она имеет низкий тон, с последующим обязательным понижением тона в анлаутном слоге платформы высокого тона (тип 1: *V́V́-gá > V̀V́-gá; тип 2: *V̀V̀-ǵá > *V́V́-gà > *V̀V́-gà; тип 3: *V̀V̀-ǵá > V̀V́-gà; тип 4, 5: *V̀V́-ǵá > V̀V́-gà).

Приведем здесь также акцентные соответствия для других групп слов:

Однако не говоря уже о сомнительности фонологической трактовки киотоской просодии как включающей в себя тип с "предударением", противопоставленный "ударному" и "безударному", трудно согласиться с предложенной Рэмси интерпретацией среднеяпонской тональной нотации.

Цутому Раи [Цутому 1976] приводит данные японских гимнов се:ме:, содержащих указание на абсолютную высоту китайских тонов (по пентатонной музыкальной шкале) в том виде, в каком они читались в Японии в IX веке. Если присвоить китайским нотам цифровые обозначения (宮1, 商2, 角3, 徵4, 羽5), мы получим следующую нотацию для тонов по стандартной цифровой шкале:

陰平	4-3	陽平	1
陰上	3	陽上, 去	1-4

Из этой схемы видно, что оппозицию 平 - 上 в среднеяпонском можно представить либо как оппозицию "падающий (4-3)" - "высокий ровный" (3) (если взяты тоны серии 陰), либо как оппозицию "низкий ровный (1)" - "(высокий) восходящий (1-4)" (если взяты тоны серии 陽); возможны также интерпретации "падающий" - "восходящий" или "низкий ровный" - "высокий ровный" (если тоны взяты из перекрестных серий). При всем многообразии возможных трактовок среднеяпонских тонов 平 и 上 невозможна, по-видимому, только их интерпретация как "высокий (平)" - "низкий (上)", предлагаемая Рэмси. Наиболее вероятной представляется все же трактовка обозначения 平 (в RJ - одна точка снизу слева от слога) как низкого, а 上 (в RJ - одна точка сверху слева от слога) - как высокого тона.

Односложные существительные

ПЯ	RJ	Киото	Токио	Кагосима	ПР	Сюри	Хатэрума
*V̇, *V̇-nká	kó, -gá 'ребенок'	kó, -gá	kò, -ga	kó, kó-gà (тип 0)	*A	kî	kî 'шерсть'
*V̇, *V̇-nká	tà, -gá 'поле'	tã, tã-ga	tá, -ga	tà, tã-gá	*B	tã	tã

Имеется еще весьма малочисленный тип соответствий, где в Киото представлены слова акцентного типа *nâ, nâ-ga* 'имя'. Как в RJ, так и в прочих диалектах они ведут себя, как правило, так же, как и слова типа I (*V̇), и, видимо, являются киотоской инновацией (аналогично двусложным словам типа 5, см. выше).

Трехсложные существительные

ПЯ	RJ	Киото	Токио	Кагосима	ПР	Сюри	Хатэрума
*V̇V̇V̇, -nka	kébúri 'дым'	kémúri, -ga	kémuri, -gá	kémúri, -ga (тип 0)	*A	kibúši	kîpùsi
*V̇V̇V̇, -nká	námídá, -gá 'слеза'	námídà, -ga	námida, -ga ¹²⁴	námídá, námídà-ga	*B	náda	nànda
*V̇V̇V̇, -nká	sùzùmé, -gá 'воробей'	sùzùmé, -ga (тип 0)	sùzume, -ga	sùzùmé, sùzùmè-ga	*B	ʔúsádži 'заяц'	ʔusàgi
*V̇V̇V̇, -nka	kàtànà, -ga 'нож'	kátànà, -ga	kataná, -ga	kàtàná, kàtànà-ga	*B	kágáŋ 'зеркало'	kàtàná
*V̇V̇V̇, -nká	kàbútò, -gá 'шлем'	kàbútò, -gà	kábuto, -ga	kàbútó, kàbútò-ga	*B	gúdžíra 'кит'	gùdzira

¹²⁴ В токийском ожидалась бы (по правилу, сформулированному на с. 62) акцентуация типа **namída*. В этом типе реально встречается (на правах архаизмов) очень небольшое количество слов типа *kokóro* 'сердце' (ср. RJ *kò-kòró*, Киото *kókòrò*, Кагосима *kòkòrò*), однако в большинстве случаев произошло цикличное применение того же правила переноса ударения (**námídá* > **námídà* > **námídá*). Этот перенос был облегчен отсутствием в токийской системе слов структуры **CVCVCV* (исходная структура **CVCVCV*, очевидно, рано - в результате ассимиляции дала в токийском **CVCVCV*, отчего в типе соответствий 3 имеем не ожидаемое **sùzume*, но *sùzume*).

Возможно, что в праяпонском существовали и некоторые другие акцентные типы трехсложных имен, однако приведенные выше пять типов в основном исчерпывают весь массив имеющихся случаев (следует отметить, правда, что акцентуация трех- и более-сложных имен менее устойчива, чем акцентуация двусложных, и довольно часты случаи нерегулярных соответствий)¹²⁵.

Глаголы

ПЯ	RJ	Киото	Токио	Кагосима	ПП	Сюри	Хатэрума
*V́-	ják(ù) 'жечь'	ják(ú)	jàk(u) (тип 0)	ják(ù)	A	jàtšúŋ	jàgùŋ
*V̀-	kàk(ú) 'писать'	kák(ú)	kák(u)	kàk(ú)	B	kátšúŋ	hàkùŋ
*V́V́-	kóros(ù) 'убивать'	kóros(ú)	kòros(u) (тип 0)	kòros(ù)	A	kùrusùŋ	kùràsùŋ
*V́V̀-	fìkàr(ú) 'сверкать'	híkàr(ú) ¹²⁶	hìkàr(u) ¹²⁷	hìkàr(ú)	B	fítšájúŋ	pìkàrùŋ
*V́V̀-	àrìk(ù) 'ходить'	àrùk(ú)	arúk(u) ¹²⁸	àrùk(ú)	B	ʔàttšúŋ	ʔàrùgùŋ

Другие типы акцентных контуров в глагольных основах не встречаются.

¹²⁵ Вызывает некоторое недоумение, однако, сведение всех трехсложных слов к всего лишь двум исходным акцентным типам в [Ramsey 1977, 13-14] (из среднеяпонского приводятся только типы CVCVCV́ и CVCVCV̀, а все прочие вообще не учитываются).

¹²⁶ Причина совпадения типов *V́V́- и *V́V̀- в Киото не вполне ясна. Что касается развития *V́V́- в Киото в V̀V̀(ú), то оно объясняется, по-видимому, первоначальной факультативностью артикуляции высокого или низкого тона конечного слова глагольной словоформы (форме àrìkù в RJ регулярно соответствовало бы àrùkù в Киото; киотоское же àrùkù регулярно восходит к *àrùkù), т. е. следует для праяпонского восстанавливать в глаголе варьирование *àrìk-ú ~ *àrìk-ù.

¹²⁷ Отметим, что в токийском здесь не произошло передвижения акцента на первый слог, характерного для трехсложных имен (см. выше, примеч. 124).

¹²⁸ Здесь в токийском ожидалась бы акцентуация типа *áruku (реально почти отсутствующая в глагольных основах кроме форм типа káeru, где это - очень позднее явление); по-видимому, весьма немногочисленные глагольные основы типа *V́V́- в токийском просто смешались с более многочисленным классом основ *V́V̀-.

Прилагательные

ПЯ	RJ	Киото	Токио	Кагосима	ПР	Сюри	Хатэрума
*V́V́-	ámá(sì) 'сладкий'	ámà(i) (тип 0)	àma(i)	ámà(i)	A	ʔámá(sàŋ)	ʔámà(hàŋ)
*V̀V̀-	tàkà(sí) 'высокий'	tákà(i)	taká(i)	tàkà(i)	B	táká(sáŋ)	tàkà(hàŋ)

Другие типы соответствий акцентных контуров в адъективных основах не встречаются (прилагательные с односложными и трех- и более-сложными основами мы здесь не рассматриваем из-за их относительной немногочисленности). Отметим, однако, что в RJ засвидетельствовано несколько адъективных основ типа V́V́-, дающих в современных диалектах те же рефлексy, что и тип *V̀V̀-.

Соответствия японских фонем алтайским предлагались во многих работах, но наиболее подробному рассмотрению японо-алтайские фонетические соответствия были подвергнуты в основополагающей работе [Miller 1971]; сводка этих соответствий приведена также в [Miller-Street 1975, 147-149]. Поскольку Р. А. Миллер опирался строго на праалтайскую систему, принятую в [Porre 1960], эти соответствия сейчас нуждаются в некоторых модификациях. Мы предлагаем следующую схему развития праалтайской фонологической системы в прапонскую.

СОГЛАСНЫЕ

1. алт. *p' > ПЯ *p

Ср. алт. *p'āŋi 'пчела' (тюрк. *āŋi, см. VEWT 25-26; ЭСТЯ 1, 186-187; EDT 196-197; ср.-кор. pēŋ, pəŋi) : др.-яп. patí (RJ fátí, ПЯ *pátí) id;

алт. *p'ālV 'поле, равнина' (тюрк. *āla, *ala-n ~ ala-ŋ 'равнина, лужайка', см. VEWT 14; ЭСТЯ 1, 134-135; EDT 147; ср.-кор. phǎŋí, кор. pəl ~ phəl 'поля и луга'; ТМ *pāl- > эвен. hālinrǎ 'поляна') : ПЯ *pàrà (RJ fàrà, др.-яп. para) 'равнина';

алт. *p'ǎŋV 'сосуд' (тюрк. *aŋa-k 'чаша', см. VEWT 11, ЭСТЯ 1, 105, EDT 270¹²⁹; ср.-кор. pǎi 'лодка') : ПЯ *pùná-i (др.-яп. pune, RJ fùnǎ) 'лодка'; 'сосуд';

¹²⁹ Монг.-письм. ajaŋa 'чаша', вопреки KW 20, видимо, заимствовано из тюрк.

алт. *p'at'V 'поле' (тюрк. *ati-ǵ 'орошаемое поле', см. VEWT 31; монг.-письм. atar 'необработанное поле'; ср.-кор. pàt(h) 'поле' : ПЯ *pàtá (~ *pàtá)¹³⁰ 'поле' (суходольное));

алт. *p'eñiV 'кость' (см. выше, с. 37) : ПЯ *pènià (др.-яп. pone, RJ fònè) id;

алт. *k(')ār'ì 'кора, кожа' (см. выше, с. 37) : ПЯ *kàrà (др.-яп. kara, RJ kàfà) id.¹³¹;

алт. *t'op'u-l- 'проникать, проходить через' (тюрк. *topul-, см. VEWT 489; монг.-письм. taγul-, калм. til-, см. KW 413) : ПЯ *tèpèr- (др.-яп. torog-, RJ tòfòr-ú) id.;

алт. *agr'a- 'ячмень' (тюрк. *agra, см. VEWT 27; монг.-письм. arбай; маньчж. arfa 'овес, ячмень' < монг.?) : ПЯ *àràN 'чумиза, просо' (др.-яп. ара, RJ àrà, хат. ?àḡ) и др.

2. алт. *p > ПЯ *p

Ср. алт. *pas(u)- 'давить, сдавливать (пальцами)' (тюрк. *bas- 'давить', см. VEWT 64¹³²), ЭСТЯ 2, 74-77; ТМ *pasu- 'давить (пальцами, рукой)', см. ТМС 2, 318) : ПЯ *pàsà-m- 'сдавливать (с двух сторон)' (др.-яп. pasa-m-, RJ fàsà-m-ú);

алт. *poki- 'внутренности; почки' (тюрк. *böğür, *böğür-äk 'почки и др. внутренние органы', см. ЭСТЯ 2, 205-208, VEWT 83, EDT 328¹³³); ТМ *pugi- (с вторичным вариантом *puki-) 'внутренности; живот, желудок', см. ТМС 2, 339; ср.-кор. pìg (< *pìgìr) 'почки; мошонка', см. КС 273) : ПЯ *pú(n)kúri 'мошонка' (ср.-яп. fuguri, RJ fúgúri). Др.-яп. форма не засвидетельствована, поэтому нельзя с точностью определить, было ли в ПЯ *-nk- или *-k- (с вторичным озвончением в ср.-яп.);

алт. *paíkV 'нога' (см. выше, с. 41) : ПЯ *pà(n)kì 'нога' (др.-яп.

¹³⁰ В корне налицо акцентные колебания: ток. hatá (< *pàtá) ~ háta (< *pàtá), киот. hâtá (< *pàtá), каг. hátá (< *pàtá), указывающие на праяпонские варианты *pàtá и *pàtá (последний, возможно, под корейским влиянием).

¹³¹ Не исключено, что для ПЯ нужно восстанавливать оппозицию *kàrá 'кожа, кора' : *kàrà ~ *kàrà 'кожа (выделанная)', с последующей контаминацией. Оппозиция эта сохраняется в диалекте Киото (kàwá 'кожа, кора' : kàwá 'выделанная кожа', см. [Хираяма 1960, 146]).

¹³² Из тюркского, несомненно, заимствовано монг.-письм. basu- 'подавлять' (вопреки KW 35, [Рорре 1960, 65] и VEWT 64, где признается исконное родство тюрк. и монг. форм).

¹³³ Следует, видимо, согласиться с Дж. Клосоном (EDT 328) в том, что ср.-монг. böžere, монг.-письм. bögere 'почка' заимствование из тюркского.

raki~ragi, RJ fàgì 'голень', ПР *ràŋi 'нога');

алт. *rǎj(i) 'живот; поясница' (тюрк. *bēl 'поясница', см. VEWT 69, ЭСТЯ 2, 135-137¹³⁴); ср.-монг. heli-gen, монг.-письм. eli-gen, eli-ken 'печень; живот'; ср.-кор. rǎi 'живот') : ПЯ *rǎgà (др.-яп. raga)¹³⁵ 'живот';

алт. *karE 'равнина, долина' (монг.-письм. kegege, калм. kēr 'степь'; ТМ *kebe-r, *kebe-kte 'равнина', см. ТМС 1, 443) : ПЯ *kǎrí 'долина между горами' (др.-яп. kari, RJ kǎfí);

алт. *gūrV 'красивый' (монг.-письм. yua; ср.-кор. kōp- (kōv-)) : ПЯ *kuarə- (др.-яп. kuору- 'любить, дорожить', kuоро-si 'милый, дорогой', RJ kòfu, kòfi-si);

алт. *nǎpV 'лучше, больше' (ср.-монг. nai 'очень'; ср.-кор. nǎoi (= [nǎwi]) 'снова, опять; лучше, больше') : ПЯ *narə 'еще (больше, лучше) (др.-яп. паро, RJ nàrò) и др.

3. алт. *b > ПЯ *p ~ *b

Распределение между этими двумя типами рефлексов пока еще не вполне ясно. В анлауте перед гласным -и- обычно находим ПЯ *b; перед другими гласными и в инлауте встречаются как *b, так и *p (в анлауте чаще *b-). Ср. следующие примеры:

алт. *bui 'быть' (ср.-монг. bui, bü-; ТМ *bi-, см. ТМС 1, 79-80) : ПЯ *bí- 'сидеть; быть' (др.-яп. wi-, RJ wí-gù; в др.-яп. имеется также вариант и- < ПЯ *bi- с тем же значением);

алт. *bolV 'быть, становиться' (тюрк. *bol-, см. VEWT 79, ЭСТЯ 2, 185-188; ср.-монг. bol-) : ПЯ *bǎg- 'быть' (др.-яп. wog-, RJ wóri);

алт. *bā 'связывать, веревка' (тюрк. *bā- 'связывать', *bā-g 'веревка', см. VEWT 53, ЭСТЯ 2, 13-17; кор. pa 'веревка'; ТМ *ba- 'сватать' (< 'связывать?'), см. ТМС 1, 60) : ПЯ *bá 'веревка, шнурок' (др.-яп. wo, RJ wó);

алт. *bā 'я' (см. выше, с. 54) : ПЯ *bà (др.-яп. wa, wa-re, wa-ga, RJ wà-ré);

алт. *beje 'человек, мужчина' (ср.-монг. beje 'тело, личность, сам'; ТМ *beje 'мужчина, человек', см. ТМС 1, 122-123); ПЯ *bè 'мужчина, самец' (др.-яп. wo, wo-no-kuo, RJ wò, wòtokò);

алт. *b[ü]dV 'толстый, крупный' (тюрк. *bedü- 'увеличиваться', *bedü-k 'большой, крупный', VEWT 67; монг.-письм. бүдү-гүн 'то-

¹³⁴ Ср.-монг. bel, монг.-письм. bel 'поясница', видимо < тюрк. (вопреки KW 41 и VEWT 69).

¹³⁵ Все современные диалекты однозначно указывают на ПЯ *rǎgà, хотя в RJ зафиксирована акцентуация fǎgà.

лстый'; ТМ *burgu (< *budu-rgu) 'толстый, жирный', см. ТМС 1, 112; ср.-кор. pñi-tà 'толстый, сытый') : ПЯ *pùtuà 'толстый' (др.-яп. putuo-, RJ fùtò-si);

алт. *begi 'мерзнуть' (монг.-письм. begere-, халха-монг. bēre- 'зябнуть'); ТМ *begi- 'мерзнуть, холод', см. ТМС 1, 119) : ПЯ *pi 'лед', *pijV- 'замерзнуть, остывать' (др.-яп. pi, RJ fi 'лед'; ср.-яп. fi 'лед', fije- 'замерзнуть'); ПР *pi- 'холодный');

алт. *borV 'непогода, осадки' (тюрк. *bora- 'бушевать (о погоде)', см. VEWT 80; монг.-письм. boru-γan 'непогода, дождь'; ТМ *birV, *birV-ga 'пурга, вьюга', см. ТМС 1, 111; кор. nin-pora 'метель') : ПЯ *pũr- 'выпадать (о снеге, дожде)' (др.-яп. pur-, RJ fũr-ũ);

алт. *kabi (~e-) 'жевать' (тюрк. *gäb-, см. VEWT 244, монг.-письм. kebi-, ТМ *kewe 'челюсть', см. ТМС 1, 442-443) : ПЯ *kup- 'ест' (др.-яп. kup-, RJ kũf-ũ ~ kũf-ũ);

алт. *ž[i]bV 'дом' (ТМ *žiw < *žiw 'дом', см. ТМС 1, 266-267; ср.-кор. čir 'дом') : ПЯ *(d)ipia 'дом' (др.-яп. ipie, RJ ife) и др.

4. алт. *m > ПЯ *m

Ср. алт. *m̄n- 'тело; сам' (ТМ mēn 'сам', см. ТМС 1, 568; ср.-кор. móm 'тело; сам') : ПЯ *mú-i 'тело; сам' (др.-яп. mi, RJ mí);

алт. *ma(j)íV 'мерить, мерка' (монг.-письм. malu 'сосуд, корзина (для зерна)'; ТМ *m(i)ali- > маньчж. mali- 'мерить (хлеб, землю)', mali-n 'мера, мерка', см. ТМС 1, 524; ср.-кор. már 'мера сыпучих тел (18 кг)') : ПЯ *màsù (др.-яп. masu, RJ mäsù) 'мера, мерка (для сыпучих тел)';

алт. *mürki 'ячмень, пшеница' (ТМ *murgí¹³⁶ 'ячмень'; ср.-кор. mír(h) 'пшеница, ячмень') : ПЯ *mũnkí 'хлеба, зерновые' (др.-яп. mugí, RJ mùgí);

алт. *mūri 'вода' (см. выше, с. 27) : ПЯ *mí id. (др.-яп. mi, mi-du, RJ midú);

алт. *mōr[u] 'дерево' (см. выше, с. 32) : ПЯ *mōrú 'лес' (др.-яп. mori, RJ mōrú);

алт. *lāmu 'водоем' (монг.-письм. namu 'болото'; ТМ *lāmu

¹³⁶ Ср. сол. murgil 'ярица, яровое поле' (ТМС 1, 558), ульч., нан., маньчж. muži 'ячмень, овес' (ороч., уд. muži 'ячмень' < маньчж.), см. ТМС 1, 551. Сложным является вопрос об отношении сюда тюрк. *bug-taj 'пшеница' (< *burg-taj < *mürk-?, ср. с -г- формы чув. pōgi, тат., каз. būraj 'полба'; монг.-письм. buγudai 'пшеница', скорее всего < тюрк.; см. VEWT 86, ЭСТЯ 233-235. Весьма интересно отметить вероятную связь данного корня с др.-кит. *mḡk 'ячмень, пшеница'.

'море', см.ТМС 1, 490-491) : ПЯ *númà (др.-яп. numa, кет. númà, ток. numa, каг. numa) 'болото';

алт. *[u]mV 'глотать' (ТМ *lüm-ŋe-, см.ТМС 1, 595; кор. nəm-gu-) : ПЯ *nəm- (др.-яп. nom-, RJ nòm-ú);

алт. *namV 'мягкий' (тюрк. *jim-í-ak, см. VEWT 201; монг.-письм. neme-gün / nima-yun; ТМ *nem- 'мягкий', см. ТМС 1, 652-653) : ПЯ *nàmià- 'гладкий, скользкий' (др.-яп. namie, RJ nàmè-raka = тюрк. *jimíak), и др.

Если гласный после -m- во втором слоге отпадал (условия этого процесса пока не выяснены), то -m-, оказывающийся в ауслауте, давал в ПЯ нейтральный носовой *-N. Ср. ПЯ *nán 'имя' (др.-яп. na, совр. na, но в диалекте Хатэрума nã) при алт. *nVmV 'слово; заклинание' (тюрк. *jom 'гадание', *jom(ŋ)ak 'сказка, слово', см. VEWT 206; ТМ *nim-ŋā- 'сказка; заклинание', см. ТМС 1, 594)¹³⁷. В виде глагольной основы данный корень имеется в др.-яп. в форме nom- (< *nəm-) 'молиться' (с прояснением -m-).

5. алт. *-w > ПЯ *-w (или -0 с развитием соседних гласных в *-u-)

Ср. алт. *sawe- 'конец' (ТМ *suwe- 'конец, кончик', см. ТМС 2, 118; ср.-монг. seʔul, монг.-письм. segü-l 'хвост') : ПЯ *súwá-i (~ *súwíá) 'конец, край' (др.-яп. suwe, RJ súwé);

алт. *kawVrV 'сухой' (см. выше, с. 48) : ПЯ *káv(V)rá-k- 'сохнуть, сухой' (др.-яп. kawak-, ПР *kaw(a)ra-k-, см. ниже);

алт. *gowVLV 'долина' (см. выше, с. 18) : ПЯ *kùguá 'небольшая возвышенность; межа между полями' (ср.-яп. kugo, RJ kùgó);

алт. *čawVfV 'соль; кислый, горький' (см. выше, с. 13, 47) : ПЯ *túrá- 'горький, противный' (др.-яп. tura-, ток. tsùra-i, каг. tsúra-i);

алт. *t[o]wVfV 'земля, пыль' (см. выше, с. 18) : ПЯ *tùti (др.-яп. tuti, RJ tùti) 'земля' и др.

¹³⁷ Монг. dom 'волшебство', domaγ 'сказка, рассказ', по-видимому, заимствования из раннетюрк. форм типа *dom, *domaq (исконного родства здесь нельзя предположить из-за ТМ *n-). Ср. далее ОСНЯ 2, 82-83 (ностр. *nimi 'имя' > и.-е. *nōm-n, урал. *nime, но без привлечения алтайских форм).

Весьма сомнительны, по нашему мнению, прочие этимологии японского слова: сравнение его с австронез. *[ʔ]ag'an 'имя' [Мураяма 1974^a, 71-73, 1974^b, 107-108, 162; 1981^a, 89-90; 1976, 425-426]; сравнение с монг. nere 'имя' [Хаттори 1959], см. критику в [Мураяма 1974^b, 173]); сравнение с австротай. *a(ń)ja(-n-), австронез. (по Демпвольфу) *‘a(ń)ǵi’ 'кровный родственник' [Бенедикт 1985, 191].

6. алт. *t' > ПЯ *t

алт. *t'ülkə 'лиса; волк' (тюрк. *tülki ~ *tilkü 'лиса', см. VEWT 480; ТМ *tülge > сол. tülge 'волк', см. ТМС 2, 210) : ПЯ *tuára 'тигр' (др.-яп. tuora, RJ tóra);

алт. *t'orV, *t'orV-k'V 'вид птицы' (тюрк. *torigaj 'мелкая птица, жаворонок', см. VEWT 490; ср.-монг. turaʔun 'ворон'; ТМ *turākī 'ворона, грач', см. [Цинциус 1949, 324]; ср.-кор. tǎrk 'курица') : ПЯ *tóri 'птица' (др.-яп. tori, RJ tóri);

алт. *t'āmV 'собирать, накладывать' (ТМ *ta(:)ma- > нан., маньчж. tama-, см. ТМС 2, 148; ср.-кор. tām-) : ПЯ *túm- (др.-яп. tum-, RJ túm-ù) id.;

алт. *t'a(u) 'пять' (ср.-монг. ta-bun; ТМ *tu-ńga, см. ТМС 2, 214-215; ср.-кор. tà-sǎs, в сложениях tà- 'пять') : ПЯ *i-tu- 'пять' (др.-яп. itu-, RJ itù-)¹³⁸;

алт. *t'[o]wVrV 'земля': ПЯ *tùti (см. выше, с. 18);

алт. *k(')at'a 'твердый' (тюрк. *kat- 'твердый, затвердевать', см. VEWT 241; ср.-монг. qataʔu 'твердый') : ПЯ *kátá 'твердый' (др.-яп. kata-, RJ kátá-);

алт. *p(')at'V 'дно, основание' (ТМ *patV 'низ, дно', см. ТМС 2, 318; ср.-кор. pátán 'дно, пол') : ПЯ *rátá 'край, конец' (др.-яп. pata, RJ fátá);

алт. *p'at'V 'поле': ПЯ *rátà id. (см. выше, с. 64);

алт. *mut'E 'весь, целый' (см. выше, с. 26) : др.-яп. muta 'вместе';

алт. *õt'V 'горячий', 'тепло' (тюрк. *õt 'огонь', см. VEWT 366; монг.-письм. oči-n 'искра'; ср.-кор. tǎ-, tǎ-sǎ- 'теплый' < *ǎtǎ- - с редукцией анлаута) : ПЯ *àtù- 'горячий', *àtà-ta-k- 'теплый' (др.-яп. atu-, ata-take-, RJ àtù-, àtà-tákà-);

алт. *am(a)t'a 'вкус' (см. выше, с. 44) : ПЯ *ántí 'вкус' (др.-яп. adi, RJ ádí) и др.

7. алт. *t > ПЯ *t ~ *d (-j-)

В ПЯ алтайские фонемы *t и *d первоначально, видимо, совпали в одном *d (алт. *d дает в ПЯ те же рефлексy, см. ниже); впоследствии в ряде случаев этот *d подвергся вторичному оглушению,

¹³⁸ Начальный *i- в ПЯ *i-tu-, очевидно, вторичен; по всей видимости, это результат контаминации с числительным *i (др.-яп. i) 'пятьдесят' (неизвестного происхождения). Заметим, что Г. Рамстедт [Рамстедт 1957,65], объединяя монгольскую и корейскую формы, совершенно неправомерно отделяет от них ТМ *tuńga, считая последнее китаизмом (?).

условия которого (как и условия развития *b > p, см. выше) пока еще неясны.

Ср. на развитие *t > t следующие примеры:

алт. *tũru- 'журавль' (тюрк. *duru-ña, см. VEWT 501; ср.-кор. túrúmi) : ПЯ *tũrũ 'журавль' (др.-яп. turu, RJ тұrú, киот. tsũrũ);

алт. *tajV- 'опираться' (тюрк. *daja-, см. VEWT 455; монг.-письм. daji-bal- 'наклоняться'; маньчж. daja-) : др.-яп. taj(u)or- 'опираться, полагаться на';

алт. *tubV 'конец' (монг.-письм. daγu-s-, калм. dis- 'кончатся'; ТМ *duwe 'конец, край', см. ТМС 1, 218) : ПЯ *tũpĩ (др.-яп. tũpĩ, RJ túfi) 'конец';

алт. *aŋVti 'вид водоплавающей птицы' (тюрк. *aŋit 'вид утки', см. VEWT 21; ТМ *aŋdi 'утка-чернетъ', см. ТМС 1, 43 /в ТМ регулярное развитие *-ŋd- < *-ŋt-/) : ПЯ *anti > др.-яп. adi 'вид водоплавающей птицы, похожей на утку';

алт. *t[о]tV 'задерживать' (тюрк. *tut- 'хватать, держать', см. VEWT 502; монг.-письм. tödü-ge-, tod-qa- 'удерживать, задерживать') : ПЯ *tə(n)tə-má- 'задерживать, останавливать' (др.-яп. todoma-, RJ tódómu)¹³⁹;

На развитие *t > d (-j-) ср. следующие примеры:

алт. *tũr- (~ *tõr-) 'четыре' (тюрк. *dõr-t, см. VEWT 495, ЭСТЯ 3, 284-286; ср.-монг. dõr-ben; ТМ *dü-gĩn, см. ТМС 1, 204-205) : ПЯ *də (др.-яп. jo, jo-tu; ток. jó-tsu, киот., каг. jó-tsù; ПЯ акцентуация неясна) 'четыре';

алт. *tũlV (~ *tõlV) 'ночь; сон' (тюрк. *dũl ~ *dũl 'сон'; см. VEWT 507; ТМ *dol-ba 'ночь', см. ТМС 1, 213-214) : ПЯ *duà, *duàrũ 'ночь' (др.-яп. juo, juoru, RJ jòrũ, кет. jòrũ);

алт. *tiõla 'камень' (см. выше, с. 36) : ПЯ *(d)isi (др.-яп. isi, RJ ísi) 'камень' (подробнее см. ниже, с. 87);

алт. *atV 'шагать, идти' (тюрк. *at- 'шагать', см. VEWT 31; монг.-письм. ada-γa- 'спешить', ada-m 'быстрый шаг') : ПЯ *ajũ-m- 'ходить' (др.-яп. ajum-, RJ àjũm-ú);

алт. *ŋinta 'собака' (см. выше, с. 46-47) : ПЯ *inũ (< *indũ < *ŋin-dũ) 'собака' (др.-яп. inu, RJ inũ);

алт. *kētV 'идти, уходить' (тюрк. *gēt- 'уходить', см. VEWT 258;

¹³⁹ Не вполне ясна назализация в инлауте ПЯ формы (обусловившая звонкость -d- уже в др.-яп.). Возможно, однако, что в др.-яп. произошла диссимилиация *totoma- > *todoma-, и для ПЯ следует восстанавливать просто *tətə-má-.

ср.-монг. *gödöl-*, монг.-письм. *ködel-*, *ködül-* 'двигаться'; ср.-кор. *kāt-ta* (*kār-*) 'ходить (пешком)'; ПЯ **kájuá-p-* 'идти, ходить' (др.-яп. *kajuo-p-*, RJ *kájóf-u*) и др.

8. алт. **d* > ПЯ **t* ~ **d*(-j-)

Как и в случае с алт. **t*, принципы распределения между японскими рефлексами **t* и **d* здесь пока еще неясны¹⁴⁰. Примеры на развитие **d* > *t*:

алт. **duri* 'лицо, вид' (тюрк. **jür* 'лицо', см. VEWT 213; монг.-письм. *düri* 'внешний вид'; ТМ **duru-n* 'вид, образ', см. ТМС 1, 225-226) : ПЯ **túra* 'лицо' (др.-яп. *tura*, кет. *tsúrà*, каг. *tsúrá*; но RJ *túrà*);

алт. **dalp'a* 'плоский' (тюрк. **jalpa-*, **jalpi-*, см. VEWT 183; монг.-письм. *dalba-ji* 'быть широким и плоским') : ПЯ **tàri-rá id.* (др.-яп. *tapira*, RJ *tàfirá-*);

алт. **daka* 'близкий' (см. выше, с. 25-26) : ПЯ **tìkà- id.* (др.-яп. *tika-*, RJ *tìkà-sì*);

алт. **gedV* 'зад' (тюрк. **ged*, см. VEWT 246; монг.-письм. *gede* 'назад; зад, затылок'; ТМ **gedi-muk* 'затылок', см. ТМС 1, 177) : ПЯ **kíta* 'север' (др.-яп. *kita*, RJ *kítà*);

алт. **alda-* 'промежуток; сажень' (монг.-письм. *alda* 'сажень');

¹⁴⁰ Р. А. Миллер [Miller 1971, 82 и дал.] попытался сформулировать правила распределения между др.-яп. рефлексами *t* и *j* в зависимости от исконного последующего гласного. К сожалению, далеко не все этимологии, предложенные автором, приемлемы, и существует, напротив, довольно много неучтенных им примеров, противоречащих сформулированным правилам. Кроме того, и в самом материале Р. А. Миллера имеются противоречия: так, эвенк. *dil-* 'согреть' на с. 84 сравнивается с яп. *atu-* 'горячий' (?), а на с. 85 - с яп. *ju* 'теплая вода' (верна только последняя этимология, см. с. 68); ТМ **žar-kun* 'восемь' на с. 85 сравнивается с яп. *tako* 'осьминог' (?), в то время как на с. 221 это числительное правильно сопоставляется с др.-яп. *ja-* 'восемь', и т. п. Заметим, что часто звонкий рефлекс в японском обнаруживается рядом с исконным долгим гласным, а глухой рефлекс - рядом с исконным кратким, ср. **tir-* > **də-* 'четыре', **til()*V > **duà* 'ночь', **tiōla* > *(d)*isì* 'камень', **ātV* > **ajù-m-* 'ходить', **kētV* > **kájuá-p-* 'ходить'; **dilV* > **dù* 'теплая вода', **dāli-* > *(d)*íarì* 'воротник'; с другой стороны, **tūru* > **tùrù* 'журавль', **tajV* > **taj(u)o-r-* 'опираться', **tubV* > **túpí* 'конец', **t[ɔ]tV* > **tətə-má-* 'задерживать', **duri* > **túra* 'лицо', **dalp'a* > **tàpirá* 'плоский', **daka* > **tìkà* 'близкий', **alda-* > **ata* 'мера длины', **b[ü]dV* > **rùtuà-* 'толстый'. Однако и из этого правила есть исключения (хотя и не очень много), поэтому вопрос о точных условиях рефлексации алт. **t*, **d* как **t* или **d*(j) в японском следует пока оставить открытым.

ТМ *alda-n 'промежуток, между'; ср.-кор. àǵǵ-m 'обхват, сажень') : др.-яп. ata 'мера длины';

алт. *b[ü]dV 'толстый' (см. выше, с. 65) : ПЯ *rütua- 'толстый', и др.

На развитие *d > d (-j-) ср. следующие примеры:

алт. *düli 'теплый' (см. выше, с. 48-49) : ПЯ *dù (др.-яп. ju, киот. jī, ток. jú) 'теплая вода';

алт. *dakV 'жечь' (см. выше, с. 34) : ПЯ *dák- (др.-яп. ják-, RJ ják-ù). В японском имеется также дублетная форма ПЯ *ták- 'жечь, сжигать' (др.-яп. tak-, RJ ták-), отражающая развитие *d > t;

алт. *dāli- 'грива' (тюрк. *jāl ~ *jāl, см. VEWT 181; монг. del 'грива', dala-ŋ 'холка'); ТМ *deli-n 'грива', см. ТМС 1, 232) : ПЯ *(d)iarí 'воротник' (ср.-яп. jeri, ток. erí, киот. éri, каг. éri);

алт. *kedV 'одевать' (тюрк. *ged-, см. VEWT 246; ЭСТЯ 3, 12-14; монг.-письм. ked-üre- 'надевать, накидывать') : ПЯ *kí- (< *kij-) 'одевать(ся)' (др.-яп. ki-, RJ kí-rù), и др.

9. алт. *n > ПЯ *n

Ср. алт. *nV̄- 'класть, лежать' (ТМ *nē- 'класть', см. ТМС 1, 614-615; ср.-кор. ni-p- 'лежать') : ПЯ *ná- 'лежать' (др.-яп. na-, ток. nè-gu, киот. né-rú, каг. né-rù);

алт. *närV 'называть; приказывать' (см. выше, с. 36-37) : ПЯ *nér- (др.-яп. nog-, RJ nóg-) 'приказывать, возвещать' (см. также примеч. 74);

алт. *nVmV 'слово; заклинание' (см. выше, с. 66) : ПЯ *nán 'имя';

алт. *närV 'лучше, больше' (см. выше, с. 65) : ПЯ *нарэ 'еще (больше, лучше)';

алт. *nole 'пламя, зажигать' (монг.-письм. nōle 'пламя, жар'; ТМ *nul- 'зажигать, загораться', см. ТМС 1, 609) : ПЯ *nérē-sí 'костер, огонь, пламя' (ср.-яп. nogosi, ток. nõroshi, киот. nõróshí, каг. nõróshì);

алт. *k()ānu 'удовлетворяться' (тюрк. *kān- 'удовлетворяться, довольствоваться, исполняться'; монг.-письм. qanu- 'б. довольным') : ПЯ *kànà-p- 'исполняться, удовлетворяться; соответствовать' (др.-яп. kanar-, RJ kànàf-ú);

алт. *siünü- 'пропадать, гаснуть' (тюрк. *sōn- 'пропадать; гаснуть', см. VEWT 430; монг.-письм. sönü- id.; (?) ТМ *sī- 'гасить'¹⁴¹ : ПЯ

¹⁴¹ ТМ *sī- (выводимое из данного корня в [Porpe 1960, 109] и VEWT 430) может относиться сюда при условии развития *sī- < *sīn- < *siinü (о по-

*sín- 'умирать' (др.-яп. sin-, RJ sín-ù);

алт. *ŋ[e]nV 'идти, двигаться' (см. выше, с. 18) : ПЯ *ín- 'уходить' (др.-яп. in-, RJ ín-);

алт. *ŋinta 'собака': ПЯ *indù > *inù (см. выше, с. 46-47), и др.

Если *n в ПЯ оказывался в ауслауте (в конце ряда именных основ), то он отпадал, как и прочие сонорные (кроме *-m > *-N, см. выше). Ср. алт. *mVn 'тело, сам' > ПЯ *mú (и с суффиксом *mú-i) id. (см. выше, с. 66), а также:

алт. *t(̣)inV 'дыхание; кровь' (тюрк. *ṭin ~ *ḍin 'дыхание'; ср.-монг. či-sun < *tin-sun 'кровь') : ПЯ *tí (др.-яп. ti, RJ tí) 'кровь' (см. ниже, с. 88).

10. алт. *-r- > ПЯ *-t- ~ *-r-

Согласно Р. А. Миллеру [Miller 1971, 122], нормальным японским рефлексом алт. *-r- является -r-. Это правило, однако, нуждается в некотором уточнении. По-видимому, алт. *-r- > ПЯ *-r- только в соседстве с лабиализованными гласными (или дифтонгами), ср.:

алт. *siāri 'белый' (см. выше, с. 25) : ПЯ *siŋuà- id. (др.-яп. siŋuo-, RJ siŋò-);

алт. *k(̣)ara 'черный' (см. выше, с. 52) : ПЯ *ḳuŋuà- id. (др.-яп. kuruo-, RJ ḳuŋò-);

алт. *siwrV 'вошь' (тюрк. *sir-kä 'гнида', см. VEWT 423; монг.-письм. sirke; ТМ *sira 'блоха'; см. ТМС 2, 112) : ПЯ *(s(u)ŋrá-mí 'вошь' (др.-яп. sirami, RJ siŋámí);

алт. *kawVrV 'сухой': ПЯ *káw(V)rá-k- 'сохнуть, сухой' (см. выше, с. 48, 66);

алт. *borV 'непогода, осадки': ПЯ *ṛuŋ- (см. выше, с. 66), и др.

В случае отсутствия лабиализации в соседнем слоге алт. *-r- отражается в ПЯ как *-t-, ср. следующие примеры:

алт. *birV 'один' (тюрк. *bir, см. VEWT 76; монг.-письм. büri 'все, целиком' /с вторичным -ü-/; ср.-кор. p̄ir̄is 'сперва, впервые', p̄ir̄is- 'начинать') : ПЯ *pit̄- 'один' (др.-яп. pito, RJ fit̄ó- ~ fit̄ò- ~ fit̄ò-)¹⁴²;

алт. *p̄āri 'пчела': ПЯ *p̄at̄i id. (см. выше, с. 64);

добном процессе для сонорного -r- см. выше, с. 20; поведение -п- в этом контексте пока еще не вполне ясно).

¹⁴² ПЯ акцентуация неясна (сильные колебания как в памятниках, так и по диалектам). Данное сравнение японского слова, несомненно, следует предпочесть сравнению яп. *pit̄- с тур. buzaŋi, монг. biraŋu 'двухлетний теленок' [Miller 1971, 147].

алт. *p'ārV 'уоставь' (тюрк. *ār- 'уоставь, ослабевать', см. VEWT 22; ср.-монг. hari- 'уоставь, истощаться'; ТМ *rāġī- 'кружиться (о голове), терять сознание', см. ТМС 2, 317-318; кор. pāl-da 'стараться, силиться; зарабатывать') : ПЯ *rátá 'кончатся, истощаться' (др.-яп. rata-), *rátá-rák- 'работать' (ср.-яп. fatarak-)¹⁴³;

алт. *k'irV 'грязь' (тюрк. *kir, см. VEWT 271; монг.-письм. kir /возможно < тюрк./) : ПЯ *kìtà-nà- 'грязный' (др.-яп. kitana-, ток. kitanái) и др.

Из этого правила есть некоторые исключения (когда *-r- не переходит в *-t-), но их мало, и они могут отражать общеалтайское колебание *-r- / *-r'- (о рефлексах *-r'- см. ниже). Таковы случаи алт. *t'[o]rV > ПЯ *térí 'птица' (см. с. 67), алт. *närV 'называть, приказывать' > ПЯ *nér- (см. с. 69)¹⁴⁴ и некоторые другие.

Как и прочие сонорные, *r мог отпадать в конце односложных именных основ, ср.:

алт. *mūri 'вода' : ПЯ *mí (см. выше, с. 66);

алт. *p'örV 'огонь' (тюрк. *ör-t 'пламя', см. VEWT 375; монг.-письм. ör-de- 'гореть, пылать'; ср.-кор. rŏŏ 'огонь') : ПЯ *pè (с суффиксом *pè-i) 'огонь' (др.-яп. pii, RJ fi), см. ниже (с. 93-94);

алт. *tir- (~ *tōr-) 'четыре' : ПЯ *də- (см. выше, с. 68), и др.

Аналогичным образом *-r- выпадает в закрытом слове в инлауте, ср.:

алт. *ar'á- 'ячмень' > ПЯ *àrá-N (см. с. 64);

алт. *sar'V 'рукоятка, вид орудия' (тюрк. *sar, *sarak 'рукоятка', *sar-an 'плуг', см. VEWT 401-402; монг.-письм. sabqa 'палочки /для еды/'; ТМ *sar'V-kī 'палочки /для еды/', см. ТМС 2, 66-67; ср.-кор. sárp 'лопата') : ПЯ *sàrí (др.-яп. sari; RJ sàfi) 'вид сохи или мотыги'¹⁴⁵.

¹⁴³ В корне *rata- налицо акцентные колебания (непереходные формы восходят к *rátá-, ср. ток. hatéru, киот. hàtèrú, каг. hàtèrú; переходные формы - к *rátá-, ср. киот. hátású, каг. hàtásù); акцентуация *patarak- однозначно восстанавливается как *rátárák- (ток. hàtaraku, кет. hátárákú, каг. hàtárákù).

¹⁴⁴ Ср., однако, в др.-яп. наряду с пог- вежливые глаголы nota-bu, nota-mar-u 'возвещать' (не исключено, что здесь отражен вариант с -t-).

¹⁴⁵ Иногда -r- в инлаутном закрытом слове не выпадает, но переходит в -n- (единственный возможный в ПЯ конечнослоговой сонорный), ср. *mürki > ПЯ *mùnkí 'хлеба, зерновые' (см. с. 66). Для -r-, однако, такое развитие довольно нетипично (возможно, под назализующим влиянием начального m-?).

11. алт. *-ǰ- > ПЯ *-r- ~ *-t-

Р. А. Миллер предположил, что алт. *-ǰ- > ПЯ *-r-, если в предыдущем слоге шумный согласный, но *-ǰ- > ПЯ *-t-, если в предыдущем слоге сонорный [Miller 1971, 146]. Однако имеются примеры, противоречащие этому распределению. Ср., с одной стороны, развитие *-ǰ- > -t- после шумного согласного:

алт. *ǰiaǰV 'ходить, шагать' (тюрк. *ǰäǰ- 'ходить, бродить', см. VEWT 260; монг.-письм. ǰar- 'выходить'; ТМ *ǰiaǰi- 'гулять', *ǰira- 'шагать', см. ТМС 1, 147, 154-5¹⁴⁶): ПЯ *kàtí 'хождение пешком' (др.-яп. kati, kati-jor- 'ходить /пешком/', RJ kàtí, kàtjori).

С другой стороны, ср. развитие *-ǰ- > -r- после сонорного согласного:

алт. *maǰE 'пестрый, пятнистый' (тюрк. *bäǰä- 'украшать, украшение', см. VEWT 72-73; монг.-письм. meǰje-n 'пегий, пятнистый'; ТМ *meǰi- 'пестрый, пятнистый', см. ТМС 1, 571-572): ПЯ *múra 'пятно, в пятнах, пестрый' (ср.-яп. mura, ток. mùra, кет. múrá, каг. múrà).

Рассмотрим прочие известные случаи рефлексии *-ǰ- в японском:

а) алт. *-ǰ- > ПЯ *-r-

алт. *čürV 'нанизывать; ряд' (см. выше, с. 13): ПЯ *túra 'ряд, линия' (др.-яп. tura, RJ túrá);

алт. *k'arV 'кожа, кора' (см. выше, с. 37): ПЯ *kára (ср.-яп. kara, RJ kára) 'скорлупа, шелуха';

алт. *čawVǰV 'соль; кислый, горький': ПЯ *túra- 'горький, противный' (см. выше, с. 47);

алт. *duǰi 'лицо, вид': ПЯ *túra 'лицо' (см. выше, с. 68);

алт. *sēǰi 'знать, чувствовать; бодрствовать' (тюрк. *seǰ- ~ *sēǰ- 'чувствовать, обнаруживать', см. VEWT 413; монг.-письм. sere- ~ seri- 'пробуждаться, просыпаться'; ТМ *sā- 'знать', см. ТМС 2, 49-51; кор. sari- 'быть осторожным'): ПЯ *sír- 'знать' (др.-яп. sir-, RJ sír-ù (см. подробнее ниже, с. 87).

б) алт. *-ǰ- > ПЯ *-t-

алт. *t' [o]wVǰV 'земля': ПЯ *tuti (см. выше, с. 67);

¹⁴⁶ Ввиду того, что для алтайского корня надежно восстанавливается *g-, монг.-письм. kerü- 'бродить' следует признать старым тюркизмом (более поздним тюркизмом - после перехода *-ǰ- > -z- является монг.-письм. kесе- ~ kesü- 'бродить'). Привлекаемое В. М. Иллич-Свитычем [Иллич-Свитыч 1965, 340] к сравнению с монг. kerü- и тюрк. *ǰäǰ- эвенк. kerin- 'идти стороной, обходить', по-видимому, якутское заимствование (см. ТМС 1, 453).

алт. *ńāřV 'молодой'; 'весна, лето' (тюрк. *jāř 'весна, лето'; ср.-кор. njəří-m 'лето') : ПЯ *nátù 'лето' (др.-яп. natu, ток. natsú, кет. nátsù, каг. nátsù)¹⁴⁷;

алт. *ōřV 'середина, внутренность' (тюрк. *ōř 'сердцевина, нутро, сущность', см. VEWT 376-377; монг.-письм. ögü 'внутренность'; ТМ *uři- 'живот, желудок', см. ТМС 2, 281) : ПЯ *úti 'середина, внутренность' (др.-яп. uti, RJ útì)¹⁴⁸.

Видно, что в японском после рефлекса -t- представлены только гласные -i, -u. Следует обратить внимание при этом на то обстоятельство, что нам неизвестны случаи падения *-ř > -0 в ауслауте именных основ (см. выше о развитии *-n, *-r > -0). Можно думать поэтому, что при редукции ауслаутного гласного алтайский *-ř в японском не выпадал, подобно другим сонантам, но сохранялся (и развивался далее в этой позиции как исконный *-r- в соседстве с нелабиализованными гласными, см. выше, т. е. давал *-t-). Гласные -i, -u в соответствующих словах следует рассматривать как паразитические, присоединившиеся к закрытому слогу позже (ср. совершенно аналогичный процесс, происходивший позже в истории японского языка, когда к китайским закрытым слогам в обязательном порядке добавлялись паразитические ауслаутные гласные -i, -u).

12. алт. *l > ПЯ *n-, -r-

Ср. алт. *l(i)ar'а 'прилипать, мазать' (тюрк. *jarí- 'прилипать', см. VEWT 187; ср.-монг. níʔa-, монг.-письм. niya- 'приклеивать'; ТМ *lira- 'лепить, обмазывать', *lab-gā- 'прилипать', см. ТМС 1, 484-485, 498-499) : ПЯ *nià(m)rà- 'прилипать' (ток. nebá-ru, кет. nébá-rú, каг. nèbá-rù; др.-яп. форма не зафиксирована, поэтому неясно, следует ли восстанавливать срединный носовой);

алт. *luk'Е (~*lük'Е) 'протыкать' (монг.-письм. nūke-n 'дыра, яма', nūke-le- 'дырявить'; ТМ *luk-tu- ~ *lok-ta- 'протыкать(ся), насквозь', см. ТМС 1, 502-503) : ПЯ *núk- 'пронзать, протыкать' (др.-яп. nuk-, RJ núk-ù);

алт. *lāmu 'водоем': ПЯ *númà 'болото' (см. выше, с. 66); не вполне ясно, в каком отношении к ПЯ *númà находится ПЯ *nàmì

¹⁴⁷ Сюда же, вероятно, монг. nírai 'новорожденный, новый, свежий' и ТМ *ńāř- 'молодой, свежий' (см. [Porre 1960, 81, 97]; VEWT 193; ОСНЯ 2, 84).

¹⁴⁸ Р. А. Миллер [Miller 1971, 147] сопоставляет алтайский корень с др.-яп. oge 'сам'; однако здесь -ge, несомненно, местоименный суффикс, и форма o-ge вообще, вероятно, представляет собой стяжение из o-ge 'сам' (также представленного в др.-яп.).

'волна';

алт. *[u]mV 'глотать': ПЯ *nəm- 'пить' (см. выше, с. 66);

алт. *čölu 'полный, достаточный' (см. выше, с. 43) : ПЯ *tár- 'быть достаточным, полным, хватать' (др.-яп. tar-, ток. tãri-ru, киот. tãri-rú, каг. tãri-rù);

алт. *kala 'менять' (монг.-письм. qala- '(с)менять, подменять'; ТМ *kala- 'менять', см. ТМС 1, 364; ср.-кор. kãrã-čhã-, kãrãm-hã- 'менять(ся)') : ПЯ *kár- 'брать в долг' (др.-яп. kar-, RJ kár-ù)¹⁴⁹;

алт. *gowVIV 'долина': ПЯ *kùguá 'небольшая возвышенность' (см. выше, с. 66);

алт. *p'álV 'поле': ПЯ *rãgà 'равнина' (см. выше, с. 64), и др.

Алт. *-l-, оказываясь в ауслаутном положении, в ПЯ отпадал (так же, как и *-n-, *-r-, см. выше), ср.:

алт. *k'ílV 'волос' (см. выше, с. 28) : ПЯ *ká (с суффиксом -i - *ká-i) 'волос' (др.-яп. ke, RJ ké);

алт. *dūlV 'теплый' (см. выше, с. 49-50) : ПЯ *dù 'теплая вода';

алт. *p(')ilV 'щека' (ТМ *pil- 'щека, скула', см. ТМС 2, 346; кор. pol 'щека') : ПЯ (с редупликацией) *pə-pə (~ *pua-pua) 'щека, щеки' (др.-яп. poro, RJ fòfò)¹⁵⁰.

Аналогичный процесс происходил в закрытом слове в анлауте, ср. алт. *dila, *dila-č'V 'год' (см. выше, с. 30) : ПЯ *təsì (< *təlsì = кор. tols) 'год' (др.-яп. tosi, RJ tòsì); алт. *k'üjlu 'ухо' (см. выше, с. 50) : ПЯ *kil-k- > *kík- 'слышать' и др.¹⁵¹

13. алт. *-l- > ПЯ -s-¹⁵²

Это нетривиальное соответствие (сходное с развитием *l > š в

¹⁴⁹ Ср.-кор. kãr- 'брать в долг', по всей видимости, представляет собой заимствование из японского.

¹⁵⁰ Акцентуация в ПЯ неясна: RJ указывает на *ròrò, но современные формы (ток. hō < *hō, кет. hō, каг. hō) указывают скорее на *rórò.

¹⁵¹ Иногда, правда, в сочетании "l + велярный" может выпадать велярный согласный. Ср. алт. *t'ülkE 'лиса, волк' : ПЯ *tuárá 'тигр' (см. с. 67); алт. *balk'V (~ *p-) 'сверкать, светлый' (тюрк. *balk- 'сверкать, сиять', см. ЭСТЯ 2, 56-57; ср.-кор. pãrk- 'быть ярким, светлым') : ПЯ *rãgà 'проясниться (о погоде)' (др.-яп. raga-, RJ fãrú).

¹⁵² Развитие *-l₂- > -s- в японском и -lh в корейском свидетельствует о том, что, по крайней мере в пра-корейско-японском (но может быть, и в праалтайском) это мог быть не палатализованный *-l-, но глухой (или придыхательный) *-lh-.

большинстве тюркских языков) было установлено Р. А. Миллером [Miller 1971, 114], но из приводимых им примеров полностью надежными можно считать только два:

алт. *tiǒla 'камень' : ПЯ *(d)isi id (см. выше, с. 36);

алт. *k(ʼ)alPV- 'ложка' (тюрк. *kaľuk, см. VEWT 241; монг. qalbaγa, qalbuγa) : ПЯ *kásipà (др.-яп. kasipa, RJ kásipà) 'сосуд для жидкостей, черпак'.

Мы можем добавить еще следующий материал:

алт. *k(ʼ)alV 'чесать, царапать' (тюрк. *kaľi-, см. VEWT 240; возможно, также ср.-кор. kǎr- 'тереть, полировать; точить') : ПЯ *kàsù-r- 'царапать, слегка задевать' (ср.-яп. kasur-, ток. kasúr-и, кет. kásúru, каг. kàsúru);

алт. *k'eIV 'пояс, поясница' (тюрк. *keľ 'пояс', см. VEWT 258; ср.-кор. hǎrǐ 'поясница') : ПЯ *késí 'поясница' (др.-яп. kosi, RJ kósí);

алт. *talV 'внешняя, другая сторона' (тюрк. *dal~*dǐl 'внешняя сторона', см. VEWT 466; ТМ *dal-ba 'бок, сторона', см. ТМС 1, 193; ср.-кор. tǎrǎ- 'другой') : ПЯ *dásè 'другая сторона, другое место' (др.-яп. joso, ток. josó, кет. jósò, каг. jósò);

Ср. также японские рефлексы корней 'звезда' и 'мясо' (см. ниже), где при отсутствии тюркского *-l- исходный *-l- восстанавливается по среднекорейскому ауслатному рефлексу -lh (-rh).

В отличие от сонорного *-l-, который не выпадал в ПЯ в закрытом слоге, сонант *-l-, как и другие (*-n-, *-r-, *-l-, см. выше) подвержен выпадению в ауслате. Ср. алт. *tiIV 'ночь, сон' > ПЯ *duà 'ночь' (см. выше, с. 68; в этом корне, правда, налицо колебание *l ~ *l̥), а также следующий пример:

алт. *nalV 'сырой' (тюрк. *jāl 'свежий, молодой', см. VEWT 192; монг.-письм. nil-qa 'новорожденный', nila-γun 'сырой'; ТМ *nǎli-kin 'сырой, свежий', см. ТМС 1, 630; ср.-кор. nǎr 'нечто сырое', префикс со значением 'сырой, незрелый, неспелый') : ПЯ *nà '(сырые) овощи' (др.-яп. na, ток. ná, киот. nǎ, каг. nà).

14. алт. *č' > ПЯ *t

Ср. следующие примеры:

алт. *č'ǎkV 'время' (тюрк. *čāk, см. VEWT 95; ср.-монг. čaq, монг.-письм. čaγ; ср.-кор. čǎk /акцентуация неизвестна/) : ПЯ *tǎki 'время' (др.-яп. toki, RJ tòkì);

алт. *č'arV 'разрезать, разрывать' (ТМ: эвенк. čari- 'порвать', см. ТМС 2, 385; кор. čari- 'разрезать, разрубать') : ПЯ *tǎt- 'разрезать, от-

резать' (др.-яп. tat-, RJ tāt-ú);

алт. *č'ajVžV '(женская) грудь' (см. выше, с. 31) : ПЯ *tiji ~ *titi id. (др.-яп. ti, ток. chichí, киот. chìchí / < *titi/, каг. chìchí);

алт. *č'[i]mV 'щипать, срывать (пальцами)' (тюрк. *čim-, см. VEWT 108; монг.-письм. čim-; возможно, также ср.-кор. čüməkúii 'кулак, горсть'¹⁵³: ПЯ *túm- 'срывать (пальцами)' (др.-яп. tum-, RJ túm-ù);

алт. *č'ōk'í 'бить, колотить' (монг.-письм. čoki- 'бить, ударять'; ТМ *čōki- 'втыкать, долбить; ковырять', см. ТМС 2, 403) : ПЯ *túk- 'ударять, толкать, колотить' (др.-яп. tuk-, RJ túk-);

алт. *muč'V 'поворачивать; возвращаться' (тюрк. *bič-kak, *bič-mak 'угол', см. VEWT 85¹⁵⁴; ПТМ *muču- 'возвращаться') : ПЯ *mè-tə-rəg- 'возвращаться' (др.-яп. motorog-, RJ mòdòr-);

алт. *m[ä]č'V 'хвоя, сосна' (тюрк. *bäč ~ *böč 'сосна, кедр'¹⁵⁵; ТМ *mučV-kte 'хвоя (лиственницы)', см. ТМС 1, 562) : ПЯ *mätú 'сосна' (др.-яп. matu, RJ mätú);

алт. *seč'e (~-a-) 'умный, мудрый' (ср.-монг. seče-n 'умный, мудрый'; ТМ *seče-n 'старательный, усердный', см. ТМС 2, 147-148 (ТМ форма может быть и монголизмом)) : ПЯ *sātuá- (~ *sátə-) 'умный, мудрый' (др.-яп. sat(u)o-, RJ sátó-si);

алт. *suč'V (~-o-) 'следовать, преследовать' (ТМ *suča- 'усколь-

¹⁵³ Имеется также бессуфиксальная основа čüm 'кулак, горсть' (с нерегулярной акцентовкой). Г. Рамстедт (SKE 43) сравнивает совр. кор. čümək 'кулак' с тюрк. *jum- 'закрывать, жмурить', *jum-duruk 'кулак'. Однако тюрк. *jumduruk (см. VEWT 210) в старых текстах отсутствует и представляет собой очевидную контаминацию с тюрк. *judruk 'кулак' (др.-тюрк. *judruk) < алт. *nidu-rka; поэтому сравнение кор. čüm, čüməkúii с тюрк. *čim, монг. čim представляется нам предпочтительным. Что касается тюрк. *jum-, то этот корень скорее сопоставим со ср.-кор. čämi- 'закрывать'.

¹⁵⁴ В тюркском, по-видимому, существовала производящая основа *bič- 'поворачивать' (откуда 'поворот' > 'угол'), заимствованная в монгольском в виде biča- 'возвращаться' (Поппе [Porre 1960, 63] предполагает исконное родство монгольской формы, но это вряд ли возможно, поскольку *m- в монгольском сохраняется). Не вполне ясно отношение к данному корню ТМ *muča 'край, конец' (ТМС 1, 561). EDT 294 и ЭСТЯ 2, 282-283 этимологизируют тюрк. *bič-kak 'угол' как производное от *bič- 'отрезать', но это сомнительно (прежде всего по фонетическим причинам: уже у Махмуда Кашгарского зафиксирована форма с гласным -u-).

¹⁵⁵ М. Рясянен (VEWT 71) восстанавливает *bāš ~ *bōš, но слово предствлено только в северо-восточных языках, где рефлексy *č и *š (= *ĭ) не различаются (як. bäs, караг. böš etc.).

зять, убежать (от преследования)', см. ТМС 2, 132; ср.-кор. čōčh-tá 'следовать, преследовать, прогонять') : ПЯ *sítá-(n)-kár- 'следовать' (др.-яп. sitakar- ~ sitagar-, RJ sítágáf-ù), и др.¹⁵⁶

15. алт. *č > ПЯ *t-, -s-

Ср. следующие примеры:

алт. *čawVfV 'соль'; 'кислый, горький' : ПЯ *túrá 'горький, противный' (см. выше, с. 67);

алт. *čölu- 'полный, достаточный' : ПЯ *tár- 'быть достаточным' (см. выше, с. 71);

алт. *čüfV 'нанизывать; ряд' : ПЯ *túrá 'ряд, линия' (см. выше, с. 70);

алт. *čuāV 'ива; ветвь, лоза' (см. выше, с. 13) : ПЯ *túgù 'лоза' (ср.-яп. tugu ~ tura, RJ túgù);

алт. *č[u]rV 'стоять' (тюрк. *dur-, см. VEWT 500; ТМ > эвен. žur-ül- 'стоять (спокойно, молча)', см. ТМС 1, 278) : ПЯ *tát- 'стоять' (др.-яп. tat-, RJ tāt-ú), и др.

В инлаутной позиции, судя по немногим имеющимся примерам, в ПЯ происходила спирантизация (аналогичное развитие имело место в тунгусо-маньчжурском, см. выше, с. 16). Ср.:

алт. *k'ičü 'сила, усилие' (см. выше, с. 16 : ПЯ *k'isV- 'соревноваться (= прилагать усилие)' (др.-яп. kisi-gop-, RJ k'isì-róf-, ср.-яп. kisofo-u);

алт. *k'očV 'чесать, коготь; острая палочка' (см. выше, с. 16) : ПЯ *k'üsì 'вертел; гребень, расческа; палочка для разделения нитей при тканье' (др.-яп. kusi, RJ k'üsì).

16. алт. *ž > ПЯ *d

Ср. следующие примеры:

алт. *žukV 'угол; направление' (монг.-письм. žüg, халха-монг. züg 'направление; сторона'; ТМ *žuku(-n) ~ *žugu(-n) 'угол; направление', см. ТМС 1, 262, 269) : ПЯ *dáké (др.-яп. joko, RJ jókó) 'сторона

¹⁵⁶ Между корейским и японским устанавливается еще соответствие "кор. -čh- : яп. -s-" (см. [Martin 1966, 208]), ср. ср.-кор. àčhám 'утро' : ПЯ *àsâ(N) 'утро'. На основании этого примера можно было бы сделать вывод о том, что алт. *-č' (> кор. -čh-) мог спорадически давать в японском -s-. Однако это единственный надежный пример такого соответствия; не исключено, что перед нами сравнительно позднее заимствование (в пользу этого предположения говорит и нерегулярное акцентное соответствие).

(боковая); горизонталь';

алт. *žājV 'стрела, острие' (тюрк. *jāj 'лук', см. VEWT 186; ТМ *žеје 'лезвие, острие', см. ТМС 1, 282-283) : ПЯ *da (др.-яп. ja, RJ ja ~ ja; акцентуация не вполне ясна) 'стрела';

алт. *žuabV 'слабый, истощенный, бедный' (тюрк. *jabri- 'ослабевать', *jab-ı́ 'ничтожный, слабый', см. VEWT 176, EDT 879, 881-882; монг.-письм. žoba- 'страдать, мучиться'; ТМ *žowa- 'бедствовать, страдать', см. ТМС 1, 260-261)¹⁵⁷: ПЯ *duawa 'слабый' (др.-яп. juowa-, ток. jowái, каг. jòwái).

алт. *ž[i]rk'a 'радоваться' (монг.-письм. žīγya- 'наслаждаться'; ср.-кор. čīrkǎp-tá ~ čīrkǎp-tá(-v-) 'радоваться, веселиться') : ПЯ *jǎgǎk-ǎb- 'радоваться' (др.-яп. jǎgǎkǎb-, RJ jǎgǎkǎb-ú).

Фонема *ž вообще довольно редка в алтайском, и из надежных примеров на инлаутную ее рефлексацию в ПЯ мы можем привести только один:

алт. *bažV 'рано, ранний' (тюрк. *baja 'недавно; ранее' см. VEWT 62, ЭСТЯ 2, 30-32; ТМ *baži- 'ранний, рано', см. ТМС 1, 64) : ПЯ *ràjǎ- (? *ràjǎ-) 'ранний, быстрый' (др.-яп. rǎja-, RJ fǎjǎ-).

17. алт. *ń > ПЯ *n- ~ *m-, *-n-

В анлауте алт. *ń отражается в ПЯ как *n-, но в ряде случаев - как правило, при наличии в последующем слоге носового - дает рефлекс *m-¹⁵⁸. Ср. примеры на развитие *ń- > n-:

алт. *ńa(i)k'e- 'требовать, стремиться к ч.-л.' (монг.-письм. neke- 'требовать, домогаться'; ТМ *ńеке- 'заниматься чем-л.; намереваться', см. ТМС 1, 651-652; ср.-кор. njǎki-ta ~ nǎiki-ta 'считать (что-л.

¹⁵⁷ К ТМ *žowa- непосредственно восходят эвенк. žowo~ žoγo-, эвен. žow- ~ žoγ-, сол. žowo- ~ žogo-, уд. žō-, маньчж. žobo-, чжурчж. čōh-rùh-; прочие формы (нег. žobo-, ороч. žobo-, уд. žobo, ульч. žobo-, орок. žobbo-, нан. žobo-) заимствованы либо из маньчжурского, либо непосредственно из монгольского. Не исключено, что и ТМ *žowa-, восстанавливаемое на основании сравнения эвенк., эвен., сол., уд. и маньчж. форм - также монголизм, но более ранний (хотя в принципе ничто не противоречит исконному родству ТМ *žowa- и монг. žoba-).

¹⁵⁸ Р. А. Миллер [Miller 1971, 105 и дал.] предполагает в качестве рефлексов алтайского *ń- в японском n-, j- или 0- (с неясным распределением). Однако, по нашему мнению, рефлексy j- и 0- не доказаны надежными примерами (алт. *ńija 'гной' вряд ли следует сопоставлять с яп. aka 'грязь' и jogosu 'загрязнять', а ТМ *ńē- 'потеть' - с яп. ase 'пот').

чем-л.)) : ПЯ *niàkà-p-(~ *nàikà-p-) 'желать, стремиться к чему-л.' (др.-яп. nekap-, RJ nègàf-u ~ nègáf-u);

алт. *nāfV 'весна, лето' : ПЯ *nátù 'лето' (см. выше, с. 71);

алт. *nāfV 'сырой' : ПЯ *nà '(сырые) овощи' (см. выше, с. 72);

ТМ *nūl(e) 'мазать, намазывать, красить' (см. ТМС 1, 638) : ПЯ *nūr- 'смазывать, намазывать, красить' (др.-яп. nur-, RJ nūr-ù) и др.

На развитие *ń- > m- можно привести следующие примеры:

алт. *nāŋV 'орех' (тюрк. *jaŋak 'орех', см. VEWT 186; ТМ *nāŋü- 'орех, лущить орехи', см. ТМС 1, 634-635) : ПЯ *mémé (др.-яп. tomo, RJ móto) 'персик';

алт. *ń[ua]mV 'большое число; сто' (др.-тюрк. jom-ŋi 'большое количество, масса', jom-it- 'собираться в большом количестве', см. EDT 935; ТМ *ńamā 'сто', см. ТМС 1, 631) : ПЯ *muàmua 'сто; большое число' (др.-яп. muomuo, RJ mòto);

алт. *ńiā 'глаз' (см. выше, с. 29) : ПЯ *màN(-i-) 'глаз' (др.-яп. me, ток. mé, кет. мё, каг. mè, хат. mīŋ) (подробнее см. ниже, с. 83-84). Конечный -N здесь представляет собой старый суффикс (ср.-кор. nún < *nā-un), но наличие его, очевидно, обусловило переход *ń- > m-.

Ср. также следующие ТМ-японские изоглоссы с таким же соответствием:

ТМ *ńun[i] 'голень, бедро' (ТМС 1, 646) : ПЯ *muàmua 'бедро' (др.-яп. muomuo, RJ mòto);

ТМ *ńun-n 'шесть' (ТМС 1, 647-648) : ПЯ *mi- 'шесть' (др.-яп. mi-, RJ mú-tú)¹⁵⁹.

Иногда (но в очень редких случаях) рефлекс n- может появ-

¹⁵⁹ Вероятность этого сопоставления поддерживается полным совпадением в ТМ и ПЯ числительных от четырех до ста, ср.:

'четыре': ТМ *dü-gīn : ПЯ *də- (ср. еще тюрк. *dör-t, монг. dör-ben);

'пять': ТМ *tu-ńga : ПЯ *(i)-tu- (ср. еще монг. tabun, ср.-кор. tà-sǎs);

'шесть': ТМ *ńu-ŋu-n : ПЯ *mi- (не вполне ясно, как сюда относится ср.-кор. jè-sís 'шесть' - может быть, налицо случай раннего отпадения n-: jè- < *ńjè- ?);

'семь': ТМ *nada-n : ПЯ *nana- (регулярно < *nada-n, как *dama 'гора' < *daba-n при монг. daba-ŋan 'горный перевал' etc.; ср. еще тюрк. *jätti < *jädđi, ср.-кор. nīr-kup 'семь' < алт. *n[a]dV);

'восемь': ТМ *ǰa-pku-n : ПЯ *da- (< *ǰa-);

'девять': ТМ *xegü-n : ПЯ *kəkənə- (< *k'ekV-);

'десять': ТМ *ǰuwa-n : ПЯ *təwə (< *ǰuwa);

'сто': ТМ *ńamā : ПЯ *muàmua.

ляться перед носовым (ср. алт. **ńamV* 'мягкий' > ПЯ **ńamià* 'гладкий, скользкий', см. выше, с. 66); однако в большинстве случаев указанное выше распределение рефлексов соблюдается.

В инлаутной позиции в японском *-*ń-* > -*n-*, ср. следующие примеры:

алт. **p(ʼ)ünV* 'запах, нюхать' (ср.-монг. *hünir* 'запах', монг.-письм. *ünür id.*, *ünüri-* 'пахнуть', *ünürle-* 'нюхать'; ТМ **рїń-* 'запах, нюхать', см. ТМС 2, 349) : ПЯ **рána* 'нос' (др.-яп. *pana*, RJ *rána*);

алт. **añE* 'мать, старшая сестра' (тюрк. **añä* 'мать, старшая сестра, тетка', см. VEWT 44; ТМ **eńi-n* 'мать, тетка; самка', см. ТМС 2, 456; ср.-кор. *эńи* 'мать') : ПЯ **ániá* (~ **ániái*) 'старшая сестра' (др.-яп. *ane*, ток. *àne*, киот. *áne*);

алт. **р'añV* 'сосуд': ПЯ **рùná-i* 'лодка, сосуд' (см. выше, с. 64);

алт. **р'eńiV* 'кость': ПЯ **рènià id* (см. выше, с. 64);

алт. **miāńV-m* 'сердце' (см. выше, с. 46) : ПЯ **múnà-i* 'грудь' (др.-яп. *mune*, RJ *múne*) и др.

Примерами на отпадение **ń* в конце слога в ПЯ мы не располагаем.

18. алт. **s* > ПЯ **s*

Ср. следующие примеры:

алт. **sibe* 'заболоченная лужайка, хвощ' (монг.-письм. *siber* 'заболоченная чаща'; ТМ **sibe-* 'хвощ; заболоченная лужайка', см. ТМС 2, 76) : ПЯ **сірà* 'дерн' (ср.-яп. *siba*, RJ *sibà*);

алт. **sikV* 'чаща, заросли' (монг.-письм. *siyui*, халха-монг. *šuguj* 'чаща, роцца'; ТМ **sigü* 'чаща, заросли', см. ТМС 2, 77) : ПЯ **sika-i* 'чаща, заросли' (др.-яп. *sike* 'чаща', *sike-*, RJ *sìgè-si* 'густой /о зарослях/');

алт. **sesV* 'дичь, олень' (ТМ **sesi-n* 'табун, стадо /оленей, диких животных/', см. ТМС 2, 146; ср.-кор. *sàsá-m* 'олень') : др.-яп. *sisi* 'дичь, олень';

алт. **sawe* 'конец' : ПЯ **súwá-i* 'конец, край' (см. выше, с. 66);

алт. **siāri* 'белый' : ПЯ **сіруà id.* (см. выше, с. 69);

алт. **ras(u)* 'сдавливать (пальцами)' : ПЯ **рàsà-mid.* (см. выше, с. 64-65);

алт. **p(ʼ)asi* 'рукоятка' (ср.-монг. *heši*; ТМ **pesi-n* 'рукоятка, черенок /ножа/', см. ТМС 2, 371) : ПЯ **рàsú-i*; (др.-яп. *pasí*, RJ *fási*) 'палочки для еды'.

алт. **siünü* 'пропадать, гаснуть' : ПЯ **сіп-* 'умирать' (см. выше, с. 69);

алт. *siwrV 'вошь': ПЯ *s(u)irá-mí id. (см. *ibid.*);

алт. *sarp'V 'вид орудия': ПЯ *sàrí 'вид сохи' (см. выше, с. 70), и др.

Поскольку вопрос о реконструкции в праалтайском еще двух сибилантов (*š, см. выше, с. 16-17, и *z, см. примеч. 25) пока является открытым, мы не останавливаемся здесь на их потенциальных японских рефлексах.

19. алт. *-j- > ПЯ *-j-

Ср. следующие примеры:

алт. *ojV 'плавать' (монг.-письм. oji-mu; ТМ *uju-, *uji-g-, см. ТМС 2, 252) : ПЯ *ə̀jə̀-(n)k- (~ *ə̀ju; à-(n)k-) id. (ср.-яп. ojog-; RJ òjòg-ú);

алт. *ajV 'бояться, опасаться' (тюрк. *aj-, см. VEWT 10; монг.-письм.aju-, aji-) : ПЯ *ájá- 'опасаться' (др.-яп. aja-bu-m- 'опасаться', aja-ru- 'опасный', RJ ájá-bútm-u, ájá-fu-si);

алт. *ñija 'спать' (см. выше, с. 47-48) : ПЯ *uj- > *uì- (др.-яп. i 'сон', i-na- ~ wi-na- 'спать') (подробнее см. ниже, с. 96), и др.

Во многих случаях, однако, инлаутный *-j-, оказываясь в ауслаутной позиции, в ПЯ выпадал (подобно другим сонорным, см. выше), ср.:

алт. *beje 'человек, мужчина' : ПЯ *bè 'мужчина, самец' (см. выше, с. 65);

алт. *žajV 'стрела, острие' : ПЯ *da 'стрела' (см. выше, с. 74);

ТМ *pujV 'маленький', 'ребенок' : ПЯ *pí 'ребенок' (ср. др.-яп. pi-kuo 'мальчик', pi-mie 'девочка', RJ fi-kò, fi-mè), см. примеч. 93, и др.

20. алт. *k' > ПЯ *k

Ср. алт. *k'ur(V) 'тяжелый, трудный' (ТМ *xur-ge 'тяжелый, трудный', см. ТМС 2, 283-284; ср.-кор. kogă'-oi-ta 'мучиться', kogo'-om 'мука, мучение' /акцентуация не зафиксирована/) : ПЯ *kùrù-si 'трудный, тяжелый, мучительный' (др.-яп. kuru-si, RJ kùrù-si-);

алт. *k'[u]aŋa 'нос' (см. выше, с. 41-42) : ПЯ *ka(N) 'запах, аромат', *ka(n)-k- 'нюхать, обонять'¹⁶⁰;

алт. *k'arV 'кора' : ПЯ *kàrà 'скорлупа, шелуха' (см. выше, с. 70);

алт. *k'ılV 'волос' : ПЯ *ká-i (см. выше, с. 72);

¹⁶⁰ С акцентуацией данного корня не все ясно. RJ фиксирует формы ká (с чем согласуется киот. ká и каг. ká) и kág-ù (с чем согласуются ток. kàgu и каг. kágù); однако формы ток. kà и киот. kàgù указывают на существование в ПЯ варианта *kà(N), *kà(n)k-.

алт. *k'оcV 'коготь, острая палочка' : ПЯ *kùsì 'вертел' (см. выше, с. 73);

алт. *č'ăk'V 'время' : ПЯ *təki (см. выше, с. 72-73);

алт. *č'ōk'í 'бить, колотить' : ПЯ *túk- (см. *ibid.*);

алт. *ña(i)k'e 'требовать, стремиться' : ПЯ *niàkàr- 'желать, стремиться' (см. выше, с. 74);

алт. *kok'ü- 'грудь' (см. выше, с. 30-31) : ПЯ *kə̀kə̀rə̀ 'сердце' (др.-яп. *koogo*, RJ *kòkògò*);

алт. *ak'V 'рот; челюсть' (тюрк. *agi-í 'рот', см. VEWT 8; ср.-кор. *akù* 'рот, дыра, отверстие', *akim-ni* 'клык', совр. *agamí* 'жабры') : др.-яп. *aki*, RJ *ági* (ПЯ *áki) 'верхняя челюсть'; 'жабры', и др.

21. алт. *k > ПЯ *k

Ср. следующие примеры:

алт. *kala 'менять' : ПЯ *kár- 'брать в долг' (см. выше, с. 71);

алт. *kedV 'одевать' : ПЯ *kí(j)- (см. выше, с. 68);

алт. *kăbi 'жевать' : ПЯ *kup- 'есть' (см. выше, с. 66);

алт. *karE 'равнина, долина' : ПЯ *kárí (см. *ibid.*);

алт. *kok'ü- 'грудь' : ПЯ *kə̀kə̀rə̀ 'сердце' (см. выше, с. 76);

алт. *daKa- 'близкий' : ПЯ *tikà- (см. выше, с. 68);

алт. *dakV 'жечь' : ПЯ *dák- ~ *ták- (см. *ibid.*);

алт. *žukV 'угол, направление' : ПЯ *dákə̀ 'сторона' (см. выше, с. 73-74);

алт. *sikV 'чаща, заросли' : ПЯ *sikà-i (см. выше, с. 75);

алт. *poki- 'почки; мошонка' : ПЯ *rú(n)kúgì 'мошонка' (см. выше, с. 65), и др.

22. алт. *g > ПЯ *k-, -0- (-i-, -u-)

Ср. следующие примеры:

алт. *gāfV 'гусь, лебедь' (тюрк. *kāf 'гусь', см. VEWT 243; ТМ *gārV 'лебедь; филин', см. ТМС 1, 142-143) : ПЯ *karí 'дикий гусь' (др.-яп. *kari*, RJ *kàrì*¹⁶¹);

алт. *gūrV 'красивый' : ПЯ *kuarə̀- 'любить, дорожить' (см. выше, с. 65);

алт. *gowVIV 'долина' : ПЯ *kùruá (см. выше, с. 66);

алт. *gedV 'зад' : ПЯ *kítà 'север' (см. выше, с. 68);

¹⁶¹ С акцентуацией RJ соотносится токийская форма *kárgi*; но киот. (*kárgi*) и каг. (*kárgi*) формы указывают на ПЯ *kárí. Не вполне ясно, как к этому корню относится ср.-кор. *kə̀jú*, *kə̀júu* (< *kə̀rgju?) 'домашний гусь'.

алт. *göpV 'преследовать; просить' (тюрк. *kob- 'гнать, преследовать', см. VEWT 275; ср.-монг. qiju-, монг.-письм. үйю- 'искать, просить'; ТМ *gob-, *gob-жа 'охотиться, соболевать', см. ТМС 1, 157) : ПЯ *kär- 'просить, домогаться' (др.-яп. кор-, RJ kəf-ú);

алт. *ogE 'верх' (ср.-монг. öʒe-, монг.-письм. öge-; ТМ *ug-ī, см. ТМС 2, 245-246; ср.-кор. ù(h)) : ПЯ *ú-ра- 'верх' /*ра 'место'/ (др.-яп. уре, ура-, RJ úfè ~ úfé);

алт. *sägV 'солнце' (см. выше, с. 47) : ПЯ *suàrá (< *sVga-ra) 'небо' (др.-яп. suoga, ток. sóga, киот. sógà, каг. sòrá);

алт. *buga 'место' (? монг.-письм. boi-d ~ bui-d 'отдаленный, захолустный'; ТМ *buga 'место, местность', см. ТМС 1, 100-101; ср.-кор. rá 'место') : ПЯ *rà (RJ bà) 'место';

алт. *begi 'мерзнуть' : ПЯ *pì 'лед', *pìjV 'замерзать, остывать' (см. выше, с. 65-66);

алт. *čuaE 'менять, обменивать' (см. выше, с. 13) : др.-яп. te (< *tai) 'плата; товар', и др.

23. алт. *ŋ > ПЯ *0-, -n- ~ -m-

Ср. для анлаутной позиции:

алт. *ŋinta 'собака' : ПЯ *inù (см. выше, с. 68);

алт. *ŋ[e]nV 'идти, двигаться' : ПЯ *ín- 'уходить' (см. выше, с. 69);

алт. *ŋüja 'спать' : ПЯ *ui- (см. выше, с. 76);

алт. *ŋiänV- 'дразнить, угрожать' (см. выше, с. 18) : ПЯ *áná- (др.-яп. ana-tur, RJ áná-dur-ù) 'дразнить, презирать';

ТМ *ŋarma- 'комар' (см. ТМС 1, 657) : ПЯ *ámû 'овод, слепень' (др.-яп. amu, RJ àbú ~ àbù).

В некоторых случаях (но только при наличии последующего носового) носовой в анлауте сохраняется, ср.:

ТМ *ŋuāŋ-ta 'ель, пихта' (см. ТМС 1, 657-658) : ПЯ *mèmi (~ *muàmì) 'пихта' (др.-яп. m(u)omi, RJ mòmi);

алт. *ŋüŋte 'корень' (см. выше, с. 37) : ПЯ *mètè (др.-яп. moto, RJ mòtò) id;

алт. *ŋia- 'что' (см. выше, с. 52) : ПЯ *nà-ni 'что' (однако имеются и варианты той же основы *à-, *ì- с регулярным отпадением *ŋ-; подробнее см. ниже, с. 99). В инлаутной позиции наблюдается колебание *-n- и *-m-, ср.:

алт. *aŋa 'дыра, отверстие' (тюрк. *aŋ- ~ *äŋ- 'быть широко открытым', см. VEWT 21a; монг.-письм. aŋ 'дыра, щель'; ТМ *āŋa- 'пасть,

щель; открывать, разевать', см. ТМС 1, 45) : ПЯ *àà 'дыра' (др.-яп. ana, RJ àà);

алт. *sVŋü 'снег, иней' (тюрк. *säŋ 'льдина, льдинка', см. VEWT 410; монг.-письм. sōŋ 'весенний лед'; ТМ *süŋü 'снег, иней', см. ТМС 2,90-91) : ПЯ *sìmə (~ *sìmuà) 'иней' (др.-яп. sim(u)o, ток. shimó, киот. shímò, каг. shimó);

алт. *ŋaŋV 'орех' : ПЯ *mómó 'персик' (см. выше, с. 74), и др.

В случае отпадения гласного второго слога инлаутный *-ŋ-, оказываясь в ауслауте, отпадал, подобно другим сонантам (см. выше о *n, *l, *r). Впрочем, возможно, что он сохранялся в виде нейтрального носового *-N, впоследствии также отпавшего (в имеющихся примерах отсутствуют рефлексы диалекта Хатэрума, позволяющие различить ПЯ *-N и *-0). Ср. алт. *k[u]aŋa 'нос' > ПЯ *ka(N) 'запах, аромат' (см. выше, с. 76), а также следующий пример:

алт. *koŋV 'ребенок' (ТМ *kuŋǎ, см. ТМС 1, 433; ср.-монг. köŋ-ün) : ПЯ *kuá(N) 'ребенок' (др.-яп. kuo, RJ kó).

В виде таблицы рефлексы алтайских согласных в ПЯ можно представить следующим образом:

ПА	ПЯ	ПА	ПЯ
*p'	*p	*l	*n-, *-r-
*p	*p	*-l'	*-s-
*b	*p ~ *b	*č'	*t
*m	*m	*č	*t-, *-s-
*-w-	*-w- (~ -0-)	*ž	*d(-j-)
*t'	*t	*ń	*n-/m-, *-n-
*t	*t ~ *d(-j-)	*s	*s
*d	*t ~ *d(-j-)	*-j-	*-j- (~ -0-)
*n	*n	*k'	*k
*-r-	*-t-/*-r-	*k	*k
*-r'	*-t-/*-r-	*g	*k-, -0- (-i-, -u-)
		*ŋ	*0-, -n- ~ -m-

ГЛАСНЫЕ

В силу того, что алтайский вокализм пока восстановлен хуже, чем алтайский консонантизм, естественно, что рефлексация гласных в японском пока установлена без абсолютной точности. В частности, система соответствий, которая предложена в [Miller-Street 1975, 148-

149], практически не работает (исключений оказывается в целом больше, чем "регулярных" случаев). Совершенно неясны пока также рефлексы в японском языке гласных второго слога.

Тем не менее в настоящее время представляется возможным определение в общих чертах рефлексации алтайского вокализма 1-го слога в праяпонском. За исключением гласного *i (реконструкция которого в алтайском вообще находится под вопросом и рефлексы которого в японском неясны), соответствия между алтайскими и японскими гласными можно изобразить в следующем виде:

ПА	ПЯ
*i	*i ~ *ə
*e	*i ~ *ə ¹⁶²

¹⁶² По-видимому, *ə перед палатализованными согласными, а *i - в прочих случаях. Ср. *p'eíV 'кость' > *p'ènià, *beje 'мужчина' > *bə, *k'eíV 'поясница' > *kási, но *begi 'мерзнуть' > *pì(j)V, *gedV 'зад' > *kítà, *kedV 'одевать' > *kí(j)-, *ŋ[e]nV 'идти' > *ín-, *sesV 'олень' > *sisi.

В двух пока известных нам случаях рефлексации долгого *ē японский имеет *a перед твердым, ср. *kētV 'идти', '(y)ходить' > *kájua-p-, но *i перед палатализованным (*sēfV > *sír-).

ПА	ПЯ
*ä, *a	*a ~ *ə ¹⁶³
*ü	*u ¹⁶⁴
*ö	*ə
*u, *o	*u ~ *ə ¹⁶⁵

¹⁶³ Алтайские гласные *a и *ä (предположительно различающиеся по ТМ и корейским рефлексам, см. выше, с. 23) в японском как будто бы совпадают. При этом в колоссальном большинстве случаев выступает рефлекс *a, и лишь в сравнительно немногих случаях наблюдается *ə. В самом японском материале нередко встречается чередование *a ~ *ə в дублетных случаях типа др.-яп. *tawam-* ~ *towom-* 'гнутья', *kata-g-* 'рассказывать' ~ *koto* 'слово, речь' и т.п. (см., например, [Оно 1953, 69 и дал.]). По-видимому, вариант *ə является здесь вторичным (возможно, налицо результат старых диалектальных взаимодействий).

Довольно часто (хотя отнюдь не всегда) в соседстве с лабиальным согласным или в качестве элемента дифтонга *ua (*au) гласный *a в ПЯ переходит в *u. Ср. **lāmu* 'водоем' > **númà*, **sawe-* 'конец' > **súwá-*, **čawVfV* 'горький' > **túrá-*, **t'āmV* 'накладывать' > **túm-*, **t'a(u)* 'пять' > *(i)-*tu-*, **k(')ara* 'черный' > **kùruà-*, **maŋE* 'пестрый, пятно' > **múrá*, **čuāV* 'лоза' > **túrù*, **miāñV-* 'сердце, грудь' > **múnà-*; для алт. *ä ср. **p'āñV* 'сосуд' > **rúná-*, **k'abi* 'жевать' > **kir'est'*. При отсутствии рядом с *a губных согласных подобный переход полностью отсутствует.

Наконец, в соседстве с палатализованными согласными или в качестве элемента дифтонга *ia гласный *a может в ПЯ переходить в *i. Ср. **siāñi* 'белый' > **sìruà-*, **č'ajVžV* 'грудь' > **tiji* ~ **titi*. В одном случае (**daika* 'близкий' > **tika-*) этот переход происходит в иных условиях и неясно, что его вызвало (не следует ли алтайскую праформу для этого слова восстанавливать в виде **daika-*?).

Подчернем еще раз, что переходы *a > u и *a > i в ПЯ являются факкультативными; в подавляющем большинстве случаев на месте ПА гласных *a, *ä в ПЯ имеем просто *a.

¹⁶⁴ В слове 'вода' (**mūgi* > **mi*) налицо рефлекс i, очевидно, объясняющийся отпадением второго слога; во всех прочих известных нам случаях алт. *ü > ПЯ *u.

¹⁶⁵ Принципы распределения между рефlekсами *u и *ə в японском пока неясны (и тех, и других случаев примерно поровну).

В соседстве с палатализованными согласными или в составе дифтонгов с *i алтайские гласные *u и *o, как правило, упередняются и переходят в *i. Ср. **bui-* 'быть' > **bí-*, **siünü* 'пропадать, гаснуть' > **sín-* 'умирать', **suč'V* (~ -o-) 'следовать' > **sítá-(n)káp-*, **kuč'ü* 'сила' > **kisV*, **tiōla* 'камень' > *(d)isi etc.

Ясно, что по мере уточнения реконструкции алтайского вокализма будут уточняться и правила рефлексии алтайских гласных в японском. Тем не менее, уже сейчас очевидно, что японский вокализм и вокализм других алтайских языков в целом вполне допускают построение системы взаимных регулярных соответствий.

ПРОСОДИЯ

Протоалтайская акцентная система до сих пор не восстанавливалась. Это объясняется, прежде всего, недостатком информации по акцентным системам тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В настоящее время остается только надеяться на то, что будущие исследования заполнят эту важную лауну в исторической фонетике алтайских языков.

Достаточно подробной акцентологической информацией мы располагаем только для корейского (где известна система среднекорейской акцентуации) и японского (где реконструирована ПЯ акцентная система и имеются акцентные записи уже с начала 12 века). Сопоставлению среднеяпонской (по словарю "Руйдзюмэйгисе") и среднекорейской акцентных систем посвящена недавняя работа проф. Мураямы [Мураяма 1984]. На основании сравнения акцентуации заимствованных слов (скорее всего, при этом, заимствованных из корейского в японский) проф. Мураяма приходит к выводу, что в них корейская и японская акцентовки практически полностью совпадают (т. е. ср.-кор. низкому тону соответствует в ср.-яп. низкий, ср.-кор. высокому - ср.-яп. высокий; ср.-кор. третьему ("долгому") тону, происходящему, по мнению проф. Мураямы, из стяжения последовательности низкого и высокого тонов, в ср.-яп. соответствует именно такая последовательность). Примеры, приводимые в работе, весьма убедительны (ср.-яп. fòtdkè 'Будда' : ср.-кор. pùthjè; ср.-яп. térà 'храм' : ср.-кор. tjér; ср.-яп. kòfòrì 'губерния, префектура' : ср.-кор. kòr; ср.-яп. náta :

Наконец, долгий *i регулярно (а долгий *ō часто - хотя и не всегда) расширяется и переходит в ПЯ *a или дифтонгоид *ua. Ср. *t'ülkE > *tuara 'тигр', *tül()V 'ночь' > *duà, *gūrV 'красивый', 'любить' > *kuarə-, *p(')ññV 'запах', 'нюхать' > *ráná 'нос', *ōt'V 'горячий' > *ātù-, etc. Следует заметить, что этот процесс в истории японского языка происходил, очевидно, позже упреждения *u > *i рядом с мягкими согласными (иначе ожидалось бы развитие типа *siünü- > *s(u)an- 'умирать' и т.п.).

ср.-кор. *nát* 'серп' etc.).

Однако далее проф. Мураяма, переходя к рассмотрению акцентных соответствий в исконно родственной японской и корейской лексике, утверждает, что и в этом лексическом слое налицо такая же система соответствий. Это демонстрируется на 16 примерах, не все из которых, по нашему мнению, являются доказательными. Так, ср.-кор. отрицательный глагол *àní-* следует сопоставлять не со ср.-яп. *àní* 'как, разве' (данное слово является, по-видимому, вариантом вопросительного местоимения *nàní* 'что', см. ниже, с. 99), но со ср.-яп. отрицательным прилагательным *nà-* (см. ниже, с. 91); ср.-кор. *kāt-* 'ходить' следует сопоставлять не со ср.-яп. *kàtí* 'хождение пешком', но со ср.-яп. *kájōf-i* 'ходить' (см. выше, с. 68); ср.-кор. *ù(h)* 'верх' скорее следует сопоставлять не со ср.-яп. *òkòsú* 'поднимать', но со ср.-яп. *ú-fè* 'верх' (см. выше, с. 77)¹⁶⁶; распространенное сближение ср.-кор. *kàs* 'вещь' и ср.-яп. *kòtò* 'дело' следует, по-видимому, отвергнуть, поскольку соответствие кор. -s : яп. -t больше не наблюдается ни в одном известном нам сколько-нибудь надежном случае; то же самое следует сказать о сопоставлении ср.-кор. *čjāk-*, *čjāk-* 'маленький' со ср.-яп. *sukó-si* 'мало', *sùkù-nà-sí* 'немногий' (соответствие кор. č- : яп. s-, по-видимому, отсутствует); ср.-кор. *rjé* 'рис' следует сопоставлять не со ср.-яп. *fijé* 'куриное просо'¹⁶⁷, но со ср.-яп. *ifí* 'вареный рис'; наконец, вряд ли заслуживает одобрения сопоставление ср.-кор. *ní* 'зуб' со ср.-яп. *ní-* в *níkám-ù* 'спорить, браниться, пререкается'. Для ср.-кор. *kāt(h)-* 'быть похожим', сопоставляемого со ср.-яп. *-gótò-si* 'похожий', зафиксирована также акцентная запись *kāt(h)* (см. КС 28), так что этот случай двусмыслен.

Остается восемь примеров, демонстрирующих акцентные соотношения по правилам, предложенным проф. Мураямой: ср.-кор. *kòč* 'цветок' : ср.-яп. *kùsà* 'трава'; ср.-кор. *èr-* 'нести на плечах' : ср.-яп. *òf-ú id.*; ср.-кор. *ràrk-* 'светлый' : ср.-яп. *fàrè-* 'проясняться (о погоде)'; ср.-кор. *ír* 'рот' : ср.-яп. *if-ù* 'говорить', ср.-кор. *mír* 'вода' : ср.-яп. *mí- id.*; ср.-кор. *móm* 'тело' : ср.-яп. *mí id.*; ср.-кор. *kōr-* 'красивый' : ср.-яп.

¹⁶⁶ Проф. Мураяма [Мураяма 1984, 123] обсуждает обе эти этимологии, но выбирает сравнение *ù(h)* с *òkò-sú*, очевидно, по акцентным соображениям. Заметим, что это сопоставление вряд ли возможно по фонетическим причинам (алт. *ogE 'верх', к которому восходит *ù(h)*, содержит звонкий инлутный -g-, регулярно выпадающий в японском).

¹⁶⁷ Последнее, скорее всего, представляет собой раннее заимствование из ср.-кит. *bāj* 'куриное просо' (др.-кит. *brē-s).

kùfà-sí 'красивый, милый'; ср.-кор. sǽm 'остров' : ср.-яп. sìma id. К ним мы можем добавить еще некоторое количество примеров:

а) кор. низкий тон : японский низкий тон

kə̀r̀hí ~ kə̀r̀hír : ПЯ kàrà 'кора' (см. выше, с. 64; но ср. тж. примеч. 131);

r̀nì 'толстый, сытый' : ПЯ *r̀tùtù- 'толстый' (см. выше, с. 65);

č̀r 'дом' : ПЯ *(d)ìrìà (см. выше, с. 66);

pàr 'нечто сырое' : ПЯ *nà '[сырые] овощи' (см. выше, с. 72);

njə̀kí- 'считать (что.-л. чем.-л.) : ПЯ *niàkà-р- 'желать, стремиться (к чему-либо)' (см. выше, с. 74);

б) кор. высокий тон : японский высокий тон

kúí 'ухо' : ПЯ *kí-к- 'слышать' (см. выше, с. 72);

с) кор. "долгий" тон : японский низкий тон

kōg 'долина' : ПЯ *kùguá 'небольшая возвышенность' (см. выше, с. 66);

tə̀r-ə̀r- 'быть грязным', tə̀r-m- 'пачкаться' : ПЯ *tùtì 'земля' (см. выше, с. 67).

Однако все эти примеры оказываются в абсолютном меньшинстве по сравнению с основной массой японско-корейских сходений, в которых обнаруживается диаметрально противоположная система соответствий в первых слогах, а именно:

кор.	яп.
` (низкий тон)	' (высокий тон)
' (высокий тон)	` (низкий тон)
- ("долгий" тон)	' (высокий тон)

Ср. по материалу, приведенному выше (с. 64-78):

А) ср.-кор. низкий тон : ПЯ высокий тон

pàth : ráta 'поле'; r̀r : r̀r(n)kúgì 'мошонка'; t̀ark 'курица' : t̀gí 'птица'; th̀à- : dák-, ták- 'жечь'; nà́- 'продвигаться вперед' : ìn- 'уходить'; č̀ur 'веревка; линия': túgá 'линия'; č̀öch- : síta-(n)káp- 'следовать'; ù(h) : ú-ра- 'верх'; r̀gì : ráti 'пчела'; mòró : m̀gí 'лес'; pàtán : pátá 'край'; nìró- ~ nìg̀à- : nə̀r- 'называть, возвещать'; njə̀gím : nàtú 'лето'; č̀gà- : tár- 'быть достаточным'; kàg̀à- : kár- 'менять, брать в долг'; h̀gí : késí 'поясница'; t̀gà 'другой' : d̀ésə 'другая сторона'; č̀urkú : túgù 'лоза'; ə̀nì : ániá 'старшая сестра'; m̀g̀am 'сердце' : m̀npà- 'грудь'; àkùì 'рот', àkím-ní 'клык' : ákì 'челюсть'. Ср. также пə̀ 'ты': ПЯ *ná (см. ниже, с. 97); th̀op 'коготь' : ПЯ *túma (см. ниже, с. 92); m̀kə̀- 'тяжелый' : ПЯ *ə̀mə (см. ниже, с. 98);

kjət(h) 'сторона' : ПЯ *kátà; tǎrǐ- 'сопровождать' : ПЯ *túra-, и др.

В) ср.-кор. высокий тон : ПЯ низкий тон

rǎi : rùnǎ- 'лодка'; s-rjǎ : rǎnià 'кость'; rǎr : rǎ(n)kì 'нога'; rǎi : rǎrà 'живот'; mǎr : mǎsù 'мерка'; mǐrh : mǔnkí 'ячмень'; hǎi- : sìruà- 'белый'; rǐr : rǎ- 'огонь'; sǎgr : sǎrǐ 'лопата, мотыга'; kǎr- : kǎsù-r- 'царапать, скрести'; čǎč : tì, tìtì 'грудь'; nú-n : mǎ(i)N 'глаз'; hǎi 'солнце' : suà-rǎ 'небо'; rǎ : rǎ 'место'; nú- : mǎ- 'что'; rhǎrǐ : rǎrà 'поле, равнина'; ú-rǐ 'мы' : bà- 'я'; túrǐmǐ : túrǐ 'журавль'; čǐrkǎr : jǎrkǎr- 'радоваться'. Ср. также rǎjǎm : ПЯ *rǎimǐ 'змея' (см. ниже, с. 87); tǎr : ПЯ *tǔkiùN 'луна' (см. ниже, с. 89-90); sǎrh : ПЯ *sǐsǐ 'мясо' (см. ниже, с. 90-91); kúrǔm : ПЯ *kǔmǔà-N 'облако' (см. ниже, с. 93); rǎrǎ 'надеяться, просить' : ПЯ *rǎr- 'желать'; thǎk 'холм' : ПЯ *tǎkǎ- 'холм; высокий'; ành 'середина' : ПЯ *nǎkǎ id., и др.

С) ср.-кор. "долгий" тон : ПЯ высокий тон

rǎr (вариант rǎrǐ, см. выше) : rǎrǐ 'пчела'; mǔi 'гора' (вариант mǔgǔ, см. выше) : mǎrǐ 'лес', *čǎr- 'быть соленым' : túrǎ 'горький, противный'; tǎm- : túm- 'накладывать'; tǔrh : *(d)ǐsǐ 'камень'; kǎt- : kǎjuǎ-r- 'ходить'; nǐ-r- : nǎ- 'лежать'; *rǎr- : rǎrǎ- 'устанавливать, истощаться'; kǎr-kǐ 'грива' : kǎ-i 'волос'. Ср. еще kǐ 'этот' : ПЯ *kǐ (см. ниже, с. 99); rǎrǎ 'звезда' : ПЯ *rǎrǐ (см. ниже, с. 86), и др.

Таким образом, несмотря на некоторое количество исключений, в основном корпусе корейско-японских лексических совпадений устанавливаются вполне строгие регулярные акцентные соответствия, позволяющие реконструировать по крайней мере прото-корейско-японскую систему тональных оппозиций на 1-м слоге. Она, видимо, состояла из двух тонов (*А и *В; к сожалению, из-за "контрастности" соответствий между японским и корейским сейчас вряд ли еще можно дать этим реконструируемым тонам фонетическую интерпретацию). Соответствие С, судя по всему, отражает тон *А (ПЯ *) на долгих гласных. Что касается четвертой возможности, т. е. тона *В (> ПЯ *) на долгих гласных, то такая комбинация, очевидно, также существовала; об этом можно судить хотя бы по тому, что алтайским корням с долгими гласными достаточно часто соответствуют японские корни с низким тоном¹⁶⁸ (и, соответственно, корейские с высо-

¹⁶⁸ Проф. Мураяма в работе [Мураяма 1983] привел японо-алтайские соответствия, указывающие, по его мнению, на то, что алтайской долготы соответствует в среднеяпонском (и в ПЯ) высокий тон на первом слоге, а алтайской краткости - низкий тон на первом слоге. Однако критическое рассмотрение материала показывает, что прямой корреляции между алтайской долготой и ПЯ тонами не существует; ср. многочисленные

ким). По всей видимости, в протокорейском происходил вторичный процесс сокращения долгих гласных при тоне *В, в результате чего мы в настоящее время по корейским и японским данным уже не можем различить противопоставление по долготе при этом тональном соответствии¹⁶⁹.

На основании всего изложенного выше мы вправе констатировать, что между японским и алтайскими языками устанавливается регулярная система соответствий во всех сферах фонологической системы (в области консонантизма, вокализма и просодии). Однако для доказательства алтайской принадлежности японского языка требуется еще лексикостатистическая обработка японского материала, которой мы и займемся ниже.

ЛЕКСИКОСТАТИСТИКА НА МАТЕРИАЛЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Лексикостатистические подсчеты на материале японского языка производились неоднократно (см. [Хаттори 1959^a; Мураяма 1974^a; Го 1980, и др.]); при этом японский сравнивался не только с алтайскими языками, но и с самыми разнообразными другими семьями - от австронезийских до папуасских. Большинство этих попыток не заслуживает сколько-нибудь пристального внимания, поскольку в них игнорируется фундаментальный принцип лексикостатистики, о котором мы говорили выше, а именно: подсчитываются совпадения без предварительного установления фонетических соответствий.

Рассмотрим критически имеющиеся случаи совпадений между японским и алтайскими языками в пределах 110-словного списка, используемого в настоящей работе (см. выше, с. 24-25):

долготой и ПЯ тонами не существует; ср. многочисленные примеры соответствий любого типа выше (алт. *p'āgī 'пчела' : ПЯ *pátí; алт. *p'ālV 'равнина' : ПЯ *pàrà; алт. *paíkV 'нога' : ПЯ *pà(n)kì; алт. *kapE 'долина' : ПЯ *kárí и т. д.). Таким образом, если корейско-японские тоны проецировать в общеалтайское состояние, то нужно считать, что в общеалтайском существовали независимые оппозиции по долготе-краткости и высокому/ низкому тону.

¹⁶⁹ Возможно, те сравнительно немногочисленные случаи, когда корейскому "долгому" тону соответствует в ПЯ низкий тон (kōr- 'красивый' : ПЯ *kuār-; sjēm 'остров' : ПЯ *sìmà; kōr 'долина' : ПЯ *kùguá; tēr- 'быть грязным' : ПЯ *tùtì 'земля'; ср. еще kōm 'медведь' : ПЯ *kùmà; pír- 'дуть' : ПЯ *pùk-) представляют собой на самом деле архаизмы, в которых по неясным пока причинам не произошло сокращения долгот при тоне *В.

1. "белый": ПЯ *sìruà- (др.-яп. *siruo-*, RJ *sìròsi*) : алт. *siāri- (тюрк. *sāri-g*, ср.-кор. *hǎi-*, см. выше, с. 25). См. выше, с. 69.

Японскую и монгольскую форму (*sira* 'желтый', см. выше *ibid.*) сравнивал в ранних работах проф. Мураяма (см., напр., [Мураяма 1966, 155]), но позднее ([Мураяма 1974^a, 99; 1974^b, 161; 1975, 180]) он отказался от этой этимологии в пользу сравнения др.-яп. *siruo-* с ПАН *t'ilak 'луч, светить'¹⁷⁰; ту же этимологию см. [Кавамото 1977, 45]. Основание для отказа от алтайской этимологии, выдвинутое Мураямой, - несовпадение в значениях ('желтый' - 'белый') - само по себе довольно слабое, отпадает при определении более древнего алтайского значения (именно 'белый, светлый', а не 'желтый'). П. Бенедикт [Benedict 1985, 171] предлагает иную австронезийскую этимологию: ПАТ *xilas 'белый', восстанавливаемое им на основании прототайваньского *qilas 'луна' и мяо-яо *hla ~ *hlay 'луна, белый' (заметим, что мяо-яо *hla 'луна' - вероятно, тибето-бирманизм). Вся эта этимология представляется очень сомнительной.

2. "близкий": ПЯ *tikà- : алт. *daka (тюрк. *jag-uk, *jak-in, ТМ *daga, см. выше, с. 25-26).

См. выше, с. 68. Ранее данное сближение как будто бы не предлагалось. Р. А. Миллер [Miller 1971, 85] сопоставляет алтайские формы с др.-яп. *tagari-ni* 'взаимно' (от глагола *tagar-u* 'отличаться друг от друга'), что явно неприемлемо.

3. "весь, все": ПЯ *múi-nà (др.-яп. *miina*, RJ *mínà*) : алт. *mut'Е (тюрк. *büt-ün, ср.-кор. *mòtǎ-n*, *mòtá*, см. выше, с. 26).

Др.-яп. *miina* 'все' явно связано с др.-яп. *muta* 'вместе', а потому возможно возведение *miina* к *múina < *mút-nà (= ср.-кор. *mòtǎn*). С другой стороны, возможно, что в формах *miina* и *muta* нужно усматривать общий корень *mu(i)- с разной аффиксацией (алтайскую основу *mut'Е в таком случае нужно также признать членимой: см. об этом выше, с. 26). В любом случае сближение японской и алтайской форм представляется весьма вероятным.

Одзава сравнивает др.-яп. *muta* с монг.-писъм. *bultu* 'все' [Одзава 1968, 29], что вряд ли возможно по фонетическим причинам

¹⁷⁰ Здесь и ниже мы цитируем праавстронезийские формы в реконструкции [Demrwofff 1938]; если имеется переинтерпретция соответствующей праформы в работе [Duyn, McFarland 1970], мы приводим и ее с пометой ДМС.

(монг. *b-* не соответствует яп. *m-*).

4. "вода": ПЯ **mí* : алт. **mūri* (ТМ **mí*, ср.-кор. *mír*, см. выше с. 27).

Др.-яп. форма *mí* регулярно выступает в составе сложений (см. JB 694); в самостоятельной функции выступает суффиксированная форма *mí-du* (RJ *midu*). См. выше, с. 66.

См. [Оно 1953, 74] (яп. ~ кор.), [Martin 1966, 246] (яп. ~ кор. ~ монг. ~ ТМ), [Мураяма 1974^a, 170; 1983, 14]. Несомненно, неверно сопоставление др.-яп. *midu* с монг. *usun* 'вода', предложенное [Одзава 1968, 143-147], критику см. [Miller 1971, 74]. Однако сравнение Р. А. Миллера [ibid., 146] японского и корейского слов с тюрк. **jē-mí(č)* 'фрукты, овощи' основано на недоразумении (тюркское слово является производным с продуктивным суффиксом **-mí(č)* от корня **jē* 'есть' и означает собственно 'еда'). Крайне сомнительно сопоставление П. Бенедиктом [Бенедикт 1985, 156] японского слова с прото-атайским **bíyuq* 'сок'. Совсем фантастична этимология Кавамото : яп. *midu* ~ ПАН /*t/ubi* 'водная глубь' [Kawamoto 1977, 33].

5. "волос": ПЯ **ká-i* (др.-яп. *ke*, RJ *ké*) : алт. **k'íV* (тюрк. **kí*, ТМ **xíl-᠓a-*, см. выше, с. 28).

См. выше, с. 72. Японско-алтайское сближение см. РКЕ 84 (яп. ~ кор. ~ тюрк. ~ монг.), [Оно 1953, 77] (яп. ~ кор.), [Miller 1971, 71] (яп. ~ монг. ~ тюрк.), [Мураяма 1962, 8-9, примеч. 1]. Критику (но без альтернативных этимологий) японо-алтайского сравнения см. [Мураяма 1974, 12-6].

Кавамото [Kawamoto 1977, 26], а вслед за ним П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 160] сравнивают японскую форму с ПАН **kavad* 'волокно', полинез. **ma-kawa* 'борода', что вряд ли приемлемо. В другом месте той же работы П. Бенедикт сравнивает тот же корень с тайским **hmōu* 'борода, волосы на теле' [Бенедикт 1985, 192], что нам представляется еще более сомнительным.

6. "вошь": ПЯ **s(u)irá-mí* (др.-яп. *sirami*, RJ *sirámí*) : монг.-письм. *sirke* 'вошь (на животных)' < алт. **siwtV* (см. выше, с. 69).

В монгольском ср. еще халха-монг. *širx*, калм. *širkə* 'вошь (на животных)'.
 К этому же корню относится тюрк. **sirkä* 'гнида' (др.-тюрк. *sirkä*, тур. *sirkä*, тат. *sərkä*, чув. *šärga* etc., см. VEWT 432, EDT 850), а

также ТМ *sīra 'блоха' (сол. soga, нег. sōja, ороц. sia ~ siwa, уд. sua, орок. sūra, ульч. sūra, нан. soga, маньчж. suran, см. ТМС 2, 112; ср. еще ульч. sīlma < *si(u)r-ma 'вошь', см. ТМС 2, 85).

См. VEWT 432 (тюрк. ~ монг. ~ ТМ); далее см. МССНЯ 336 (нос. */ś/ajrV 'гнида', откуда, кроме алтайских форм, также урал. *śa(j)r-kV, *śajwVr 'гнида', драв. *cīr id., (?) груз. žil- id.). Японский корень, насколько нам известно, ранее к сравнению не привлекался.

7. "глаз": ПЯ *màN-i : алт. *ńiā (монг. ni-dün, ТМ *ńiā-sa, ср.-кор. nú-n, см. выше, с. 29).

Обоснование развития алт. *ń- > ПЯ *m- см. выше, с. 74. В ПЯ к исходной основе *màN (со старым суффиксом -N; *mà-N = кор. nú-n) был добавлен еще продуктивный суффикс -i (первоначально, вероятно, показатель номинатива), который после отпадения конечного -N слился с гласным корня *maN-i > *mai > др.-яп. me (ток. mé, киот. mē, каг. mē, хат. mīj); бессуффиксальная форма ma- (< *maN) сохраняется в др.-яп. в многочисленных сложениях (ma-buta 'веки' и т.п.). Тот же корень (но с иным развитием алтайского дифтонга *iā) представлен в ПЯ *mì- 'видеть' (др.-яп. mī-, RJ mīrú)¹⁷¹.

Несомненно, тот же корень представлен в ПЯ *nà-mì-(n)ta 'слеза' ('глазная вода', ср. др.-яп. namita ~ namida, RJ nàmídá ~ nàmítá). Характерно, что здесь морфема 'глаз' выступает в виде *nà- с развитием алт. *ń- > ПЯ *n-; вероятно, в данном архаичном сложении корень *ńiā выступал без носового суффикса, что обусловило отсутствие перехода *ń- > m- (возможно, впрочем, и предположение о вторичной диссимилиации в ПЯ: *nà-mì(n)ta < *mà-mì(n)ta). Аналогичное сложение 'глаз + вода' = 'слеза' представлено во всех алтайских языках (см.

¹⁷¹ Обращает на себя внимание тот интересный факт, что в протояпонском языке основы всех глаголов, обозначающих функции органов, расположенных на голове, образовывались от названий частей тела. В др.-яп. сохранилась единственная такая пара (me 'глаз' : mī- 'видеть'), но раньше их было, несомненно, больше, ср.:

др.-яп. ír- 'говорить' < *ír- 'рот', ср. ср.-кор. ír 'рот' (др.-яп. kuti 'рот' - вторичное новообразование, связанное со ср.-кор. kút 'дыра, отверстие');

др.-яп. ki-k- 'слышать' < *ki 'ухо', ср. ср.-кор. kii 'ухо' (< алт. *k'üjlu, см. выше, с. 50; др.-яп. mimi 'ухо' новообразование неясного происхождения);

др.-яп. ka-k- ~ ka-g- 'нюхать, обонять' < *ka(N) 'нос', ср. ср.-кор. kó 'нос' (< алт. *k'[u]aŋa, см. выше, с. 41-42; др.-яп. rapa 'нос' - новообразование от алтайского корня *p()uñV 'запах, нюхать', см. выше, с. 75).

выше, с. 29); сближение японской и ТМ форм см. [Сыромятников 1971, 55].

Часто предлагается сравнение яп. *me* с ПАН **mataʔ*, (DM) **maCaʔ* 'глаз' (в последнее время см. [Kawamoto 1977, 26, Бенедикт 1985, 169]), однако отпадение конечного слога в японском, по-видимому, при этом объяснить не удастся. С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 114-116, 153-154]) предложил считать старой форму *mana-*, встречающуюся в др.-яп. сложениях типа *mana-kuo* 'зрачок' и т. п., и выводить *mana-* < **mana-na* < **maTa-na*. Однако, без всякого сомнения, *-na* здесь является модификацией показателя генитива по (ср. аналогичное *-na* в др.-яп. *mi-na-moto* 'источник', *ta-na-kokogo* 'ладонь' и т.п.).

Анализ др.-яп. *namita* 'слеза', предложенный там же, также не выдерживает критики (проф. Мураяма предлагает считать, что здесь *na-* - 'вода', а *-mita* - старая форма слова 'глаз'). Ясно, что *namita* нельзя отделять от родственных алтайских форм типа ср.-кор. *nún-mín*, эвенк. *inamukta* 'слеза' и др. (см. выше).

Др.-яп. 'видеть' П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 177] весьма сомнительным путем сопоставляет с ПАТ *kitraʔ* 'видеть' (ПАН **kiʔaʔ*, (DM) **kiʔaʔ*, но в атаяльском формы *kitaʔ* ~ *mitaʔ*, якобы < **k-m-itaʔ*, откуда и яп. *m-* ???). Кавамото дает не менее фантастическое сближение с ПАН **ʔilav*, (DMC) **ʔilaw* (с префиксом **m-* ?) 'отражение, отражаться' [Kawamoto 1977, 17].

8. "год": ПЯ **tə̀si* (др.-яп. *tosi*, RJ *tòsi*; ПЯ **tə̀si* < **təl-si* = кор. *tol-s* 'полный год, годовщина'): алт. **dila* (тюрк. **jil*, ср.-монг. *žil*, см. выше, с. 30).

См. выше, с. 72; [Martin 1966, 246] (яп. ~ кор.), [Miller 1971, 97] (яп. ~ кор. ~ тюрк. ~ монг.¹⁷²).

Ввиду очевидной связи яп. *tosi* = кор. *tols* крайне маловероятно подобна этимология С. Мураямы [Мураяма 1974, 212; 1975, 66] *tosi* < **to-si* < **tahu-si* к АН **tahun*, (DM) **taqwén* 'год'. То же можно сказать о сближении П. Бенедикта [Бенедикт 1985, 171] яп. *tosi* с прото-филиппинским **tu[i]G* (форма по [Zorc - Charles 1971]) и прото-манобо **tuʔig* (форма по [Elkins 1974]); совсем фантастично сближение Кавамото [Kawamoto 1977, 43] с ПАН **t'ut'un* 'накладывать, нагромождать'.

¹⁷² Но на с. 119 той же работы Р. А. Миллер привлекает вместо тюрк. **jil* тюрк. **jāl* 'возраст', что невозможно (последнее вместе с монг.-письм. *nasun* < **nal-sun* 'возраст' восходит к алт. **nāV*).

9. "грудь (женская)": ПЯ *tì(ji) ~ *tìtì (др.-яп. ti, RJ tì, ток. chichí etc.): алт. *č'ajVǝV (ТМ *č'a(i)ǝ-n, ср.-кор. čjǎs, см. выше, с. 31).

См. выше, с. 73; [Канэдзава 1910] (яп.-кор.), [Martin 1966, 227] (яп.-кор.-ТМ). Наличие сходного корня в австронезийских языках (ПАН *t'ut'u, (ДМС) *súsu? 'сосок, женская грудь') неудивительно (ввиду 'детского' характера этого слова), но непосредственное его сближение с др.-яп. tì (см. [Мураяма 1974^a, 156]; [Kawamoto 1977, 27]) представляется неоправданным.

10. "дорога": ПЯ *mítí (др. - яп. miti, RJ mítí) : монг. mör < алт. *miörV.

В монг. ср. ср.-монг., монг.-письм., халха-монг., калм., юй. mör, дунс. mo, бао. mor, монгол. mör 'дорога; след' (см. KW 266, DM 240, XI 76).

Из других алтайских языков можно привлечь ср.-кор. mōr- 'преследовать, гнать' (ср. значение 'след' в монгольском), см. ХМ 307¹⁷³), а также тюрк. *bar- 'идти, отправляться, ехать' (др.-тюрк., туркм., тат., як. и др. bar-, чув. p̄ir- etc; см. VEWT 62, ЭСТЯ 2, 64-65, EDT 354).

Соотношение тюрк. *bar : монг. * mör : кор. *mōr- : яп. *mítí вполне регулярно объясняется из алт. праформы *miörV с исходным значением 'дорога, след; передвигаться, преследовать'. Поэтому отнесение сюда тюрк. *bar- следует, по нашему мнению, предпочесть сравнению последней формы с монг.-письм. бага- 'заканчивать' (см. KW 34; VEWT 62). Сближение японского корня с данным алтайским материалом, насколько нам известно, еще не предлагалось; фонетически и семантически оно, по-видимому, вполне надежно.

11. "женщина" : ПЯ *miá (др.-яп. mie, RJ mé) ~ монг.-письм. eme < алт. *ame.

Корень принадлежит к так называемым "детским" словам, а потому подвержен несколько нерегулярным преобразованиям (чем, в частности, объясняется отпадение начального гласного в ПЯ). Из японского материала ср. тж. др.-яп. omo 'мать'.

Монг.: ср.-монг. eme (gü?ün), монг.-письм. eme, халха-монг. em (xün), калм. emə, дунс. эмə, даг. эмgunh 'женщина', юй. emgen 'же-

¹⁷³ Соотнесение данного корейского корня с mot- 'собираться' [Martin 1966, 225], о котором см. с. 26, неоправдано; весьма сомнительна также этимология Г. Рамстедта (SKE 151, где кор. mōr- сближается с эвенк. murgu- 'клянаться, молиться, жаловаться').

нщина (средних лет)'. См. KW 121, XI 54.

Из тюркских языков данный корень представлен в чув. *ama* 'самка; мать', кирг. *eṁä* 'старуха' (< тюрк. **ämä*, см. VEWT 42).

В ТМ ср. эвенк. *eṁu-gde* 'лосиха', сол. *êṁo* 'мать', *êṁi-ge* 'жена'; нан. *eṁ-xe* 'теща, свекровь'; маньчж. *eṁi-le* 'самка (птицы)', *eṁe* 'мать', *eṁe-ke* 'свекровь' (ТМ **eṁV*, см. ТМС 2, 451-452).

В кор. ср. кор. *ám* 'самка, женщина, жена' (КС 348; ХМ 303), а также *эм*, *эмí* 'мать' (КС 360, 368; ХМ 211).

Не исключено, что на самом деле мы имеем здесь рефлексы двух исходных корней ('мать' и 'женщина', ср. противопоставление в японском и корейском), но рефлексы их подверглись контаминации друг с другом.

См. SKE 9, 54, VEWT 42 (монг. ~ тюрк. ~ кор. ~ ТМ), ЭСЧЯ 25 (тюрк. ~ монг.); [Цинциус 1965, 223-224; 1972, 20-26] (высказывается мысль о связи рассматриваемого корня с тюрк. **äm*- 'сосать', **äm-ig* 'женская грудь'); [Оно 1953, 73] (яп. *оṁо* ~ кор. *am*). С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 37; 1974^b, 171; 1983, 19] считает, что с монг. *eṁe* следует сопоставлять только др.-яп. *оṁо*, но не *mie*. Однако трудно отделить эти корни друг от друга. Во всяком случае, возведение *mie* к **mbei* и сближение с ПАН **baji?* (DMC **béHi?*) 'мать, женщина' [Мураяма 1975, 104] явно неприемлемо. Столь же сомнительно сближение яп. *mie* и ПАН **əmpu* 'дедушка, бабушка' [Kawamoto 1977, 28].

12. "жечь": ПЯ **dák-* (др.-яп. *jak-*, RJ *ják-ù*) ~ алт. **dakV* (тюрк. **jak-*, ТМ **deg-že-*, ср.-кор. *thǎ-*, см. выше, с. 34).

См. выше, с. 68; Martin 1966, 227 (яп. ~ кор. ~ тюрк.), Miller 1971, 86 (яп. вариант *tak-* ~ ТМ). В японском представлен также вариант с глухим **ták-* (др.-яп. *tak-*, RJ *ták-ù*) 'жечь, разводить огонь'¹⁷⁴.

Разумеется, неприемлемо сопоставление яп. *jak-* ~ *tak-* с ПАН **t'aŋit* 'опалить, пахнуть (паленым)' или **da(n)daŋ* 'нагревать(ся)' /DMC **dadáŋ* ~ **daŋdaŋ*/ (Kawamoto 1977, 34).

13. "живот": ПЯ **ràgà* (др.-яп. *raga*) ~ ср.-кор. *rái* < алт. **rǎj/i*.

Кор.: ср.-кор. *rái* (КС 251; ХМ 205) 'живот', др.-кор. 擺 *rá* = [rá] (КСЧ 168).

К этому же корню следует относить тюрк. **bāl* (~ **bīl*) 'пояс-

¹⁷⁴ ПЯ **ták-* может в принципе соотноситься и с другим алтайским корнем: тюрк. **čak-*, монг.-письм. *čaki*- 'высекать искру' (см. [Porre 1960, 26; Miller 1971, 93]). На этимологию яп. **dák-* это, однако, не влияет.

ница' (др.-тюрк. *bel*, туркм., як. *bīl*, аз. *bel*, чув. *pil-ěk* etc., см. VEWT 69; ЭСТЯ 2, 135-137, EDT 330, ЭСЧЯ 160).

Из монгольского к данному корню следует, вероятно, относить ср.-монг. *heli-gen* (ХИ 60), монг.-письм. *eli-gen* ~ *eli-ken* (KW 119) 'печень', 'живот' (с соответствием тюрк. *b : монг. *h- < алт. *p-), а ср.-монг. *bel*, монг.-письм. *bel* 'поясница' нужно считать тюркизмом (вопреки Порре 1960, 76 и VEWT 69; см. Doerfer 1963, II, N° 834¹⁷⁵).

Японско-корейское сближение см. SKE 182 (прочие сближения там и в РКЕ 141 ненадежны); [Martin 1966, 243]; [Miller 1971, 153] (где предлагается и привлечение тюрк. *bāl).

Весьма сомнительно сближение яп. *raga* 'живот' с ПАН **palag*' 'ладонь' [Мураяма 1974^a, 155-156]. Вряд ли существенно также сходство с изолированным тайваньским (рукай) **baŋa* 'живот', с которым яп. *raga* сравнивает П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 172; там же привлекается мяо-яо **rjaan*], что еще более сомнительно).

14. "звезда": ПЯ **rásí* (др.-яп. *posi*, RJ *fósi*) ~ алт. **p' iüV* (тюрк. **jul-du-í*, ср.-монг. *ho-dun*, ср.-кор. *pjēr(h)*; см. выше, с. 34-35).

См. [Оно 1953, 73, 75] (кор. ~ яп.), [Martin 1966, 243] (кор. ~ яп. ~ тюрк.), [Miller 1971, 145-146] (поднимает также и вопрос об отнесении сюда тюркской формы), [Сыромятников 1971, 62] (кор. ~ яп. и ряд других, вряд ли сюда относящихся форм). Одзава [Одзава 1968, 139-140] сравнивает др.-яп. *posi* с другим монгольским материалом (оcи 'искра'), что вряд ли возможно ввиду надежной другой этимологии монгольского слова (см. ниже, с. 97). Сравнение монгольской и японской форм приводится у Хаттори [Хаттори 1959^a] и Номура [Номура 1959], но с неправдоподобным морфологическим членением (*ho-dun* и *po-si*); С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 173] отвергает эту параллель (очевидно, не зная этимологии С. Мартина и не допуская возможности выведения **hodun* < **hol-dun*).

П. Бенедикт сравнивает яп. *posi* с тайваньским **buqis* 'звезда' [Бенедикт 1985, 171]; но это слово, вероятно восходит к ПАН **bi(t)-uhən*, ДМС **bi(t)úqen*, что делает сравнение с японским весьма сомнительным (см. тж. [Kawamoto 1977, 41]). В любом случае попытки австронезийской этимологизации данного слова вряд ли необходимы,

¹⁷⁵ Отдельный корень (вряд ли связанный с **rājli*], но, возможно, повлиявший на значение корня **bāl* в тюркском) представлен в монг.-письм. *belke-gü-sün* 'поясница, талия' и ТМ **belge* 'колени (передняя часть бедер при сидячем положении)', см. ТМС 1, 123.

поскольку алтайская этимология фонетически и семантически безупречна.

15. "земля": ПЯ *tùti (др.-яп. *tuti*, RJ *tùti*) ~ ТМ *tirV < алт. *t'(o)wVfV.

В ТМ ср. эвенк. *tur*, эвен. *tēr* ~ *tir*, нег. *tij* 'земля', нан. *tur-qa* 'ком земли', *turu nāñi* 'подземный мир', см. ТМС 2, 217-218. В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1963, 48] сравнивает ТМ форму с тюрк. *topra-k 'земля, почва' (от *topra- 'сохнуть (о почве)', см. VEWT 489), но инлаутный *-р- не может выпадать в ТМ, так что это сравнение следует отвергнуть по фонетическим причинам.

Из монгольского материала сюда можно привлечь ср.-монг. *toʔo-sun* (ХИ 101), монг.-письм. *toʔo-sun* (< *toʔorsun), *toʔur-aʔ*, *toʔur-an* 'пыль' (см. VEWT 405)¹⁷⁶; не вполне ясно, как сюда относится дунс. *tura* 'земля'.

Из тюркского материала с ТМ *tirV и яп. *tùti сопоставимо тюрк. *tōǵ 'пыль' (др.-тюрк. *tos*, аз. *toz*, туркм. *tōz* etc., см. VEWT 492, EDT 570-571).

Наконец, из корейского следует привлечь ср.-кор. *tār-ār* 'быть грязным', *tār-m* 'пачкаться' (см. КС 149, 153)¹⁷⁷.

Предлагаемое сближение представляется вполне приемлемым семантически и фонетически (см. выше, с. 67). Из альтернативных этимологий яп. *tuti* следует назвать его сближение со ср.-кор. *tūtén*, *tūtīrk* 'насыпь, возвышение' [Martin 1966, 230]; однако этим словам несомненно соответствует др.-яп. *tutumi* 'насыпь, плотина', и к рассматриваемому корню они отношения не имеют.

Австронезийская этимология японского *tuti* (праокеан. **ruruk*

¹⁷⁶ Монгольский корень, правда, допускает несколько альтернативных этимологий. Так, возможно сравнение с тюрк. *tōǵ 'пыль' (см. VEWT 483; Дж. Клосон в EDT 463 считает монг. *toʔo-sun* тюркизмом, что сомнительно из-за морфологического оформления слова); с тюрк. *tora 'земля, глина' (VEWT 489; сближение тюрк. *tora* и монг. *toʔo-sun* предлагается в KW 489) и с тюрк. *topra- 'сохнуть (о почве)', *topra-q 'земля, почва' (два последних корня вообще, возможно, следует объединить). Вероятно, в монгольском просто сконтаминировали несколько исконно различных корней (ввиду совпадения инлаутных рефлексов *-g-, *-p- и *-w-).

¹⁷⁷ С. Мартин [Martin 1966, 237] сравнивает с этими корейскими формами яп. *doro* 'грязь', но это экспрессивное позднее слово неясного происхождения (в др.-яп. и ср.-яп. отсутствующее).

< ПАН *ɬukɬuk 'сидеть', см. [Kawamoto 1981, 143]) не заслуживает внимания.

16. "змея": ПЯ *rəim(p)Ŷ (др.-яп. remi, RJ fēmí, ток. hébi, киот. hēbī, сюри hábù etc.) ~ ср.-кор. rǎjəm (КС 242), rǎjəm (КС 252, ХМ 193).

См. [Martin 1966, 251]. Данное слово принадлежит к числу корейско-японских изоглосс; надежных параллелей к нему в других алтайских (и каких бы то ни было других) языках пока не обнаружено. Соответствия между японским и корейским (включая акцентуацию) вполне регулярны.

17. "знать": ПЯ *sír- (др.-яп. sir-, RJ sír-) ~ ТМ *sā < алт. *s[ē]ŕi.

В ТМ ср. эвенк., сол., нег., ороц., уд., ульч., орок., нан. sā-, эвен. hā-, маньчж. sa- 'знать' (см. ТМС 2, 49-51).

ТМ *sā- регулярно восходит к *sār- < *s[ē]ŕi- (см. об отпадении r- в подобном фонетическом окружении выше, с. 20), поэтому сопоставление ТМ и японской форм представляется вполне оправданным¹⁷⁸. При условии реконструкции *sēŕi сюда же могут быть отнесены и другие алтайские формы:

тюрк. *sēŕ- 'чувствовать, понимать, воспринимать' etc. (ср. тюрк. sez-, аз. sez-, тур. sâz- etc., см. VEWT 413, EDT 860-861);

ср.-монг., монг.-письм. sere-, seri- 'пробуждаться, просыпаться'; 'замечать' (см. ХИ 94, KW 325);

кор. sagi- 'быть осторожным'.

К данным тюркским, монгольским и корейской форме обычно привлекаются эвенк. seri-, сол. seri- и пр. 'просыпаться' (см. ТМС 2, 145; SKE 224-225; [Porre 1960, 29]; VEWT 413), однако эти формы скорее нужно считать монголизмами.

Сравнение японской и ТМ формы см. [Мураяма 1985, 3-4] (хотя -r- в японском корне проф. Мураяма, на наш взгляд, неправомерно считает суффиксальным).

См. далее МССНЯ, 331 (ностр. *šerV 'бодрствовать', откуда, кроме алтайских форм, выводятся также ур. *šerV 'бодрствовать' и и.-е. *ser- 'охранять').

18. "камень": ПЯ *(d)ísi (др.-яп. isi, RJ ísi) ~ алт. *tiōla (тюрк. *dāl,

¹⁷⁸ Гораздо более сомнительным представляется сопоставление ТМ *sā- с монг. saᠠᠭ- 'думать' и/или тюрк. *sā(j)'считать', предлагаемое в [Porre 1960, 29].

монг. *čila-yun*, ТМ *žola, ср.-кор. *tōr(h)*, см. выше, с. 36).

Японская форма вполне регулярно выводится из алтайской (при условии наличия в ПЯ *d-; к сожалению, в позиции перед гласным *i* противопоставление ПЯ *d- (> j-) и *0- рано нейтрализовалось, так что по внутрияпонским данным определить, было ли здесь *d- или *0-, невозможно), см. выше, с. 68.

Сравнение японской формы с другими алтайскими см. [Miller 1966, 243; 1971, 97-98, 120]. Австронезийская этимология, предложенная Кавамото [Kawamoto 1977, 40] (сравнение яп. *isi* с ПАН *kət'ik 'песок'), явно неудовлетворительна.

19. "кора": ПЯ *kàrà (~ *kàrá, *kárá 'кора, кожа' (др.-яп. *кара*, RJ *kàfà*) ~ алт. *k(')ār'í (тюрк. *Kāru-k, монг. *qau-da-sun*, ср.-кор. *kàrhí-g*, см. выше, с. 37).

См. РКЕ 70-71, 76 (яп. ~ кор.)¹⁷⁹, [Martin 1966, 225] (яп. ~ кор. ~ тюрк.), [Мураяма 1974^b, 175] (яп. ~ тюрк.).

Совпадение яп. *кара* с изолированным тайваньскими формами (Канаканабу *kaba* 'кора', пайван *kaba* 'одежда' (?), см. [Бенедикт 1985, 158] нужно признать случайным.

20. "корень": ПЯ *mètè (др.-яп. *moto*, RJ *mòtò*) ~ алт. *ŋiŋte (монг. *ündü-sün*, ТМ *ŋiŋte, см. выше, с. 37).

Данное сближение, насколько нам известно, предлагается впервые; соответствия вполне регулярны (см. выше, с. 77). Альтернативные этимологии японской формы как будто бы отсутствуют.

21. "кость": ПЯ *rənià (др.-яп. *pone*, RJ *fònè*) ~ алт. *p'eniV (~ *p'ienV) (монг. *ja-sun* < *p'ian-sun, ср.-кор. *s-pjé*, см. выше, с. 37-38).

См. выше, с. 64; [Канадзава 1910, 47; Оно 1953, 73; Martin 1966, 226] (яп. ~ кор.). С прочими алтайскими формами (см. с. 37-38) японский корень ранее не сопоставлялся. Фонетическая и семантическая сторона сопоставления вполне удовлетворительны. Вряд ли сюда имеет какое-нибудь отношение изолированная атаяльская форма *bəqəni?* 'кость', которую привлекает к сравнению П. Бенедикт [Бене-

¹⁷⁹ Кроме того, Г. Рамстедт предлагает сближать японскую и корейскую формы с тюрк. *käräk, монг. *kebeg* 'отруби, шелуха', что представляется нам более сомнительным (при наличии прямых алтайских параллелей со значением 'кора').

дикт 1985, 195]¹⁸⁰. Абсолютно необосновано также сближение японской формы с ПАН *paḷaʔ 'помост, подставка' [Kawamoto 1977, 25].

22. "кровь": ПЯ *tí (др.-яп. *ti*, RJ *tí*) ~ монг. *čisun* ~ алт. *t(ʼ)inV.

Монг.: ср.-монг. *či-sun*, монг.-письм. *čisun*, халха-монг. *cus*, калм. *tsusun*, дунс. *tšusun*, бао. *tšisun*, даг. *tšos*, юй. *tšusun*, монгор. *ts'edzu* (XI 47, KW 434, DM 438).

Ср. еще тюрк. *tīn ~ *dīn 'дыхание, дух' (к соотношению значений 'кровь' и 'дух' ср., например, тиб. *yí* 'дух' < сино-тиб. *(s)-yŋwīj 'кровь'): др.-тюрк. *tīn* 'дыхание, дух', *tīn* 'дышать', як. *tīn*, чув. *čēm* 'дыхание' и др. (VEWT 478, EDT 512, ЭСТЯ 3, 341-345¹⁸¹).

Монг. *či-sun* регулярно восходит к *tīn-sun с утратой сонорного перед суффиксом -sun. Характерно, что в др.-яп. выделяется в ряде сложений морфема *tí* со значением 'дух', 'жизненная сила' (см. [Одзава 1968, 120, JB 452]), которую Одзава (*ibid.*) и Мураяма [Мураяма 1983, 15] сравнивают с монг. *činar* (< тюрк., см. примеч. 181) и тюрк. *tīn. По всей видимости, это *tí* представляет собой просто ту же морфему, что и др.-яп. *tí* 'кровь' (что является дополнительным аргументом в пользу сравнения яп. *tí*, монг. *či-sun* < *tīn-sun с тюрк. *tīn 'дыхание, дух').

Сравнение японской и монгольской форм см. [Сыромятников 1971, 54; Мураяма 1974^b, 172] (последний с некоторым сомнением все же принимает это сближение). Подробную аргументацию в пользу сближения др.-яп. *tí*, монг. *či-sun* и тюрк. *tīn см. [Miller-Street 1975, 140 и далее].

¹⁸⁰ Атаял. *bəgəniʔ* скорее, может быть, связано с протофилиппинским [Zorc-Charles 1971] *butqul или *bukel 'кость'.

¹⁸¹ В прочих языках распространены только вторичные значения "отдыхать" и "прекращаться" с контаминацией корней *tīn и *dīn (см. ЭСТЯ 3, 341-345). В огузских языках корень представлен очень скудно (туркм. *dīn-mak* 'избавляться, кончать', *dīn-č* 'отдых'; звонкость, возможно, по контаминации с *dīn-); в азербайджанском корень практически отсутствует, но ср. *tīnžix-mag* 'задышаться (от жары)', что, возможно, указывает на ПТ *t-. В целом реконструкция глухости/звонкости в данном корне находится по вопросу.

Из др.-уйг. *tīnar (ср. современные формы типа тел. *tīnar-liq* 'животное' и под.) заимствовано монг.-письм. *činar* 'сущность, натура' (см. KW 441, VEWT 478; Владимирцов и Поппе [Владимирцов 1929, 172; Порре 1960, 69] считают монг. *činar* и тюрк. *tīn исконно родственными, что весьма сомнительно). Г. Рамстедт (KW 437) сравнивает тюрк. *tīn с монг.-письм. *čina* 'варить', что также маловероятно.

Крайне сомнительна австронезийская этимология, предложенная Кавамото [Kawamoto 1977, 27]: он сравнивает др.-яп. *ti* 'кровь', а одновременно и *tuju* 'сок' (хотя две эти формы не имеют друг к другу никакого отношения) с ПАН *d'uɣuh 'жидкость, сок'. Точно ту же этимологию повторяет и П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 172]. Отметим, что Кавамото указывает для австронезийского корня значение "кровь", что неверно (значение это налицо только в тагальском языке, и явно вторично, см. [Dempwolff 1938, 48]).

23. "круглый": ПЯ *máru- ~ *márǎ- ~ ТМ *muru < алт. *mür(°)V.

Яп.: ср. др.-яп. *maro* 'круг', *maro-* 'круглый', RJ *máró*, ток. *máru-i* 'круглый' etc.

ТМ: ср. эвенк. *muru-kī* 'круглый (о плоскости)', *muru-lī* 'вокруг, кругом', *muru-* 'обходить вокруг'; эвен. *meḡ-ti* 'круг, круглый', *meḡ-k-* 'возвратиться'; нег. *mejel-mejel*, *mel-mel* 'круглый'; ульч. *mogol-mogol*, *muru* 'круглый', *mur-giptu(n)* 'окружать'; орок. *moro-li-qtu*, *moro-li-me* 'круглый'; нан. *muru-muru* 'кругло', *murgiptū* 'окружность'; маньчж. *murḡen*, *mur-ḡeken* 'круглый', *murki-* 'округлять', см. ТМС 1, 550. С этим же корнем связана основа *muri- 'крутить' (маньчж. *muri* etc., см. ТМС 1, 560).

К этому же алтайскому корню относятся ср.-кор. *mǎn-* 'возвращать(ся)' (см. КС 226, ХМ 342)¹⁸², а также монг.-письм. *muri-* 'идти в сторону'.

См. SKE 155 (ТМ ~ кор.). Н. Поппе [Porre 1960, 36, 130] связывает ТМ формы с другим монгольским и корейским материалом ("кривой, изогнутый"), что более сомнительно. См. далее ОСНЯ 2, 74 (ностр. *muri 'скручивать', откуда, кроме алтайских форм¹⁸³, также сем.-хам. *mr- 'вертеть, скручивать', (?) урал. *murV 'поворачивать, вывихнуть', драв. *muri- ~ *murV- 'скручивать, вращать', (?) груз. *mog-* 'закруглять (дерево при обработке)', и.-е. *mer-, *merǎ-gh- 'связывать, скручивать'.

¹⁸² С. Мартин [Martin 1966, 23] сближает кор. *miri-* с яп. *modor-* (др.-яп. *motorog-*) 'возвращаться', что сомнительно (см. критику в [Miller 1967, 291]); иную этимологию яп. *motorog-* см. выше, с. 73). Отметим попутно, что сближение яп. *motorog-* с ПАН *u(n)du[!] 'идти назад' (с префиксом m?) ([Kawamoto 1977, 31]) вряд ли заслуживает внимания.

¹⁸³ Указывается также на возможность отнесения сюда и тюрк. *bur(a)- 'вращать, сверлить', при условии контаминации в тюркском корней *muri 'скручивать' и *bura 'сверлить'.

Сравнение японской формы с прочими алтайскими ранее не производилось. Сближение вполне удовлетворительно семантически и фонетически (хотя есть трудности с вокализмом: в ПЯ ожидалось бы **miŋ-*; впрочем, в данном корне наблюдается нестабильный вокализм и в рамках самого японского языка, ср. колебания *maŋo-* ~ *maŋi-*, а также, возможно, архаичную форму Хатэрума *túgù-hán* 'круглый')¹⁸⁴. Существующие сближения с австронезийским материалом (ПАН **bəluŋ* 'закругление', см. [Бенедикт 1985, 174] или ПАН **baŋuk* 'череп, скорлупа; нарост', см. [Kawamoto 1977, 44]) неудовлетворительны (прежде всего фонетически).

24. "лежать": ПЯ **ná-* (др.-яп. *na-* /*ne-*/, ток. *nèŋu*, киот. *néŋú*, каг. *né-gù*) ~ ср.-кор. *ni-p-* (-*v-*) (КС 116, ХМ 343) < алт. **nā*.

В ср.-кор. основа осложнена продуктивным интранзитивным суффиксом *-(i)b-* (см. об этом суффиксе [Рамстедт 1951, 163]). Исходный алтайский корень, по-видимому, был нейтрален по отношению к переходности/непереходности, ср. ТМ **nē-* 'класть' (эвенк., сол., эвен., нег., ороч., ульч., нан. *nē-*, уд. *ne-de-*, см. ТМС 1, 614-615)¹⁸⁵.

Японско-корейское сравнение см. [Martin 1966, 235; Сыромятников 1971, 59]; см. также выше, с. 69.

Мураяма [Мураяма 1974^b, 90, 158] и Кавамото [Kawamoto 1977, 26] сближают др.-яп. *ne-* (*na-*) с ПАН **ʔinəp*, (ДМС) **ʔinep* 'лежать, спать'. С фонетической стороны это сближение возможно, но надежные алтайские параллели делают его маловероятным.

25. "луна": ПЯ **tùkùN(-i)* (др.-яп. *tukii*, ток. *tsukí*, киот. *tsúkì*, каг. *tsùkí*, хат. *ṣṭkékí*) : ср.кор. *tár* (ХМ 151, КС 140).

Данное слово в значении "луна" принадлежит к числу японо-корейских изоглосс. За пределами японского и корейского заманчивым представляется сравнение с монг.-письм. *tolui* 'отражение'

¹⁸⁴ Отметим еще наличие в др.-яп. глагольной основы *mi-* 'крутиться, вертеться' (возможно < **miŋV* с отпадением *-ŋ*). В др.-яп. распространена уже вторичная парадигма от основы *mii-* < **mi-i* (но засвидетельствована и чистая основа *mi-*, см. JB 720). Сравнение др.-яп. *mii-gu* (с парадигматическим суффиксом *-gu*) с ПАН **ulih* (с префиксом **m-* !) 'возвращаться' [Бенедикт 1985, 175], конечно же, основано на недоразумении.

¹⁸⁵ В ТМС 1, 615 ТМ **nē-* сопоставляется с монг.-письм. *pöge-* 'запасать, копить', но это сомнительно (по фонетическим причинам: велярный *-g-* не должен был выпасть в ПТМ).

с вероятной реконструкцией ПА *tolgV (*tolugV). К соотношению ПЯ -k: ср.-кор. -r- ср. еще ПЯ *ràkì 'нога' : ср.-кор. rár (см. ниже) и др. (см. [Martin 1966, 211]).

См. [Martin 1966, 236] (яп. ~ кор.; но монг. *sara 'луна', конечно, сюда не относится). Японо-корейское сближение приводится также в [К], и Мураяма [Мураяма 1975, 36-37] относится к нему весьма скептически - при этом не упоминая о сопоставлении С. Мартина и его трактовке фонетического соотношения между японским и корейским словами.

По-видимому, не заслуживает внимания сопоставление др.-яп. tukii 'луна' с ПАН *[t]u[t]uŋ 'зажигать, жечь', предложенное в [Kawamoto 1977, 42] (см. также [Kawamoto 1981, 142]).

26. "много": др.-яп. mane-si : ср.-кор. mǎn-hǎ́ (КС 199).

Др.-яп. mane-si 'много, многий' - архаичное слово, вышедшее из употребления после эпохи Нара. Уже в древнеяпонских текстах наравне с ним (и даже более часто) в том же значении используется прилагательное oro-si (совр. ōi). Однако, по всей видимости, в период, непосредственно предшествовавший письменной фиксации, mane- (< *mania- ~ *manai-) было основным словом, выражавшим значение "много" (др.-яп. oro- 'много' является всего лишь специализированным употреблением oro- 'большой', совр. ō-kii).

В данном случае мы также имеем дело с японо-корейской изоглоссой. Надежные параллели в других алтайских языках отсутствуют (ср., может быть, изолированное в тюркском чув. mǎn 'большой', сравниваемое с корейской формой в МССНЯ, 348).

См. [Martin 1966, 249] (яп. ~ кор.). Ср. также МССНЯ, 348, ОСНЯ 2, 41-42¹⁸⁶.

¹⁸⁶ В МССНЯ, 348 корейская и чувашская формы сравниваются с ТМ *maŋ(g)a 'твердый, сильный, крепкий' (см. ТМС 1, 529-530), а также с и.-е. *men-, *men(e)gh- 'много', ур. *mone 'много', сем.-хам. *mnŋ 'большой, мощный' (< ностр. *m[o]nV, *m[o]n[g]V 'много'). В ОСНЯ 2, 41-42 этимология видоизменена: корейская и чувашская формы отсутствуют, а ТМ и и.-е. формы сравниваются с сем.-хам. *mV(n)g- 'сильный, крепкий, обильный' и картв. (с вопросом) *mag-ag- 'сильный, крепкий'. Имеет смысл, по-видимому, различать два ностратических корня: 'сильный, большой' (и.-е. *meg'(h)-; (?) картв. mag-ag, драв. *mā, ТМ *maŋ(g)a, ПЯ *ma(n)ki- > ПР *magi- 'большой', см. также МССНЯ, 331) и 'много' (и.-е. *men(e)gh-, урал. *mone- (?), яп. mane-, кор. mǎn-, ?

27. "мясо": ПЯ *sisi (др.-яп. sisi, RJ sisi) ~ ср.-кор. sǎr(h) (см. ХМ 206, КС 290) < алт. *siwÍV (~ *siłwV) 'мясо, мускул'.

Японская и корейская формы регулярно соответствуют следующим формам других алтайских языков:

Монг.: монг.-письм. silbi, калм. šilwī, халха-монг. šilew 'голень', бур. šelbe 'мускулы в нижней части голени у лодыжки'. См. (KW 357), [Колесникова 1972^a, 263] (монг. > эвенк. šilbi 'мышца икр');

ТМ *silu-kta: эвенк. silu-kta, сол. š'ilu-kta, эвен. hīl-ta, нег. sīl-ta, ороц. sulu-kta, орок. sīlu-qta 'кишка (тонкая)' (ТМС 2, 85; [Колесникова 1972^a, 304]).

Ранее данное сближение не выдвигалось, хотя фонетически и семантически оно, по-видимому, вполне достоверно. См. [Martin 1966, 232] (яп. ~ кор.).

Весьма перспективным представляется дальнейшее сближение алтайского *siwÍV с фин.-уг. (доперм.) *siwVÍV 'мясо' (см. [Лыткин-Гуляев 1970, 258]). Сопоставление ТМ *silu-kta с урал. материалом см. [Sinor 1974, 257].

Мураяма [Мураяма 1974^b, 151-152; 1981^a, 175-177] предлагает сравнивать др.-яп. sisi с ПАН *ʔit'iʔ 'содержание', что крайне сомнительно (хотя в некоторых языках этот корень и означает 'мясо', значение это там явно вторично; неприемлемо членение sisi на s + isi). Ту же австронезийскую этимологию повторяет П.Бенедикт [Бенедикт 1985, 163]. Японско-корейское сближение, несомненно, лучше и фонетически, и семантически.

Кавамото [Kawamoto 1977, 33] предлагает сравнение sisi с ПАН *d̪iŋd̪iŋ 'сушеное мясо', что не менее сомнительно (прежде всего из-за фонетики).

Имеются и другие - на наш взгляд, также неудачные попытки этимологизации японского слова. Р. А. Миллер [Miller 1971, 119] пытается привлечь к японской и корейской формам тюрк. *sił, эвенк. silawin 'вертел'. [Miller-Street 1975, 130] отделяют кор. sǎr от яп. sisi; считая др.-яп. sisi 'мясо' и sisi 'олень' одним и тем же словом, они связывают эти формы (вслед за [Оно 1953, 73]) со ср.-кор. sasəm 'олень' (см. выше, с. 75), а со ср.-кор. sǎr 'мясо' сближают др.-яп. sati 'охота, ловля дичи'. Ввиду вполне надежного характера японско-корейского сближения, предложенного выше (и алтайских параллелей к нему) все прочие перечисленные этимологии представляются нам излиш-

чув. tōp 'большой'), хотя между ними, конечно же, возможны контаминации.

ними.

28. "не": ПЯ *-an- : ср.-кор. àní- (см. КС 334) < алт. *anV.

В др.-яп. (и современных диалектах) -(a)n- - единственная форма отрицания. Др.-яп. атрибутивная форма -an-u (kakanu 'не пишущий'), предикативная форма -az-u < *an-su (kakazu 'не пишет'), запретительная форма na (na kaki, kamu na 'не пиши!'); отрицательное прилагательное na- (R) na-si 'не имеющийся, нет'. Поэтому нам не вполне ясны причины, по которым Р. А. Миллер [Miller 1971, 245 и дал.] отрицает возможность связи японского и корейского отрицаний (на наш взгляд, очевидной)¹⁸⁷.

С японо-корейскими формами прямо соотносится ТМ отрицательная частица *āna : эвен. ān 'не (имеющий кого-л., чего-л.), без кого-л., чего-л.'; ороц., ульч. ana 'нет, отсутствует'; орок. anā, нан. anā id. Отсюда же, очевидно, ТМ *ānci(n)/*ācin 'нет, не имеющий, не имея' (эвенк. ācin, сол. āšī, эвен. āč/t, нег. āčn, уд. anči)¹⁸⁸. Неясно, как сюда относятся другие отрицательные слова (маньчж. aqi 'нет, без', чжурчж. ʒá-sūi 'нет, отсутствует', нан., маньчж. aba 'нет'). См. ТМС 1, 3, 41, 60.

В тюркском ср. чув. an "запретительная частица" (надежной общетюркской этимологии не имеет).

См. SKE 10 (кор. ~ ТМ); [Оно 1953, 73] (яп. ~ кор.). Ср. далее ОСНЯ 1, 17 (и.-е. *ne 'отрицательная частица' ~ урал. *ne id. ~ сем.-хам. (V)n id. ~ картв. *nu- 'запретительная частица'; но алтайских форм В. М. Иллич-Свитыч не приводит).

¹⁸⁷ Р. А. Миллер пытается (опять-таки по неясным причинам) связать японское отрицание -(a)n- с тюрк. *-ma-, что весьма сомнительно. С последним, вероятно, связаны др.-яп. дубитативные формы на -ma-zi-.

На с. 227 и дал. Р. А. Миллер анализирует отрицательное прилагательное pak- (на самом деле корень все же pa-, поэтому какое бы то ни было сравнение с маньчж. отрицанием аки невозможно) и высказывает мысль о его связи с др.-тюрк. joq 'нет, не быть' (возможно < *nok). Это не исключено; однако заметим, что в соответствии с ТМ и корейскими (а частично, и японскими) данными исходную алтайскую форму нужно все же восстанавливать с начальным гласным (*anV), а в части японских форм предполагать его вторичную редукцию.

¹⁸⁸ Сравнение этих форм с тюрк. *āč 'голод' (SKE 16, VEWT 36, ЭСТЯ 1, 208) сомнительно.

29. "нога": ПЯ *rà(n)kì ~ алт. *palkV (ТМ *palga-n, ср.-кор. pag, см. выше, с. 41).

ПЯ *rà(n)kì 'нога' восстанавливается на основании ПР *ràngì 'нога' (нас. hágì, хат. ráǰ, йон. háǰ, икэма hàdzì, исигаки ráǰ etc.) и др.-яп. rakì ~ ragì, RJ fàgì 'голень'. В свете рюкюских и внешних данных представляется, что именно *rà(n)kì было основным ПЯ словом, обозначающим "ногу" ("foot"). ПЯ *àsì (др.-яп. asì, RJ àsì, ток. ashì 'нога'), напротив, первоначально, должно быть, обозначало какую-то часть ноги (вполне вероятно связь ПЯ *àsì с тюрк. *al(č)u-k 'лодыжка, щиколотка').

См. SKE 184-185 (яп. ~ кор., ТМ). С. Мартин [Martin 1966, 232] сравнивает кор. rár с яп. asì, но это вряд ли возможно (переход *p- > 0- в японском надежными примерами не подкреплён); также маловероятно сближение кор. pag с др.-яп. pasir- 'бежать' [Оно 1953, 75]¹⁸⁹. Р. А. Миллер пытается объединить rakì и asì в рамках одной этимологии (= кор. rár), что представляется довольно сомнительным [Miller 1967, 289; 1971, 144-145].

Следует отвергнуть (как по фонетическим, так и по семантическим причинам) сравнение др.-яп. rakì с ПАН *rahi? 'бедро; стель', предложенное в [Kawamoto 1977, 25; Бенедикт 1985, 194].

30. "ноготь": ПЯ *túma-i (др.-яп. tume, RJ túmé) ~ ср.-кор. thòp (КС 459), tòp (sòns-tòp 'ноготь (руки)', ХМ 201, КС 160) < алт. *t'ur'V.

В японском основа *túma-, по всей видимости, с вторичной назализацией инлаутного согласного < *túra-n (ср. аналогичные случаи: др.-яп. jama 'гора' < *daban при ср.-монг. dabaʔan 'горный перевал', др.-яп. papa- 'семья' < *nada-n при ПТМ *nadan id. и др.)¹⁹⁰.

К этому корню относится еще следующий алтайский материал:

Монг.: монг.-письм. tuуur 'нижний твердый край копыта', калм. tir, халха-монг. tir 'копыто' etc. (см. KW 413).

ТМ: орооч. tira < *tüpa 'ноготь' (ТМС 2, 185); ТМ *tүp-ke-n 'гвоздь, колышек, клин' (эвенк. tirken, сол. tikkēsũ, эвен. tirken, нег. tirkēn,

¹⁸⁹ Гораздо более удачным представляется сближение др.-яп. pasir- 'бежать' с алт. *p'ǎli- 'спешить, торопиться' (см. [Miller 1971, 118-119]).

¹⁹⁰ Носовой суффикс при рассматриваемом корне присутствует также в тюрк. *tub-ña-k 'копыто'. В японском следует учитывать также возможность вторичной контаминации с ПЯ *túm- (< алт. *č'[i]mV, см. с. 73) 'срывать (пальцами)'.

ороч. *tippe*, уд. *tikpe(n-)*, ульч. *tukpe(n-)*, ороch. *tukpe(n-)* ~ *tupke(n-)*, нан. *tukpē*, см. ТМС 2, 185-186).

Из тюркского следует привлекать, вероятно, тюрк. **tub-ńa-k* 'копыто' (ср.-тюрк. *tujaу*, туркм. *tojnaq*, чаг. *tuvaу*, уйг. *tubaq* ~ *tuwāq*, як. *tuǰax*), см. VEWT 499-500, EDT 519 (чаг. и уйг. формы, по-видимому, предполагают реконструкцию губного в инлауте; реконструкция **tuńak* (Рясянен) или **tuńāу* (Клосон) кажется менее адекватной). Тюрк. **tub-ńa-k* < **tur-ńa-k* с вторичным озвончением **-p-* > **-b-* в сочетании с последующим сонорным.

См. SKE 284 (кор. ~ монг. ~ ТМ); [Владимирцов 1929, 293] (тюрк. ~ монг.); [Martin 1966, 228], [Оно 1953, 76] (кор. ~ яп.).

Мураяма [Мураяма 1974, 32], не отрицая возможности сближения яп. *tume* с корейской и ТМ формами, предпочитает все же сравнение с ПАН **d'əmpu*t ~ **d'u(m)pu*t, (DMC) **zəpu*t ~ **zəmpu*t 'брать, подбирать (пальцами)'. Ср. еще [Мураяма 1974^b, 155; Kawamoto 1977, 28]. Однако последний корень он сравнивает [Мураяма 1974, 28-30] также с др.-яп. *oj(u)ob(i)i* (< ПЯ **əjəmpri* < **ədəmpri*) 'палец', что, по-видимому, предпочтительнее.

31. "ночь": ПЯ **duà*, **duà-rû* ~ ТМ *dol-ba* < алт. **til(')V*.

Яп.: др.-яп. *juo* ~ *juo-ru*, RJ *jòrú*, ток. *jóru*, киот. *jòrû*, каг. *jòrú*, хат. *jùrú*, йонакуни *dùrù* etc. 'ночь'. К этому же корню нужно, видимо, относить *ju-* в др.-яп. *ju-ru*, RJ *jùfú* 'вечер' и в др.-яп. *jumi* ~ *ime*, RJ *jù-mè* 'сон' ('ночью видимое').

ТМ: эвенк. *dolbo* 'ночью', *dolbo-* 'наступать' (о ночи), сол. *dolbo* 'ночь', эвен. *dolbə* 'ночью, ночь', нег. *dolbo* 'ночью', *dolbon(ī)* 'ночь', ороch. *dobbo* 'ночь, ночью', уд. *dogbo id.*, ульч. *dolbo id.*, орок. *dolbo id.*, нан. *dolbo id.*, маньчж. *dobo-gi* 'ночь, тьма, мрак' (ТМС 1, 213-214).

Из тюркского материала к данному корню следует привлекать тюрк. **dül* ~ **dül* 'сон' (др.-тюрк. *tül* ~ *tüş*, туркм. *düjš*, тур. *düş*, кирг., уйг. *tüş*, тув. *düş*, як. *tül*, чув. *tölk* 'сон, сновидение'; др.-тюрк. *tüşä-*, тув. *düşe-*, чув. *tölle-n-* etc. 'видеть сон, видеть во сне', ср.-тюрк. (XIV в.) *tüşä* 'проводить ночь' etc.), см. VEWT 507; EDT 559, 561, 490; ЭСТЯ 3, 323-324, ЭСЧЯ 245¹⁹¹.

¹⁹¹ Вопреки Г. Рамстедту (KW 406) тюрк. **dül(')* не имеет отношения к монг.-письм. *tölgü*, *tölge*, ср.-монг. *tölge* 'гадание', поскольку это, прежде всего, гадание с костями или стрелами. Сложнее ситуация с ПТМ **tolki-(ĉi-)* 'видеть во сне', **tolki-n* 'сон' (см. ТМС 2, 195), с которыми тюркские формы сопоставил В. Котвич [Kotwicz 1939, 96]. Исконную параллель здесь признать трудно

Сравнение японской и ТМ форм см. [Miller 1971, 86] (где Р. А. Миллер пытается, правда, совместить эту этимологию с сомнительным сравнением С. Мартина [Martin 1968, 237] яп. *juo* и ср.-кор. *čəŋjak* 'вечер' - что вряд ли допустимо); [Хаттори 1959^a]; [Мураяма 1974^b, 170; 1981^a, 74].

Чрезвычайно сомнительны имеющиеся попытки австронезийской этимологизации японского слова (сравнение с ПАН **ɥabi?* 'вечер', см. [Бенедикт 1985, 172], или с ПАН **t'ubt'ub* 'сползать, опускаться', см. [Kawamoto 1977, 43]. Яп. *jume* 'сон' Кавамото [Kawamoto 1977, 26], а вслед за ним П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 162] сравнивают с ПАН *(?)*i(m)ri?* 'видеть сны' и одновременно с ПАН **nuri?* 'сон'. Все эти сравнения, несомненно, следует отвергнуть при учете вполне прозрачной этимологии японского слова ("ночное видение"); заметим, что П. Бенедикт привлекает к сравнению и яп. *tubi* 'сон' - очевидный поздний китаизм (ср.-кит. *mün-mjì*).

32. "облако": ПЯ **kùmuàN* ~ ср.-кор. *kúrùm*.

Яп.: др.-яп. *kumuo*, RJ *kùmò*, ток. *kúmo*, сюр. *kúmú*, хат. *fùmón*, йон. *mmù* etc.

Кор.: ср.-кор. *kúrùm* (КС 59), *kúrúm* (ХМ 154); др.-кор. 屈林 *khüt-lim* = /*kurim*/ (КЧС 158).

ПЯ **kùmuà-N* содержит суффиксальный -N и, судя по явно связанной корейской форме, восходит к более раннему **kùmu(a)-*. Японско-корейское сравнение см. [Канадзава 1910, 47]; [Martin 1966, 228]; [Miller-Street 1966, 120].

Дальнейшая этимология корейской формы предложена Г. И. Рамstedтом (SKE 132, PKE 97-98), где предлагается сравнение с тюрк. **köl-* ~ **köl-* 'тень', 'закрывать (о тени)'. Ср. др.-тюрк. *kölägä* ~ *köligä* 'небольшая тень', *köl-it-* ~ *köš-it-* 'затемнять, затенять, заслонять'; хак. *köle* 'давать тень', *köläk*, як. *külük*, аз. *kölgä* etc. 'тень' (VEWT 288-289, 294; EDT 716-718, 753¹⁹²); ср. еще контексты тип *bulit köküg köšitti* 'об-

(из-за несоответствия тюрк. **d* : ТМ **t-*), поэтому кажется разумным предположить, что ТМ формы заимствованы из тюркского (или протобулгарского) **tül-äk-*, **tül-äk-ä* (ср. чув. *tölk* 'сон', *tölle-n-* 'видеть во сне').

¹⁹² М. Рясянен (VEWT 294) возводит к др.-тюрк. *köš-* современные формы: караг. *köšü-* 'дрожать', тат. *küş-äk-* 'цепенеть от холода', як. *kösüj* 'коченеть'. Эту точку зрения справедливо отрицает Дж. Клосон (EDT 753). Нужно считать эти формы монголизмами, ср. монг.-письм. *kösi-* 'коченеть' (KW 241).

Отметим, с другой стороны, что др.-тюрк. *köšik* 'покрывало, занавес'

лако закрыло небо' (Махмуд Кашгарский) и под. Алтайскую праформу нужно восстанавливать в таком случае как *k'ol(')E 'тень', 'затемнять', 'облако', причем японская и корейская формы возводятся к деривату с суффиксальным *-mV - *k'ol(')EmV.

Миллер и Стрит [Miller-Street 1975, 120] (вслед за Сыромятниковым [Сыромятников 1970, 563]) ставят вопрос о том, не является ли японско-корейское слово производным от kug- 'черный' (см. ниже), что нам представляется более сомнительным.

С. Мураяма [Мураяма 1981^b, 91-92], основываясь на нашей реконструкции конечного *-N, сравнивает вторую часть ПЯ *kũmuaN с ПАН *ʔavaŋ 'воздух, воздушное пространство', но толкования первой части не дает.

Ввиду надежной корейской параллели следует, несомненно, отвергнуть сближение др.-яп. kumuo с ПАН *kabut 'туман' [Kawamoto 1977, 41].

33. "огонь": ПЯ *pə-i : ср.-кор. pŋ < алт. *p'örV.

Яп.: ср. др.-яп. pii, RJ fi ~ fi, ток. hi, киот. hi, каг. hi, сюр. fi, йон. tzi etc. В ПЯ *-i, несомненно, имеет суффиксальный характер: в сложениях данная морфема выступает в виде *pə > др.-яп. ро-, ср. ро-но-ро 'пламя', ро-нака 'середина пламени' etc.

Кор.: ср.-кор. pŋ (КС 273, ХМ 359), др.-кор. bot = /piŋ/ (КЧС 161).

В других алтайских языках ср.:

Тюрк.: *ör-t 'огонь, пламя' (др.-тюрк. ört; кирг., каз., хак., як. ört, чув. virt 'пламя, пожар' etc.), см. VEWT 375; ЭСТЯ 1, 550-551; EDT 201.

Монг.: монг.-письм. ör 'пламя', ör-de- 'гореть, полыхать' etc. (см. KW 298).

См. выше, с. 70; SKE 208 (кор. ~ тюрк. ~ монг.; привлекаются еще вряд ли относящиеся сюда ТМ данные); [Martin 1966, 232], [Сыромятников 1971, 62] (кор. ~ яп.).

Мураяма [Мураяма 1970, 110-111, 160; 1974^b, 58] и Кавамото [Kawamoto 1977, 33] возводят др.-яп. pii к ПАН *ápuj, (DMC) *xápuye

> монг.-письм. kösigē id. (KW 241), откуда, в свою очередь, современные тюркские формы - хак. közägä, уйг. köžigä etc. (см. VEWT 294, EDT 753).

Таким образом - вопреки М. Рясену - тюрк. köl- не имеет отношения к монг. köl-de- 'замерзать' и др.

'огонь'¹⁹³; однако ввиду явно суффиксального характера ПЯ *-i и абсолютно надежных алтайских (прежде всего, корейской) параллелей эту этимологию следует отвергнуть.

34. "один": ПЯ *pitə ~ тюрк. *bīr < алт. *birV.

Яп.: др.-яп. pito(-tu), RJ fitó-/ fitó-/ fitò- (ПЯ акцентуация неясна, см. примеч. 142).

Тюрк.: др.-тюрк. bir, туркм., тур., аз., кум., кирг. bir, як. bīr, тат., каз. bīr, чув. pēr etc. (VEWT 76; ЭСТЯ 2, 146-148; EDT 353-354; ЭСЧЯ 157).

Монг.: монг.-письм. būri, калм. būrⁱ, халха-монг. būr 'каждый, все' (см. KW 67). Монгольская форма может быть отнесена к данному корню при условии вторичности -ü- (под влиянием анлаутного губного?).

Кор.: ср.-кор. pīrīs, pīrīsó 'сперва, впервые', pīrīs- 'начинать' (КС 276-7). Г. И. Рамстедт (SKE 202) сравнивает корейскую основу с монг.-письм. iḡu-yaḡ, ср.-монг. hīruʔar 'дно, основание', что сомнительно (в монг. это слово собственно значит "пол").

См. выше, с. 69; KW 67 (тюрк. ~ монг.); [Martin 1966, 238] (яп. ~ кор. ~ тюрк.); [Miller 1971, 230] (то же; но на с. 147 Миллер дает иную этимологию, на наш взгляд, явно ошибочную, см. примеч. 142).

Австронезийская этимология С. Мураямы крайне маловероятна (см. [Мураяма 1971; 1974^b, 91, 147]; то же у Кавамото [Kawamoto 1977, 43; 1981, 48]; др.-яп. pito- анализируется как префикс p- (?) + *ito = ПАН *it'aʔ, (DMC) *ʔisaʔ 'один'). Критика сравнения *pitə- с тюрк. *bir [Мураяма 1974^b, 183]), исходящая из того, что тюрк., монг. и ТМ *b- соответствует только яп. w- (ПЯ *b-), также необоснована (см. выше, с. 65-66, о развитии в яп. алтайского *b).

35. "плыть": ПЯ *əjə-(n)k~ монг.-письм. oji-mu < алт. *ojV.

Яп.: ср.-яп. ojog-, RJ oʔog-ú 'плыть, плавать', ток. oʔog-u etc.

Монг.: монг.-письм. oji-mu-, калм. õm-, дунс. umba-, бао. mba-, юй. umba-, даг. (с вторичным x-) хотраа-, монгол. xumbā (протомонг. *oji-mu-, *oji-mra-). См. KW 304; DM 182.

ТМ: эвенк. uj-gan-, uju-, uju-kta, нег. oji-jan- ~ oʔi-jan-, уд. wujan-

¹⁹³ К этому же австронезийскому корню проф. Мураяма разными способами возводит др.-яп. тоја- (moje-) 'гореть' (1974^b, 58) и абу-г- 'жарить, печь' [Мураяма 1974^a, 180-182; 1974^b, 160]. Пожалуй, только последнее сближение (с сохранением а-) заслуживает внимания.

~ *цjan-*, орок. *онпō-*, нан. *о́оан-* 'плавать (в основном о птице)' (ТМС 2, 252).

См. SKE 63 (монг. ~ ТМ; привлечение сюда же корейского *həi-* 'плавать' явно необосновано, см. иную этимологию этого корня в SKE 61; [Иллич-Свитыч 1965, 340]). Японская параллель к данному корню, насколько нам известно, ранее не привлекалась.

См. далее МССНЯ, 355 (ностр. **wojV* 'плыть', где с монг. и ТМ формами сравнивается урал. **woje- id.*).

36. "приходить": ПЯ **kə-* ~ тюрк. **gäl-* < алт. **galE*.

Яп.: др.-яп. *k-u* (ко-), ток. *kú-gu*, киот. *kù-gú*, каг. *kù-gú* etc. Корневой гласный **-ə* (> *o*) в этом нерегулярном глаголе проявляется в отрицательных и предположительных формах (др.-яп. *ko-zu*, *ko-mu* etc.).

Тюрк.: др.-тюрк. *kel-*, туркм. *gel-*, аз. *gäl-*, кум. *gel-*, кирг., каз., узб., тув. *kel-*, таг., башк., чув. *kil-* etc (VEWT 248; ЭСТЯ 3, 14-16; EDT 715; ЭСЧЯ 112).

Монг.: монг.-письм. *gel-deri-*, *gel-deji-* 'бродить, идти пешком', *gel-güri* 'брести' (KW 132).

ТМ: **gel(i)-* : эвенк. *gel-* 'собираться в путь', *gelnē-* 'пойти за чем-л.'; эвен. *gel-ne- id.* См. ТМС 1, 178-9¹⁹⁴.

(?) Кор.: ср.-кор. *ká-* 'идти, уходить' (см. КС 2). В корейской форме (в отличие от японской) нерегулярно отпадение *-l*; возможно, это объясняется частотностью глагола и ранними парадигматическими выравниваниями (в инфинитиве и при прочих аффиксах с консонантным началом выпадение **-l/-r > -0* могло происходить достаточно рано)¹⁹⁵.

Сопоставление тюрк. **gäl-* с монг.-письм. *kel-*, *kelki-* 'нанизывать(ся)' (KW 223) следует отвергнуть как по фонетическим, так и по семантическим причинам; столь же маловероятно сближение тюрк. *gäl-* с монг.-письм. *qali-* 'взмывать вверх, подниматься' [Collinder 1955, 144].

¹⁹⁴ В ТМС 1, 179 основа **gel-nē-* объединена с ТМ **gelē-* 'искать, просить', что вряд ли оправдано (неясно усечение конечного *-ē* корня).

¹⁹⁵ Возможной альтернативной (хотя с теми же фонетическими трудностями) параллелью для ср.-кор. *ká-* является др.-яп. *kaga-* 'удаляться, уходить' и монг.-письм. *γag-* 'выходить' (сравнение яп. *kaga-* и кор. *ká-* см. [Канадзава 1910, 47]; яп. *kaga-* и монг. *γag-* см. [Одзава 1968, 193]), кор. *ka-* и монг. *γag-* см. SKE 82).

Сближение монг. и эвенк. форм см. ТМС 1, 178; яп. и тюрк. см. [Хаттори 1959^a]; С. Мураяма также допускает подобное сближение [Мураяма 1974^b, 175]. Альтернативное сближение яп. k(o)- с тюрк. *gär- 'ходить' [Miller 1971, 73; 1967, 322] следует отвергнуть: тюркскому *gär- вполне регулярно соответствует др.-яп. kati, kati-jog- 'ходить (пешком)', см. выше, с. 70).

См. далее ОСНЯ 1, 294 (ностр. *kä/Н/V 'идти, бродить'), где тюркская форма (без прочих алтайских¹⁹⁶) сопоставляется с урал. *kälä 'идти вброд, брести', драв. *käl- 'идти' и сем.-хам. *klh 'бродить, шагать'.

37. "рыба": ПЯ *(d)íwá (~ -uá) ~ ср.-монг. žiya-sun < алт. *diogV ~ *diokV.

Яп.: др.-яп. iwo, RJ íwó, ток. ùo, сюр. žiju, хат. jì etc.

Монг.: ср.-монг. žiyasun, монг.-письм. žiya-sun ~ жауа-sun, халха-монг. zagas, калм. zaγasn, дунс. džayasun, даг. džaus, юй. dža-vasən, монг. džiäGase (KW 463, DM 78).

Из других алтайских языков к этому корню можно привлечь ТМ название "ленка" *žogi (~ *žoji) > нег. žojo, уд. žüi-so, нан. žoi, см. ТМС 262.

Соответствия начального согласного и срединного гласного (дифтонга) вполне регулярны; в инлауте, однако, налицо колебание рефлексов глухого *k- и звонкого *-g- (*k- > монг. -g- > -γ-; *-g- > яп. -w- (~-u-); ТМ *-g- может восходить и к тому, и к другому), что несколько снижает надежность сближения. Все же оно представляется нам довольно вероятным.

См. далее ОСНЯ 1, 219 (ностр. *diga 'рыба'), где монг. форма сравнивается с и.-е. *dhghū и сем.-хам. *dVjVg- 'рыба'; [Долгопольский 1969, 303] (ностр. *diTg[u] 'рыба'), где к приведенным формам добавляется еще урал. *t[о]tka 'рыба, вид рыбы'. Не исключено, что исходное инлаутное сочетание (ср. урал. -tk-) и обусловило колебания по глухости/звонкости в инлауте алтайской формы.

С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 196; 1974^b, 150] сопоставляет др.-яп. iwo с ПАН */ɺ/ivak, (DMC) */qɺ/iwak 'рыба'; ту же этимологию повторяют Кавамото [Kawamoto 1977, 38] и Бенедикт [Бенедикт 1985, 178]. Однако это слово имеет очень узкое локальное распространение

¹⁹⁶ Привлекаемое В. М. Иллич-Свитычем кор. käl-käl-hada 'бродить туда-сюда' - явно вторичное экспрессивное образование от kät-ta (käl-) < алт. *kätV, см. с. 68, и не может быть связано с тюрк. *gäl-.

(практически только в др.-яв. iwak 'мясо, рыба', яв. iwa? 'рыба' и еще нескольких языках того же ареала; полинезийские параллели сомнительны). Может быть, напротив, австронезийские формы заимствованы из протояпонского или близко родственного ему языка и вытеснили в ряде языков основное и исконное *'ikan, (DMC) *ʔiSkaŋ 'рыба'¹⁹⁷.

38. "собака": ПЯ *inù (др.-яп. inu, RJ inù) ~ алт. *ŋinta (тюрк. *it/it, ТМ *ŋinda, см. выше, с. 46-47).

См. выше, с. 68-69, 77 о фонетической стороне данного сближения. Сравнение японской и алтайской форм см. [Schmidt 1923, 16; Поливанов 1960, 179; Мураяма 1974^a, 183-187, 1974^b, 170, 1983, 16-17; Сыромятников 1971, 56; Новикова 1971, 184-185; 1979, 60-63]. Чаще при этом обращали внимание на сходство японской и ТМ форм, игнорируя при этом явную связь ТМ и тюркской форм (см. выше). Так, Мураяма [Мураяма 1974^b, 175] решительно отвергает возможность связи тюркской и японской форм (предложенной при глоттохронологической процедуре в [Хаттори 1959^a]), хотя вполне допускает общее происхождение японской и ТМ форм. Нам общность всех перечисленных выше форм представляется вполне надежно установленной.

Сравнение яп. inu с ПАН *ʔat'uʔ, (DMC) *Wásu? 'собака' [Kawamoto 1977, 38; Бенедикт 1985, 160], разумеется, неприемлемо¹⁹⁸.

39. "спать": ПЯ *uj- > *ui- ~ алт. *ŋüja (тюрк. *u-, монг. poj-ir-, ТМ *ŋu[j]a, см. выше, с. 47-48).

В др.-яп. данный корень представлен в виде вариантов i и wi (< *ui), ср. i 'сон', i-na- ~ wi-na- 'спать', ср.-яп. inu ~ winu, wine-buru ~ wine-furu (во второй части сложения основа na- 'лежать', о которой см. выше, с. 89). В современном языке в результате закономерной редукции анлаута ine-ru > ne-ru (ср. аналогично *inta-, др.-яп. ida- 'выходить'

¹⁹⁷ Иногда приводящееся сравнение последнего с яп. sakana 'рыба' (как и сравнение sakana с ТМ *sugžansa 'лосось, рыба', см. [Miller 1971, 98]) основано на недоразумении: современное sakana 'рыба' восходит к др.-яп. saka-na 'сырая) закуска к сакэ'. С ПАН *ʔiSkaŋ следует скорее сопоставлять др.-яп. isana 'киг' (наряду с kudira, имеющим алтайское происхождение).

¹⁹⁸ Как Кавамото, так и П. Бенедикт приводят еще некую японскую диалектную форму wepo 'собака'. Нам не удалось ни в каких источниках найти такую форму (более того, вряд ли она возможна: ни в одном из современных японских диалектов не допускается w- перед e).

> совр. *degu* и под.); таким образом, исконно совершенно разные по происхождению основы "спать" и "лежать" в современном языке вторично совпали, и сейчас в разных диалектах дифференцируются только разными по происхождению суффиксами.

ПЯ **uj-* закономерно восходит к алт. **ñija* (см. выше, с. 138, 141). См. разбор японских форм со значением "спать" в [Miller 1971, 107 и дал.] (где предлагается японско-тюркское сближение, но к тому же корню присоединяются и рефлексы алтайского **nā-* 'лежать', а также формы типа монг. *um-ta-*, тюрк. **um-it-* 'забывать', вряд ли имеющие сюда какое-либо отношение).

40. "стоять": ПЯ **tāt-* (др.-яп. *tat-*, RJ *tāt-*) ~ тюрк. **dur-* < алт. **č[u]rV*.

Тюрк.: др.-тюрк. *tur-*, туркм. *dur-/tur-*, тур., аз. *dur-*, кум., кирг., узб., хак., як. *tur-*, чув. *tör-* etc. (VEWT 500, ЭСТЯ 3, 296-301, EDT 529-530, ЭСЧЯ 238).

Сближение тюрк. **dur-* с ТМ **turu* 'столб, подпорка, подпирать' (см. ТМС 2, 221) следует отвергнуть по фонетическим причинам (тюрк. **d-* не соответствует ТМ **t-*). Более удачным представляется привлечение к тюрк. корню эвен. *žur-ur-* 'стоять (спокойно, молча)' (см. ТМС 1, 278), что свидетельствует в пользу реконструкции алт. **č[u]rV*¹⁹⁹.

Японское слово ранее к сравнению с приведенными алтайскими формами не привлекалось, но сближение нам представляется вполне достоверным, во всяком случае, в том, что касается консонантизма (о яп. *t-* < алт. **č-* см. выше, с. 73; о яп. *-t-* < алт. **-r-* см. выше, с. 69-70).

В свете алтайских данных становятся излишними попытки этимологизации японского корня на австронезийской почве: сравнение С. Мураямы (цит. по [Фудзивара 1979, 252]) с ПАН **d'adi?* 'возникать, становиться' и Кавамото - с ПАН **d'agd'ag*, **d'əgdəg* 'ступать, иметь почву под ногами' [Kawamoto 1977, 27].

41. "сухой": ПЯ **káw(V)rá-k-* 'сухой, сохнуть' ~ алт. **k(')awVrV* (тюрк. **kir-*, монг. *qaur-*, см. выше, с. 48).

ПЯ **kaw(V)ra-k-* восстанавливается на основании др.-яп. *ka-*

¹⁹⁹ Не исключено, что данный корень связан с алт. **čürV* 'прямой' (тюрк. **dür*, ср.-кор. *čir-*, см. выше, с. 13); возможно, налицо заднерядный и переднерядный варианты одного и того же корня (?).

wak-, киот. káwák-ú, каг. kàwák-ù (в ток. нерегулярная акцентуация: kawáku), а также ПР *kaw(a)ra-k- > нас. kòràkjùŋ, сюр. káràšun, хат. kàrùgùŋ, йон. kàràgùŋ etc.

См. выше, с. 66, а также [Одзава 1968, 197] (яп., монг.), [Мураяма 1974^b, 173-174]. С.Мартин [Martin 1966, 230] сближает яп. kawako ср.-кор. kámǎŋ- 'высыхать', но это сомнительно (не соответствует акцентуация и инлаутный -m-).

42. "теплый": ПЯ *ata-taka- ~ ср.-кор. tǎ-sǎ- < алт. *ōt 'V 'горячий, тепло'.

Яп.: ср. др.-яп. atatake-, RJ àtá-táka-, ток. atataká-i 'теплый' etc. Данная форма является производной от ПЯ *atù 'горячий' (др.-яп. atu-, RJ atù-, ток. atsú-i etc.).

Кор.: ср.-кор. tǎ-sǎ-, tǎ-sì-, tǎ-sì-, tǎs- 'теплый' (см. КС 136, 144), совр. taŋit-hada. Корейское слово является производным от основы tǎ- с продуктивным суффиксом -s (с другим суффиксом ср. кор. fi-gǎpta ~ ta-gapta 'горячий').

В корейском налицо обычная редукция вокалического анлаута. Г. Рамстедт (SKE 265-266) возводит кор. taŋit-hada и fi-gǎpta к корню fi- 'прижигать', но это fi- < ср.-кор. ptí- (см. КС 173) и сюда отношения не имеет.

Из других алтайских языков к данному корню можно привлечь:

Тюрк. *ōt 'огонь': др.-тюрк. ot, туркм. òt, як. uot, аз. od, тур., кирг., каз., уйг., тув. ot, чув. vot etc. См. VEWT 366, ЭСТЯ 1, 483-484, EDT 34.

Монг.: монг.-письм. oči-n < *oti-n 'искра' [Владимирцов 1929, 397], (KW 291)²⁰⁰.

См. выше, с. 67; [Martin 1966, 234] (яп. ~ кор.). Р.А.Миллер [Miller 1971,84] сопоставляет японскую и корейскую форму с монг. dula-γan 'теплый' (см. выше, с. 48-49), что явно неоправдано; при этом на следующей странице у него приводится правильное сопоставление с ПЯ *du 'теплая вода' (см. примеч. 101).

См. далее ОСНЯ 2, 103-104 (ностр. *qoŋi 'зажигать огонь'), где с алтайскими (тюрк. и монг.) формами сопоставляются сем.-хам. *hŋ-/*hŋ- 'зажигать, загораться', и.-е. *Hēt- 'огонь, очаг', драв. *otV- 'ра-

²⁰⁰ Тюрко-монгольское сравнение см. KW 291, ОСНЯ 2, 103-104; более сомнительны другие этимологии монг. формы [Владимирцов 1929, 314; Порре 1960, 49, 99, 156].

зжигать'.

Альтернативное сравнение японского корня с прото-океан. *gara (< ПАН *da(n)dan) 'греть, жарить' [Kawamoto 1981, 142] явно неудачно.

43. "ты": ПЯ *ná (др.-яп. na-, na-ge, RJ ná-mudí) ~ ср.-кор. nə (ХМ 338, КС 103).

Характерная японо-корейская изоглосса, не имеющая надежных параллелей в прочих алтайских языках.

Р. А. Миллер [Miller 1971, 172] сравнивает японскую форму с монг.-письм. ta-, tap- 'вы' (2-е л. мн. ч.), что фонетически сомнительно. Еще более сомнительны, однако, австронезийские этимологии: сравнение с ПАН *ʔiniʔ 'этот' [Kawamoto 1977, 46] или с ПАН *kamuʔ, (DMC) *kamúʔ 'вы (2-е л. мн. ч.)' [Бенедикт 1985, 183].

44. "тяжелый": ПЯ *ámé- (др.-яп. omo-, RJ ómó-si) ~ ср.-кор. mǐ-kǎr-(-v-).

Еще одна надежная японо-корейская изоглосса (параллели в других алтайских языках пока не выявлены). В корейском -kǎr- распространенный в адъективных основах суффиксальный элемент; с другим суффиксальным оформлением ср. совр. mu-ʒik-hada 'довольно тяжелый' (при mu-gǎrta 'тяжелый').

См. [Martin 1966, 233]. С. Мураяма [Мураяма 1974^b, 40-43] выводит ПЯ форму - согласно автору *[m]əN-bö²⁰¹ - из *(m)əN-böö < *(m)əN-bəa < *(m)əN-bəhat < *(m)əN-bəyat, сравнивая ее с ПАН *bəyat, (DMC) *beRəqat 'тяжелый' - построение, представляющееся нам совершенно произвольным.

45. "ходить": ПЯ *kájuá-p- (др.-яп. kajuor-, RJ kájóf-u) ~ ср.-кор. kǎt- (kǎr-) (КС 37, ХМ 343).

См. [Martin 1966, 245]. Данная японско-корейская основа восходит к алт. *kētV 'идти, уходить' (см. выше, с. 68), куда также относятся тюрк. *gēt- 'уходить' (др.-тюрк. ket-, туркм., тур. git-, аз. get-, кирг., узб. ket-; каузатив - чув. káder(t)-, туркм., тур. gider- etc., см. VEWT 258, ЭСТЯ 3, 39-40, 49-50, EDT 701, ЭСЧЯ 95), и ср.-монг. gödöl-

²⁰¹ Ряд рюкюских форм (ср. Насэ ʔùbù-, Сюри ʔmbú-) действительно указывает на вариант *ámǎr-, существовавший наряду с *ámé- (др.-яп. и большинство современных японских форм выводятся только из *ámé-); помимо, налицо суффиксальное образование с архаичным суффиксом *-p(ə)-.

(ХИ 57), монг.-письм. ködel-, ködül-, köde-re- 'двигаться' (KW 235-236)²⁰².

С кор. kāt- иногда сопоставляют также др.-яп. kati 'хождение (пешком)' (см. [Канадзава 1910, 47; Оно 1953, 72]), но эта основа лучше соответствует другому алтайскому корню (*giafV 'ходить, шагать', см. выше, с. 70). Что касается соответствия кор. *kād- и ПЯ *kājuá-p-, а также прочих алтайских форм, рассмотренных выше, то оно, по-видимому, вполне удовлетворительно как фонетически, так и семантически.

46. "хороший": ПЯ *dà- (др.-яп. jo-, RJ jò-) ~ ср.кор. tjöḥ- < алт. *diögV.

Соответствия вполне регулярны, и параллель представляется надежной. Из прочих алтайских языков ср. тюрк. *jä(:)g- 'лучше, лучший' (др.-тюрк. jäg, тур. jeḡ, jej), возможно, также чув. sí 'верх'. Несмотря на значение чув. формы тюркскую основу, как кажется, лучше сопоставлять с корейской и японской формами, чем с монг. degde- 'подниматься' etc. (о последнем корне см. с. 225, 267). См. VEWT 194a с литературой.

47. "черный": ПЯ *kùguà- (др.-яп. kuruo-, RJ kùrò-) ~ алт. *k(´)ara (тюрк. *kara, монг. qara, см. выше, с. 52).

См. выше, с. 69. Миллер и Стрит [Miller-Street 1975, 116 и дал.] предпочитают возводить др.-яп. kuruo- 'черный' и kura- (< ПЯ *kúrá-) 'темный' к алт. *küře- 'темно-коричневый' (монг. küre-btür и пр.); аналогичное сравнение допускает С. Мураяма [Murayama 1983, 18], ранее его отвергавший (см. ниже). Однако с алт. *küře- реально может быть связано только ПЯ *kúrá- (др.-яп. kura-, RJ kúrá- 'темный', которое не следует объединять с *kùguà 'черный' (прежде всего, по акцентным соображениям). Полный параллелизм (как семантический, так и фонетический) алт. *siārV 'белый' : ПЯ *sìguà- и алт. *k(´)ara 'черный' : ПЯ *kùguà- заставляет нас все-таки предпочесть последнее сравнение.

Мураяма и Кавамото [Мураяма 1974^b, 73, 161; 1975, 184; Kawamoto 1977, 41, 45] сопоставляют др.-яп. kuruo- 'черный' и kura- 'темный' с ПАН *gəlar 'темнота' (Кавамото добавляет еще и ПАН *kəlam id.). В свете вполне надежных алтайских этимологий для обеих японских форм эти сравнения представляются излишними.

²⁰² Монг.-письм. keture-, ketere- 'проезжать мимо', которое Рамстедт (KW 228) сравнивает с тюрк. *gēt-, скорее всего, заимствование из тюркского.

48. "что": ПЯ *nV̆, *nà-ní ~ алт. *ŋia- (монг. ja-, тюрк. *nä, см. выше, с. 52-53).

ПЯ *nV̆ представлено в др.-яп. *pani*, RJ *pàní* 'что', ток. *náni*, ПР *ní (нас. *nú*, сюр. *ní*, хат. *ní* etc.; ПР форма, возможно, представляет собой стяжение из **pani-wo*). Сохранение анлаутного носового здесь, возможно, объясняется ранней суффиксацией -ní (о сохранении носового при последующем носовом см. выше, с. 77); вариант той же основы с утратой *ŋ- > 0- находим в др.-яп. *ani* (RJ *àní*), сохранившемся только в значении "как, разве".

Не исключено, что к тому же алтайскому корню (но с иным развитием дифтонга *-ia- > -i-) восходит др.-яп. вопросительная основа *i-* в *i-ka* (RJ *ikà*) 'как', *i-ku* (RJ *ikú*) 'сколько', *i-du*, *i-đuku* (RJ *idúkù*) 'где' и др., т.е. *ì* < *ŋì < *ŋia-.

См. [Одзава 1968, 131-132] (яп. ~ монг.), [Оно 1953, 75] (яп. *i* ~ кор. *ni* 'кто'). Реконструкция анлаутного *ŋ- снимает сомнения в сопоставимости японской и тюркской форм, которые высказывает С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 237-241, 1974^b, 175]. Соответственно, нет необходимости рассматривать *n-* в *pani* в качестве префикса (как это сделано в [Мураяма 1971]) и сравнивать японскую форму с ПАН *ʔanuʔ 'кто-то, что-то' (см. [Мураяма *ibid.*; 1974^b, 147; Kawamoto 1977, 46]).

49. "этот": ПЯ *kó- (др.-яп. *ko-po*, *ko-re*, RJ *kó-nó*, *kó-gé* etc.) ~ алт. *k(ʹ)õ (чув. *ko*, ср.-кор. *k-*, см. выше, с. 53-54).

Сближение (см. [Хаттори 1959^a]) представляется нам вполне надежным. С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 236-237] оспаривает его (на основании того, что яп. *ko-* относится к более близким предметам, чем кор. *k-*, и на основании несоответствия гласных - что на самом деле неверно, поскольку все соответствия здесь вполне регулярны). Однако взамен предлагается только сближение др.-яп. *ko* 'этот' с ПАН *kav 'ты', на наш взгляд, весьма сомнительное.

50. "я": ПЯ *bà- (др.-яп. *wa-re*, *wa-ga*, RJ *wà-ré*, нас. *wá-ŋ*ʹ, сюр. *wá-ŋ*ʹ, хат. *bà-nù* etc.) ~ алт. *bä- (тюрк. *bä-, монг. *bi-*, ТМ *bi, см. выше, с. 54-55).

Сравнение японской формы с алтайскими см. [Miller 1971, 159 и дал.; Мураяма 1981^a, 69]. Разумеется, лишено всяких оснований сравнение Кавамото [Kawamoto 1977, 46] и П. Бенедикта [Бенедикт 1985, 157, 182] яп. *wa- ~ *a- (о вторичности последнего варианта см.

подробно в [Miller 1971, 161 и дал.] с ПАН *'aku', (DMC) *ʔaku 'я' (П. Бенедикт приводит еще параллельную реконструкцию *waku, насколько нам известно, ни на чем не основанную).

В др.-яп. единственное и множественное числа местоимений не различались, так что значение "мы" выражается тем же корнем (сохраненным в формах мн. числа и другими алтайскими языками: тюрк. *bi-í, монг. bi-da, ba, ТМ *bu(e), *mü(n)ti, ср.-кор. ú-í, см. выше, с. 55). В современных японских диалектах значение "мы" также выражается производными от этого корня формами (ср. нас. wà-kjá, сюр. wáttá, хат. bàimá, йон. bá-ntà etc.).

На основании изложенной выше историко-фонетической и этимологической информации лексикостатистический анализ для японского языка дает следующие результаты:

а) праяпонский и пратюркский имеют 18 совпадающих слов в пределах стандартного 100-словного списка: "белый" (*siruà- : *sāri-g < *siāri-), "весь" (*múi-nà : büt-ün < *mut'E), "волос" (*ká- : *kīl < *k'īlV), "жечь" (*dák- : *jak- < *dakV), "звезда" (*pésí : *jul-du-í < *p'īūlV), "камень" (*(d)ísi : *dāl < *tiōla), "кора" (*kàrà : *Kār-uk < *k(')āp'í), "один" (*pitə- : *bīr < *birV), "приходить" (*kə- : *gāl- < *galE), "собака" (*inù : *it/*it < *ɲinta), "спать" (*uj- : *u- < *ɲüja), "стоять" (*tāt- : *dur- < *č(u)rV), "сухой" (*káv(V)rá-k- : *kir- < *k(')awVrV), "черный" (*kuruà- : *Kara < *k(')ara), "что" (*nV : *nä < *ɲia-), "этот" (*k(ö) : *k' < *k(')ō), "я" (*bà- : *bā < *bā-), "мы" (*bà- : *bi-í).

По списку С. Е. Яхонтова получаем 16 совпадающих единиц (отбрасываются "весь", "жечь", "кора", "мы"; добавляются: "близкий" (*tikà- : *jag- ~ *jak- < *daka), "год" (*təsi < *təl-sì : *jīl < *dila). Разбивая список на 2 части (35-словную и 65-словную), получаем 20% совпадений в пределах 35-словного списка (7 слов: "вода, год, камень, один, собака, этот, что, я") и 13,8% совпадений в пределах 65-словного списка (остальные слова).

б) праяпонский и прамонгольский имеют 17 совпадающих слов в пределах стандартного 100-словного списка: "вошь" (*sir-ke : *s(u)irá-mí < *siwrV), "глаз" (*màN-i : *ni-dun < *niā), "дорога" (*mítí : *mör < *miörV), "женщина" (*miá : *eme < *ame), "звезда" (*pésí : *ho-dun < *hol-dun < *p'īūlV), "камень" (*(d)ísi : *čila-yun < *tiōla), "кора" (*kàrà : *ka(γ)u- < *k(')āp'í), "корень" (*mètə : *ündü-sun < *ɲinte), "кровь" (*tí : *či-sun < *t(')īnV), "кость" (*pənà : *ja-sun < *p'ian-sun < *p'eniV), "плыть" (*ə̀jə-(n)k- : *oji-mu- < *ojV), "рыба" (*(d)íwə : *žiga-sun < *diogV),

"сухой" (*káv(V)-rá-k- : *ka(γ)ur- < *k(°)awVrV), "что" (*nV̇ : *ja < *ŋia-), "черный" (*kùruà : *kara < *k(°)ara), "я" (*bà- : bi < *bä-), "мы" (*bà- : *bi-da).

По списку С. Е. Яхонтова получаем 16 совпадений (отбрасываются: "мы", "кора"; добавляется "год" (*tèsi < *tèl-si : *zil < *dila). Из них 9 слов относятся к 35-словному списку ("вошь", "глаз", "год", "камень", "кость", "кровь", "рыба", "что", "я") и составляют в нем 25,7%; остальные слова составляют 10,8% 65-слового списка.

c) прапйонский и пратунгусо-маньчжурский имеют 15 совпадающих слов в стандартном списке: "вода" (*mí ~ *mi < *mūri), "волос" (*ká-i ~ *xil-ŋa- < *k'īV), "глаз" (*màN- ~ *níā-sa < *níā), "грудь" (*tiji/ *titi ~ *ča(i)ža-n < *č'ajVžV), "жечь" (*dák- ~ *deg-že- < *dakV), "земля" (*tùti ~ *tirV < *t'[o]wVrV), "знать" (*sír- ~ *sā- < *s[ā]ri-), "камень" (*(d)isi ~ *žola < *tiōla), "корень" (*mètè ~ *ŋūŋte < *ŋiŋte), "круглый" (*máru- ~ *muru- < *mür(°)V), "нога" (*rà(n)ki ~ *palga-n < *pałkV), "ночь" (*duà ~ *dolba < *tūl(°)V), "собака" (*inù ~ *ŋinda < *ŋinta), "я" (*bà- ~ *bi < *bā), "мы" (*bà- ~ *bu(e)).

По списку С. Е. Яхонтова имеем 14 совпадающих слов (отбрасываются: "мы", "жечь", добавляется "близкий" (*tikà- ~ *daga- < *daka). 6 слов из них ("вода", "глаз", "знать", "камень", "собака", "я") относятся к 35-словному списку, составляя в нем 17,1%; прочие 8 слов составляют 12,3% 65-слового списка.

d) прапйонский и среднекорейский имеют 25 совпадающих слов в стандартном списке: "белый" (*sìruà- ~ hái- < *siāri-), "весь" (*múina ~ *mòtá-n < *mut'E), "вода" (*mí ~ *mír < *mūri), "глаз" (*màN- ~ *nún < *níā), "грудь" (*tiji/ *titi ~ *čjós < *č'ajVžV), "жечь" (*dák- ~ *thà- < *dakV), "живот" (*ràrà ~ *rái < *pājl(i)), "звезда" (*pésí ~ *pjēr(h) < *p'iuíV), "камень" (*(d)isi ~ *tōr(h) < *tiōla), "кора" (*kàrà ~ *kàphár < *k(°)ār'i), "кость" (*rànià ~ *s-pjé < *p'eníV), "лежать" (*ná- ~ *ni-p- < *nā-), "луна" (*tùkù-N ~ *tár), "много" (*mania- ~ *mān-), "мясо" (*sìsi ~ *sár(h) < *siwíV), "не" (*-an- ~ *àní < *anV), "нога" (*rà(n)ki ~ *pár < *pałkV), "ноготь" (*túma- ~ *thòp < *t'up'V), "облако" (*kùmuà-N ~ *kúrùm < *k'ol(°)E-mV), "огонь" (*pè-i ~ *pír < *p'örV), "теплый" (*àta-/*àtù- ~ *tā- < *ot'V), "ты" (*ná- ~ *nè), "этот" (*kè- ~ *k-), "мы" (*bà- ~ *ú-gí < *bV-); "хороший" (*dè- ~ *tjōh- < *diōgV).

По списку С. Е. Яхонтова имеем 20 совпадений (отбрасываются: "мы", "весь", "жечь", "кора", "лежать", "ноготь", "теплый"; добавляются: "змея" (*ràim(p)V̇ ~ *pājām), "тяжелый" (*émé- ~ *mè-). Из них 8 слов относятся к 35-словному списку ("вода", "глаз", "камень", "кость",

"луна", "огонь", "ты", "этот"), составляя 22,9%; остальные слова составляют 16,9% 65-словного списка.

Теперь мы можем переписать таблицу на с. 59, добавив в нее японские данные:

	тюрк.	монг.	ТМ	кор.	яп.
тюрк.	-	20(20)	18(16)	17(13)	18(16)
монг.		-	22(21)	16(14)	17(16)
ТМ			-	21(19)	15(14)
кор.				-	25(20)
яп.					-

По этой таблице видно, что японский язык примерно равно удален от тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского, но явно находится ближе к корейскому. Вероятно следует, вслед за Р. А. Миллером [Miller 1971], выделять "полуостровную" подгруппу алтайских языков в составе японского и корейского. Следует, однако, заметить, что лексико-статистические данные не дают никаких оснований для объединения "полуостровной" подгруппы вместе с тунгусо-маньчжурской в одну "севернополуостровную" группу: тунгусо-маньчжурские ничуть не ближе (а может быть, даже несколько дальше) к японскому, чем тюркские и монгольские (о причинах повышенного процента совпадений между корейским и ТМ см. выше, с. 59). По приведенным выше данным распад протокорейско-японского следует датировать 3-4 тысячелетиями до н. э. (т. е. сама по себе эта языковая группа приблизительно совпадает по глубине с индоевропейской, а может быть, даже несколько ее превосходит).

В любом случае данные лексикостатистики, по-видимому, не оставляют сомнений в родстве между собой всех алтайских языков, включая японский.

В заключение следует остановиться на "австронезийском" аспекте японской проблемы.

В настоящее время (в основном после работ проф. Мураямы) нет сомнения в том, что японский язык находился в активном контакте с австронезийскими (существенная часть аборигенов японского архипелага, по-видимому, говорила на этих языках). Имеется довольно большое количество культурных слов, проникших в японский язык из австронезийских (хотя в некоторых случаях, возможно, следует предполагать и обратное направление заимствований). Какое же

влияние оказал австронезийский субстрат на японскую базисную лексику?

Для того, чтобы дать ответ на этот вопрос, следует обратиться к той части нашего 110-словного списка, которая не была разобрана выше (на с. 81-100), т. е. к тем 69 ПЯ словам, которые не имеют прямых параллелей (т. е. родственных слов с точно совпадающим значением) в других алтайских языках, и посмотреть, сколь велика среди них доля "австронезизмов".

Все оставшиеся 69 слов (реально несколько больше, поскольку для некоторых значений в ПЯ есть по два или более кандидатов) в зависимости от их этимологии можно разбить на четыре группы:

А. Слова с пока не выясненной этимологией. Сюда относятся:

1. ПЯ *ə̀rə- 'большой' (др.-яп. oro-ki-, RJ òfò-ki). С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 100-110; 1974^b, 148; 1975, 117-118], а вслед за ним Кавамото [Kawamoto 1977, 29], отвергая сближение Хаттори с маньчж. amba 'большой' [Хаттори 1959^a], предлагают не менее сомнительное сближение с ПАН *ʔə(m)ru? 'предок'. Этимология продолжает оставаться неясной (хотя нам ТМ параллель не представляется невозможной, см. ниже);

2. ПЯ *kánsá-i 'ветер' (др.-яп. kaze, RJ kázé). Кавамото [Kawamoto 1977, 41] сравнивает с ПАН *'ət'əŋ ~ *hat'əŋ или *kət'ah 'громко дышать', что весьма сомнительно (как фонетически, так и семантически);

3. ПЯ *kàsìrà 'голова' (др.-яп. kasira, RJ kàsìrà);

4. ПЯ *tə́rə- 'далекий' (др.-яп. toro-, RJ tófó-si). С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 212] предложил сближать с ПАН *d'aʔuh, (DMC) Zauq 'далекий', что вряд ли возможно фонетически. В работе [Мураяма 1975, 121-123] он предлагает еще менее вероятную этимологию: ПАН *(t)umru? (DMC [tT]umru(qʔh) 'предок, господин' (?);

5. ПЯ *àwə̀- 'зеленый, синий' (др.-яп. awo-, RJ àwòsi), этимологически неясно²⁰³. Другое японское слово со значением 'зеленый', ПЯ *míntə̀rì (др.-яп. midori, RJ mídóri) С. Мураяма [Мураяма 1974^a, 106-107, 213-214; 1974^b, 161; 1975, 186-187], справедливо отвергая сближение Оно [Оно 1953, 75; 1957, 159] с кор. phiri- 'зеленый', предлагает сравнивать с ПАН *híd'av 'зеленый', что не менее сомнительно;

6. ПЯ pínsá (др.-яп. piza, RJ fízá) 'колени';

7. ПЯ *àrà-ta- 'новый' (др.-яп. arata-, RJ àràta-si);

²⁰³ Разумеется, нельзя согласиться с С. Мартином, сравнивающим яп. awo- со ср.-кор. phä̀rə- 'синий, зеленый' [Martin 1966, 232].

8. ПЯ *suna 'песок' (ср.-яп. suna-go, RJ sùnà-go etc.); др.-яп. mana-guo 'песок'. Этимология обеих основ неясна. В др.-яп. встречается также isa-guo 'песок', ср. еще современные формы типа хат. ʔiʂòŋ id.; это, очевидно, диминутив от isi, ПЯ *(d)isi 'камень';

9. ПЯ *tà-i 'рука' (др.-яп. te, RJ tè). Это слово алтайской этимологии не имеет, и С. Мураяма [Мураяма 1974^b, 113-114, 155], Кавамото [Kawamoto 1977, 27] и Бенедикт [Бенедикт 1985, 193] сравнивают его с ПАН *taŋan 'рука; орудие хватания (мешок, корзина etc.)'. Это сближение кажется нам сомнительным как по фонетическим (неясна причина отпадения второго слога в ПЯ)²⁰⁴, так и по семантическим причинам (значение "рука" у этого корня распространено только в индонезийских языках и, вероятно, является вторичным; исконным основным корнем со значением "рука" в ПАН является, очевидно, ПАН *liŋa, (DMC) *li-ŋa(qʔh); см. [Dempwolff 1938,97, 130]. Возможно, более вероятным в данном случае является заимствование из айнского (ср. айн. tak 'рука') или австроазиатского, ср. формы типа вьет.-мьонг. *sāj, вьет. tay 'рука';

10. ПЯ *sìpə (~ *sìpuà) 'соль' (др.-яп. sipo, RJ sifò). Этимология отсутствует (вряд ли можно серьезно относиться к сближению с ПАН *t'ib't'ib 'соскальзывать, сползать') [Кавамото 1977, 47].

11. ПЯ *úsú- 'тонкий' (др.-яп. usu-, RJ úsú-si). Бенедикт [Бенедикт 1985, 164] сопоставляет это слово с ПАН *lət'uʔ 'расслабленный, слабый'. Помимо семантических проблем, совершенно неясно отпадение начального *l- в ПЯ. Другое ПЯ слово со значением "тонкий" - *pə̀sə̀-/p̄isə̀- (др.-яп. poso-, RJ fòsò-si, сюр. f̄is-, хат. p̄iʂà- etc.) имеет предположительную этимологию (см. ниже, с. 265).

12. ПЯ *ká- 'тот' (др.-яп. ka-no, ka-re, RJ ká-gè, Хатэрума kà-ŋù etc.). Не исключена вторичная деривация от *kə́- 'этот' (*kə́ + á- ?), однако вопрос этот требует специального исследования.

13. ПЯ *mìmi (др.-яп. mimi, RJ mimi) 'ухо'. Несомненная инновация, вытеснившая исконное *ki 'ухо' (см. примеч. 171), однако источник ее неясен. Мураяма [Мураяма 1974^b, 92, 153], Кавамото [Kawamoto 1977, 27], Бенедикт [Бенедикт 1985, 193] сравнивают др.-яп. mimi с ПАН *bibiŋ, (DMC) *bibiŋR 'губы', что крайне сомнительно.

14. ПЯ *bə̀ (~ *buà) 'хвост'. Происхождение неясно. Совершенно

²⁰⁴ С. Мураяма пытается обойти эту трудность, находя исходную старую форму *tana в сложениях типа tana-uga 'ладонь' и т. п., но нет сомнения в том, что членить здесь нужно ta-nauga, где na - показатель генитива (вариант no), весьма частый в др.-яп. языке (ср. выше, с. 84).

фантастично сближение [Kawamoto 1977, 39; Бенедикт 1985, 167] с ПАН **puŋku(lh)* 'зад, задняя часть'.

15. ПЯ **kúmpí* 'шея' (ср.-яп. *kubi*, RJ *kúbí*). Надежные этимологии отсутствуют; невероятно сближение [Kawamoto 1977, 26] с ПАН **kə(m)pit* 'сжимать, быть сжатым, тесным'.

16. ПЯ **sità* 'язык' (др.-яп. *sita*, RJ *sità*). Надежная алтайская этимология отсутствует; однако распространенное сближение **sità* с ПАН **dilah* 'язык' (см. [Мураяма 1974^a, 17-24, 1974^b, 154-155, Kawamoto 1977, 27; Бенедикт 1985, 169]) наталкивается на непреодолимые фонетические трудности (АН **d-* при ПЯ **s-*; АН **l-* при ПЯ **-t-*)²⁰⁵. Часть рюкюских диалектов (ср., например, нас. *šibá*, сюр. *šibá* etc.) отражают другую ПЯ форму **si(m)pa*, столь же неясного происхождения.

В. Большая группа слов с алтайской этимологией. Сюда относятся:

1. ПЯ **mì-* 'видеть' < алт. **ńiā-* (см. выше, с. 83 и примеч. 171).

2. ПЯ **tum(p)V-* 'голова'. Эта основа представлена в разных вариантах и подвержена экспрессивным преобразованиям. Ср. др.-яп. *tumuzi* (совр. *tsùmuji*) 'завихрение волос на голове', ср.-яп. *tumuri* ~ *tuburi*, совр. *tsumuri* ~ *tsuburi* 'голова (разг.)', ПР **tuburu* 'голова' (сюр. *tšibúru*, исигаки *tsibùrù*, охама *tsùbùrù*, такэтоми *sùbùrù* etc.). Если исходным является корень **tum-*, то вполне вероятно сравнение с ПТМ **tu-ŋu* 'темя' (эвенк. *tuŋu-lkēn*, сол. *tumu-lkī*, маньчж. *tuŋu-n* etc., см. ТМС 2, 217) < алт. **t'UŋV*.

3. ПЯ **dàtà* (ср.-яп. *jama*, RJ *jàtà*) 'гора' < **dàbà-n* < алт. **daba* (~ **t-*) 'переваливать (через гору)', ср. ТМ **dawa-* (ТМС 1, 185-186) id., монг.-письм. *daba-*. Ср., в частности, именные формы типа ороч. *dawa* 'горный перевал', монг.-письм. *daba-γan* id. Яп. ~ алт. сравнение см. [Мураяма 1983, 22]; см. также выше, с. 92 (о фонетических особенностях данного корня)²⁰⁶.

²⁰⁵ Если бы было возможно подобное сближение, то ничто не мешало бы нам сравнивать яп. **sità* с тюрк. **dil* ~ **dil* 'язык' (< алт. **dilV*, ср. еще ТМ **dilga-n* 'голос'; сходство между алт. **dilV* и ПАН **dilah* либо случайное, либо отражает какое-то "сверхдревнее" родство). К сожалению, соотнести ПЯ **sità* как с тюркским, так и с австронезийским не удастся.

²⁰⁶ Предлагались также и австронезийские этимологии данного японского корня. Кавамото [Kawamoto 1977, 41], а вслед за ним Бенедикт [Бенедикт 1985, 174] сравнивает яп. *jama* с ПАН **[l]a(m)ba* ~ **[l]imba* 'лес, чаща', но само это слово, вероятно, заимствовано из сино-тибетского (ср. др.-кит. **gəm* 'лес' и под.), и вряд ли могло послужить источником японского слова. У Ка-

4. ПЯ *puta 'два' (др.-яп. puta-, RJ fútà-tù ~ fútátu) < алт. *puč'a (~b-) 'пара', ср. ср.-кор. pčak (КС 415) 'пара', тюрк. *buč-uk (VEWT 85) 'половина'²⁰⁷.

В свете этой этимологии, вполне надежной как с фонетической, так и с семантической стороны, оказываются, по нашему мнению, излишними другие попытки этимологизации японского слова: сложное и несколько натянутое объяснение Р. А. Миллера ([Miller 1971, 230]: яп. puta- < *juta- по аналогии с pito- 'один', а гипотетическое *juta- = ТМ *žuwe-r etc., см. выше, с. 31-32; эта этимология усложняется еще и тем, что -г в ТМ и в ср.-кор. ti-г несомненно имеет суффиксальный характер), а также возведение яп. puta- к ПАН *pa'аη 'пара' [Мураяма 1974^b, 148, 184-186; Kawamoto 1977, 43].

5. ПЯ *nànkà- 'длинный' (др.-яп. naga-, RJ nàgà-si): ср.-кор. nìl-da 'растягиваться, увеличиваться, распространяться', nìgu-da ~ nìri-da (ср.-кор. nǎrǐ-) 'протягивать, увеличивать, распространять'. См. Martin 1966, 235 (где привлекается также ср.-кор. nǎrk-/nǎrk- 'старый', что более сомнительно). Соотношение кор. -г : яп. *(n)к- указывает на исходное сочетание *-lk- или *-rk- (см. выше, с. 90).

Мураяма [Мураяма 1974^b, 149] и Кавамото [Kawamoto 1977, 44] сравнивают др.-яп. naga- с ПАН *ʔańd'аη (тж. *rańd'аη) 'длинный', что крайне сомнительно (соответствие *d' = g или k больше ни в одном случае не наблюдается; необъясним также анлаут).

6. ПЯ *kái-mrúgí 'дым' (др.-яп. k(i)eburí, RJ kébúgí). Возможно, ПЯ *kái-mrúgí следует рассматривать как сложение *kái-п(ə)-purí, где в 1-й части имеем др.-яп. ke < *kai 'дуновение воздуха, пар, дым'²⁰⁸. Это *kai, вероятно, следует сближать со ср.-монг. kei, дун. kəi, бао. kī, даг.

вамото (ibid.) имеется еще альтернативное и не менее сомнительное сближение с ПАН *tambak 'насыпь, дамба'.

²⁰⁷ Дж. Клосон (EDT 294) и Э. В. Севортян (ЭСТЯ 2, 284) производят тюркское слово от *bič- 'резать', но последний корень имеет стабильно нелабиализованный вокализм, поэтому более надежным нам представляется непосредственное сравнение тюркской и корейской форм, предложенное Г. К. Рамстедтом (SKE 19).

²⁰⁸ Обычно считается китаизмом (ср.-кит. khi), см. JB 279; но, по-видимому, это случайное совпадение (слово встречается уже в самых ранних др.-яп. текстах, где китаизмов очень мало; часто встречается в сложениях с исконно японскими корнями, ср., в частности, др.-яп. ро-ке 'дым от огня'. Наличие последнего сложения делает предложенное нами членение формы keburí довольно вероятным).

хәиᠨ, монгол. khī 'ветер'.

7. ПЯ *kup- 'есть' (др.-яп. kup-, RJ kuf-ú) < алт. *käbi 'жевать' (см. выше, с. 66)²⁰⁹. Кавамото [Kawamoto 1977, 33; 1981, 143], а вслед за ним Бенедикт [Бенедикт 1985, 180] сравнивают яп. kup- с ПАН *kupkup 'хватать', что совершенно неудовлетворительно семантически.

8. ПЯ *pà 'зуб' (др.-яп. pa, ток. há, Сюри há, Хатэрума pá etc.) < алт. *p(ʼ)alV '(коренной) зуб', ср. ТМ *palV 'коренной зуб' (ульч. palj, нан. paloa, см. ТМС 2, 313), ср. кор. -paḡ в ni-s-paḡ /совр. ippal/ 'зуб' (акцентуация не зафиксирована). Далее см. МССНЯ, 343 (ностр. *palV > алт. *palV, драв. *pal 'зуб'). Сопоставление японской и корейской форм см. [Ramstedt 1942; Оно 1953, 77]²¹⁰.

9. ПЯ *nán 'имя' < алт. *nVmV 'слово; заклинание' (см. выше, с. 66 и примеч. 137).

10. ПР *túbusiN 'колено' (Насэ tziḃùsí, Сюри tšínšì, Накасудзи *tsìḃùsì, Хатэрума sùḃùšij etc.). Данное общерюкюское название "колена" (не имеющее параллелей в др.-яп. и других японских диалектах), при условии вторичного озвончения интервокального -b-, можно сравнивать с тюрк. *top-ik 'щиколотка; коленная чашечка' (см. VEWT 489; EDT 437-438²¹¹); ср. также изолированные в ТМ маньчж. tobḡ'a 'колено (сустав), коленная чашечка' (ТМС 2, 189) < *t'op'V(?).

11. ПЯ *insikà- (~ *mìnsikà-) 'короткий'. Др.-яп. (mizika-) и ср.-яп. (RJ mìziká-) имеют только форму с начальным m-, однако рюкюские диалекты однозначно указывают на вторичность этого согласного (ср. нас. ?ikjá-, сюр. ?intšá-, исигаки ?intsikà-, такэтоми ?iḡkà-,

²⁰⁹ Ср. далее ностр. *käjwV 'жевать' (ОСНЯ 1,293) /кроме алтайских форм приводится еще и.-е. *g'ieu- 'жевать' и юж.-драв. *kavц 'челюсть', 'щека' (?)/.

²¹⁰ Ввиду вполне надежной алтайской и ностратической этимологии японского слова следует отвергнуть попытки его этимологизации на австронезийской почве, тем более, что они довольно слабо обоснованы фонетически. Так, Мураяма [Мураяма 1974^b, 44-45, 108, 154; 1975, 243-245; 1981, 90-91] на основании формы диалекта Хатэрума paḡ восстанавливает ПЯ *paḡ < *baḡ = ПАН *baḡaḡ 'коренной зуб' (та же этимология в [Kawamoto 1977, 25]). Однако в Хатэрума имеем не paḡ, но rā; выпадение ПАН *-ү- в японском также, видимо, надежными примерами не подтверждено. П.Бенедикт [Бенедикт 1985, 193] сравнивает ПЯ *pa с ПАН *[']irəḡ, (ДМС) *ḡireḡ 'зуб', что также фонетически недостоверно.

²¹¹ Произведение тюркского *top-ik от *top 'круглый предмет, мяч' представляется нам несколько сомнительным (и, во всяком случае, не единственным возможным этимологическим решением).

охама *ʔisùkà*- etc.); поэтому анлаутный *m*- в др.-яп. следует, вероятно, трактовать как экспрессивный префикс (ПЯ **ma*- или **mi*-). По этой причине (а также из-за нерегулярности соответствия ПАН **-d*- = ПЯ **-s*-) следует отклонить сравнение др.-яп. *mizika*- с ПАН **piŋdik* ~ **paŋdak* 'короткий' [Kawamoto 1977, 44; Мураяма 1981, 262 и дал.; Бенедикт 1985, 170]. Зато безупречным фонетически представляется соответствие ПЯ **insikà*- и тюрк. *(j)inčikä 'тонкий, узкий' (см. VEWT 203), вполне удовлетворительное также и семантически.

12. ПЯ **áká*- 'красный' (др.-яп. *aka*-, RJ *áká-si* etc.). Налицо, несомненно, вторичное развитие значения "красный" < "светлый" (ср. ПЯ **àkà*-, др.-яп. *aka/ake*- 'рассветать', ПЯ **áká-gú* 'светлый' и др. производные). Поэтому естественно сопоставлять этот корень с тюрк. **āk* 'белый' < 'светлый' (ср. выше, с. 25). Абсолютно неприемлемо объединение др.-яп. *aka*- 'красный' с *aga/age*- (ПЯ **ánká*-) 'поднимать' и возведение к ПАН **aŋkat* 'поднимать(ся), возвышать(ся)', предложенное С. Мураямой [Мураяма 1974^b, 160-161]²¹². См. критику этой этимологии и правильное сопоставление с тюрк. **āk* в [Miller-Street 1975, 31 и дал.].

13. ПЯ **támpr*- 'лететь, летать' (др.-яп. *tob*-, RJ *tób-ù*). Несмотря на некоторые трудности, связанные со срединным носовым (вторичным?), представляется вполне вероятным возведение ПЯ формы к алт. **ter* V (~ **d*-), представленному в монг.-письм. *debi*- 'махать, размахивать (крыльями); взлетать' и ТМ **deri*- 'махать (крыльями)', см. ТМС 1, 228.

Менее надежной представляется этимология С. Мураямы (цит. по [Фудзивара 1979, 252]): сравнение др.-яп. *tob*- с ПАН **!ə(m)ba*j 'летать' (допустимое только при условии соответствия АН **!-* = ПЯ **t*-, что сомнительно). Совершенно невероятна этимология П. Бенедикта [Бенедикт 1985, 179]; сопоставление с ПАН **təp(təp)* 'бить, стучать' - имеется в виду, по-видимому, ПАН **tabtab*, см. [Dempwolff 1938, 125].

14. ПЯ **bə* 'мужчина, самец' (др.-яп. *wo*, *woto-kuo*, *wo-no-kuo*; RJ *wò*, *wòtòkò*) < алт. **beje* 'человек, мужчина; тело' (см. выше, с. 65)²¹³.

²¹² Заметим, что ПЯ **ánká*- 'поднимать(ся)' также имеет вполне вероятную тюркскую параллель: тюрк. **ā(ŋ)g*- 'подниматься' (см. VEWT 7, ЭСТЯ 1, 68-69, EDT 76-77), вследствие чего совпадение с ПАН **aŋkat* может быть и случайным.

²¹³ Весьма сомнительно сближение японской формы со ср.-кор. *rāt* 'товарищ, друг' (не говоря уже о семантике, налицо произвольное членение др.-яп. *wotokuo* на *woto*- + *kuo*; -*to* в др.-яп. форме - несомненный вариант

15. ПЯ **niri*- 'новый' (др.-яп. *niri*-, RJ *nífi*-, сюр. *mī*-, нас. *mī*-, хат. *nē*- etc.). ПЯ форму интересно сравнить с эвен. *něji* (возможно < **něwi*) 'новый, свежий' (см. ТМС 1, 616), с предположительной реконструкцией алт. **nebV*. К сожалению, реконструкция эта остается несколько гипотетической ввиду изолированности эвенской формы²¹⁴.

16. ПЯ **ráná* 'нос' (др.-яп. *rapa*, RJ *fáná*) < алт. **p(ʼ)ǎnV* 'запах, нюхать' (см. выше, с. 75)²¹⁵.

17. ПЯ **kímuà* ~ **kìmuà* 'печень' (др.-яп. *kimuo*, RJ *kímò*, но совр. ток. *kimó*, киот. *kímò*, каг. *kímò* < **kímuà*). Ср. ТМ **xemu-gde* 'внутренности, живот' (эвенк. *emugde*, эвен. *emdə*, нег. *emugde*, уд. *emugde*, улч. *xemde*, орок. *xemugde*, нан. *xemde*, см. ТМС 2, 451). Яп. **kimua*, ТМ **xemu*- < алт. **k'emu*.

атрибутивно-генитивного показателя -tu), см. [Martin 1966, 234].

Проф. Мураяма [Мураяма 1974^b, 45, 112, 149; 1975, 242-243] возводит др.-яп. *wo k* **ua* < **uha* < **uça* и сравнивает с ПАН **ʼuçaŋ* 'человек', но это маловероятно (надежных примеров на развитие **-y*- > -0- в ПЯ нет; все примеры, которые приводит С. Мураяма, - др.-яп. *oto*- 'тяжелый', *ra* 'зуб', *wo* 'мужчина' и *wo* 'веревка' - имеют вполне надежные альтернативные алтайские этимологии, см. стр. 98, 104, 105, 65). Совсем сомнительны австронезийские этимологии Кавамото [Kawamoto 1977, 29]: др.-яп. *wo* он сравнивает с ПАН **ru*' 'господин' (?), др.-яп. *wotokuo* членит на *woto-kuo* и сравнивает *woto-* с ПАН **bud*'ај 'быть холостым'.

²¹⁴ Ср., однако, интересную ностратическую параллель: и.-е. **neu*- 'новый' (WP 2, 324), возможно, свидетельствующую в пользу реконструкции ностратического корня **newV* 'новый' (> и.-е. **neu*-, алт. **nebV* с вполне регулярными соответствиями). Альтернативную алтайскую этимологию др.-яп. *niri*-, предложенную Р. А. Миллером [Miller 1967, 287; 1971, 113], а именно, объединение др.-яп. *niri*- и др.-яп. *aga-ta*- и сравнение обеих форм с разнородным алтайским материалом (монг. *nirai*, маньчж. *nārḡuḡ*, тюрк. **jāŋ*, монг. *nīlqa*, *ногоуан* etc.) следует отвергнуть (см. критику в [Chew 1969, 204]).

²¹⁵ Р. А. Миллер и Дж. Стрит [Miller-Street 1975, 38-39], правильно считая др.-яп. *rapa* вторичным в функции обозначения "носа" и оспаривая австронезийскую этимологию Мураямы (см. ниже), выдвигают довольно сомнительную точку зрения, согласно которой др.-яп. *rapa* 'нос' связано с *rapīwa* 'глиняные фигурки вокруг погребения" и яп. *haneru* 'скакать; расплескиваться (о воде) и под.'

Этимология С. Мураямы [Мураяма 1973, 25-26, 207, 220; 1974^a, 22, 222; 1974^b, 123, 154] состоит в сравнении др.-яп. *rapa* с ПН **raŋa*[ʼ] 'развилка, разветвление'. Фонетически это сравнение удовлетворительно, но семантически оно представляется нам гораздо менее обоснованным, чем сравнение *rapa* с монг. *hūnig* и ТМ **ruŋ*' 'запах, нюхать'.

18. ПЯ *nəm- 'пить' (др.-яп. nom-, RJ nòm-ú) < алт. *l(u)mV 'глотать' (см. выше, с. 66). Сопоставление яп. nom- с прочими алтайскими формами см. [Miller 1971, 108]. Наличие надежных алтайских параллелей делает излишним сравнение (хотя и удовлетворительное как семантически, так и фонетически) с ПАН *ʔinum, (ДМС) *ʔinúm 'пить' (см. [Мураяма 1974^b, 71; Kawamoto 1977, 33]). Сходство ПЯ *nəm- и ПАН *ʔinúm, таким образом, скорее всего относится к разряду случайных совпадений.

19. ПЯ *mìt- 'полный, наполнять(ся)' (др.-яп. mit-, RJ mìt-ú) < алт. *milt V (ср. монг.-письм. meltei- 'переполнять'; ТМ *milte- > эвен. mìltə-gə 'полный, цельный', mìltəren 'наполняться', орок. milte-milte 'полно', см. ТМС 1, 536-537).

20. ПЯ *tərí 'птица' < алт. *t'orV, см. выше, с. 67²¹⁶.

21. ПЯ *kútú-i 'рот' (др.-яп. kuti, RJ kútí; основа *kútú восстанавливается на основании др.-яп. сложений типа kutu-bami 'удила' etc.) - новообразование, вытеснившее исконное японское название "рта" *ipV (см. примеч. 171). По поводу этимологии ПЯ *kútú- допустимы две точки зрения:

а) сравнение ПЯ *kútú- со ср.-кор. kút 'дыра, отверстие' (см. [Оно 1953, 77; Martin 1966, 237]); ввиду несоответствия акцентуации в данном случае, однако, можно думать о заимствовании из корейского в японский;

б) сравнение ПЯ *kútú- с зафиксированной формой языка Когуре хот-чхе = хогč(V) 'рот' (см. [И 1972, 97]).

В любом случае австронезийская этимология - сравнение с формами типа прото-восточно-океан. *ŋu(ts)u и прото-центрально-папуасского *Nudu 'рот' (см. [Kawamoto 1977, 26; Бенедикт 1985, 193]) вряд ли может быть принята (прежде всего, по фонетическим соображениям).

22. ПЯ *kəkəgə 'сердце' < алт. *kok'ü(-fV) 'грудь', см. выше, с. 30-31 и примеч. 65.

23. ПЯ *bí- (~ *bú-) 'сидеть; быть' < алт. *bui-, см. выше, с. 65. Сближение яп. и алт. материала см. [Мураяма 1973, 25].

24. ПЯ *ír- 'сказать, говорить' (др.-яп. ip-, RJ íf-ù). Данный ко-

²¹⁶ П. Бенедикт [Бенедикт 1985, 172] сопоставляет японскую форму с тайв. *taŋi- в *taŋi-(ku)kuŋ 'курица' (прото-цоу по [Li 1972] *tarukuka). Нам представляется, что сама тайваньская форма ввиду ее полной изолированности среди прочих австронезийских является заимствованием (ср. особенно формы типа ср.-кор. tǎrk 'курица').

рень, несомненно, отражает общее японо-корейское название "рта", см. примеч. 171, ср. ср.-кор. íp 'рот'. Несмотря на несовпадение акцентуации, сближение представляется вполне надежным (см. [Martin 1966, 249]). Поэтому вряд ли можно принять сомнительное сближение *ip- 'сказать' с ПАН *(?)ijur 'дуть' [Kawamoto 1977, 26, 30].

25. ПЯ *kí-k- 'слышать' - производное от *kí 'ухо' < алт. *k'üjlu 'ухо', см. выше, с. 72 и примеч. 171.

26. ПЯ *á- 'тот' (в древних памятниках не зафиксировано, но широко распространено в современных диалектах, включая диалекты Рюкю, так что претендует на общепонский характер²¹⁷) < алт. *а-дейктическая основа '(вон) тот', см. выше, с. 54. Впрочем, аналогичные дейктические элементы имеются во многих языках мира, и данная параллель доказательной силы не имеет.

27. ПЯ *sín- 'умирать' < алт. *siünü 'пропадать, гаснуть' (см. выше, с. 69). Сближение представляется нам вполне надежным как фонетически, так и семантически; напротив, австронезийская параллель, приводимая в [Kawamoto 1977, 28] (ПАН *tiɕuɕ ~ *tuɕuɕ, (DMC) *túDuR₂ 'спать') вряд ли имеет какое бы то ни было отношение к яп. *sín-.

28. ПЯ *sàmù- 'холодный' (др.-яп. samu-, RJ sàmùsi). Ср. ТМ *saŋu-n 'прохлада', *saŋ(u)-ksa 'иней' (см. ТМС 2, 62-63). Яп. *sàmù- и ТМ *saŋu- регулярно восходят к алт. *saŋu; следует, по-видимому, предпочесть данную этимологию сближению С. Мартина [Martin 1966, 228] яп. samu- и ср.-кор. čhír- (-v-), čhǎ- 'холодный'.

29. ПЯ *pǝjV 'холодный, замерзать' < алт. *begi 'мерзнуть' (см. выше, с. 65-66).

30. ПЯ *kàm- 'кусать' (др.-яп. kam-, RJ kàm-ú < алт. *kämV 'грызть' (тюрк. *gäm-ir- 'грызть, глотать', см. VEWT 251, монг.-письм. keme-li- 'грызть', бао. kaməl- 'кусать'). С. Мураяма (цит. по [Фудзивара 1979, 252]) сравнивает ПЯ *kàm- с ПАН *ka', *ka'ən, (DMC) *kaʔen 'есть', что представляется нам гораздо менее убедительным.

31. ПЯ *pítə 'человек' (др.-яп. pito, RJ fítò). Формально ПЯ форма совершенно точно соответствует ПТМ *pɯj-te 'ребенок' (см. примеч. 93, а также с. 76; ТМ *pɯjV = ПЯ *pɯ- в *pítə, *pɯ-kuà, *pɯ-mià). Вряд ли допустимо поэтому сравнение компонента *-tə с ПАН *[t]avɯ[ʔ], (DMC) *Cáʔuʔ 'человек', предложенное С. Мураямой [Мураяма 1974^a, 214-215; 1974^b, 149-150; 1975, 52 и дал., 245-246; Бенедикт

²¹⁷ Не исключено, что др.-яп. ka- 'тот' (совр. ka-ге 'он') следует трактовать как сложение *kə- + *а 'вон тот', букв. 'это тот'.

1985, 203].

32. ПЯ *ma(n)ki- > ПР *magi- 'большой' (Сюри mágí-, Окубу màgí-, Исигаки màì-, Охама màì-, Сонай màì-, Йонакуни máí- etc.). Прото-рюкюский корень, который можно сопоставить с ПТМ *maŋ(g)a 'твердый, сильный, крепкий' (ТМС 1, 529-530) (с дальнейшими ностратическими параллелями, см. примеч. 186).

33. ПЯ *ránái (~ *ráníá) 'перо' (др.-яп. rane, RJ fáné). Надежно возводится к алт. *r'ũŋV "волос, пух" (монг. и ТМ рефлексы см. выше, с. 28). Сравнение С. Мураямы [Мураяма 1974^b, 152-153] с тайв. *ralid 'перо' сомнительно фонетически. В др.-яп. текстах встречается и форма ра 'перо' (см. JB 570), но это, по всей видимости, вторичная усеченная форма rane, поэтому сравнение ее с разрозненными австронезийскими формами типа пугома ракрак, ами рікрік 'крыло, перо' [Бенедикт 1985, 179] также не заслуживает доверия.

С. Имеется небольшая группа слов, для которых алтайские параллели отсутствуют, но имеются интересные параллели в уральских и других ностратических языках. Надежность сепаратных сходений японского с другими ностратическими, конечно, невелика (из-за слишком большой временной дистанции), но все же мы считаем необходимым отмечать и такие параллели. Сюда относятся:

1. ПЯ *átá-rá- 'давать' (др.-яп. atara-, RJ átáf-u) ~ фин.-уг. *amta- 'давать' (см. ОФУЯ 418). Как будто бы довольно точное соответствие, хотя изолированность японской формы (и отсутствие других параллелей, кроме финно-угорских) значительно снижает его надежность.

2. ПЯ *âmâ-i 'небо, дождь' (др.-яп. ame 'небо, дождь', RJ àmé 'дождь'). Наиболее старым значением данного корня является, очевидно, 'небо' (с вторичным развитием > 'дождь'). Интересно поэтому сопоставить ПЯ *âmâ-i с ностр. *ʔami 'утро, дневной свет' (ОСНЯ 1, 260-261: и.-е. *ām- 'день', урал. *amV-/oma- 'утро', возможно, также картв. > сван. ham 'утро'; несколько более сомнительны сем.-хам. параллели). Семантическое соотношение "утро, день : небо" вполне обычно.

Менее удачным представляется выведение ПЯ *ama- из ПАН *ʔavaŋ 'воздушное пространство' (С. Мураяма, цит. по [Фудзивара 1979, 252]). Совершенно невероятна связь ПЯ *ama- с ПАН *bat'ah 'быть влажным' [Kawamoto 1977, 41].

3. ПЯ *rá 'лист' (др.-яп. ra, RJ fá). Ср. ностр. (ОСНЯ 1, 181-182) *bolʔi 'расти (о растениях)', откуда и.-е. *bhelH- 'лист', (?) сван. bāle

'лист', драв. **rolí* 'расти, цвести', сем.-хам. **ʔbl* 'лист', 'цветущее растение'. В алтайском ожидалось бы **bVIV*, которое вполне могло бы дать ПЯ **rá* (ср. ПЯ **rà* 'зуб' < алт. **p(ʼ)alV*, см. выше, с. 104). Из-за краткости японского корня (и из-за того факта, что в принципе он может происходить из разнообразных алтайских праформ) сближение не вполне надежно. Однако все же вряд ли можно предпочесть ему сравнение с ПАН **p(al)arah* 'какая-то часть растения', предложенное С. Мураемой [Мураяма 1974^b, 92, 109, 150-151; 1975, 244-245] (та же этимология повторяется в [Kawamoto 1977, 39] и в [Бенедикт 1985, 179]).

4. ПЯ **rí* 'солнце, день' (др.-яп. *ri*, ток. *hì*, кет. *hí*, каг. *hí*) ~ урал. **rīwe* 'теплый, тепло'; 'солнце'. Все дальнейшие ностратические параллели имеют значение 'огонь, тепло' (и.-е. **reHu-* 'огонь', картв. **rx(w)-* 'теплый', сем.хам. **phw* 'огонь' < ностр. **riwV* 'огонь', см. МССНЯ, 352). В качестве алтайской параллели к данному корню В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1968, 339] приводит ср.-монг. *heṯü-si-* 'страдать от жары', монгол. *xē-* 'сушить', 'греться', калм. *e-* 'палить', 'жарить'. Монгольская и японская формы в принципе могут быть сведены к алт. **r'ewi* (если предположить в японском развитие **riwi* > **riji* > **ri*), однако ввиду отсутствия других алтайских параллелей данная этимология не может считаться окончательной²¹⁸.

5. ПЯ **káǵés-* 'убивать' (др.-яп. *koros-*, RJ *kóros-ù*). В составе основы легко вычленился каузативный суффикс *-s-* при корне **kár(ǵ)-*, вероятно, первоначально означавшем "умирать" (и позднее вытесненным корнем **sín-*, см. выше, с. 106). Ср. урал. **kōle-* 'умирать', драв. **kol-* 'убивать', картв. **qwil-* 'убивать', и.-е. **gue(H)l-* 'мучить, умирать', для которых В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1968, 335; МССНЯ, 370] реконструировал ностр. **qo(H)IV* 'убивать'.

(См., однако, о возможности алтайской этимологии ниже, с. 261).

6. ПЯ **músi* 'червь'; 'насекомое вообще' (др.-яп. *musi*, RJ *músi*) ~ и.-е. **mus-* 'комар, муха' (см. WP 2, 311). Как и в примере 1, соответствие представляется удовлетворительным как семантически, так и фо-

²¹⁸ В принципе можно предположить, что суффиксальным производным от этого же корня является алт. **p'örV* 'огонь' < **p'ew-rV* (см. выше, стр. 93-94). Распространение с *-r-* может быть и архаичным (ср. и.-е. **reHu-r*, являющееся частью гетероклитической парадигмы **reHu-r*/**reHu-n-*). В таком случае ПЯ **rí* 'солнце, день' и ПЯ **rè-i* 'огонь' окажутся в конечном счете родственными словами.

нетически, но изолированность обеих форм (японской и индоевропейской) значительно снижает его достоверность.

Д. Наконец, имеется также небольшая группа слов, для которых найдены более или менее убедительные австронезийские параллели, но отсутствуют алтайские (или же имеющиеся алтайские этимологии менее убедительны, чем австронезийские). Сюда относятся:

1. ПЯ *kə-i 'дерево' (др.-яп. *kii*, RJ *kì*) ~ ПАН *kajuʔ 'дерево' (см. [Мураяма 1974^a, 207-211; 1974^a, 150; 1975, 66, 247-248; 1976, 425; Бенедикт 1985, 162]). Доказательность этого сравнения несколько ослабляется при учете модификации АН реконструкции у Дайена и Макфарленда: (DMC) *káʂiuʔe; однако данное слово могло проникнуть в ПЯ уже после перехода *-ʂ- > -0-.

2. ПЯ *kú-i 'желтый' (др.-яп. *k(i)i*, ток. *kì-iro* etc.; форма *kú-i восстанавливается на основании др.-яп. сложений типа *ku-gane* 'золото' /'желтый металл'/) ~ ПАН *kuniŋ 'желтый' [Бенедикт 1985, 175; Кавамото 1977, 40, 45]. Сближение возможно, если предположить выпадение носового в ПЯ форме (*kú- < *kunV), что в принципе не исключено.

3. ПЯ *bəmina 'женщина' (акцентуация неясна; ср. др.-яп. *womina* 'девушка, женщина', ток. *onná*, нас. *ùná-gù*, сюр. *wíná-gù* 'женщина' etc.) ~ ПАН *binaj/*babinaj 'женщина' (см., например, [Мураяма 1974^b, 149]).

4. ПЯ *à(m)rùrá 'жир' (др.-яп. *arura* ~ *abura*, RJ *àbùrá*). Это производное от глагола *à(m)rú-r- 'жарить' (др.-яп. *arur-* ~ *abur-*, RJ *àbùr-u*), корень которого проф. Мураяма [Мураяма 1974^a, 180-182] сопоставил с ПАН *ʔaruj 'огонь'. При отсутствии известных нам алтайских параллелей для ПЯ *à(m)rú-r- данная этимология представляется в принципе приемлемой.

5. ПЯ *ráp(u)í (~ *-əí) 'зола, пепел' (др.-яп. *rap(i)i*, RJ *fáfi*). Это довольно темное слово С.Мураяма [Мураяма 1974^b, 92, 160] возводит к *babi < преф. *b- (?) + *abi (может быть, лучше думать о редупликации?) и сравнивает с ПАН *ʔabuʔ, (DMC) *qabúʔe 'зола'²¹⁹. Японско-австронезийское сближение не вполне надежно, но более удовлетворительная алтайская этимология отсутствует.

²¹⁹ Более сомнительна этимология Кавамото [Kawamoto 1977, 33], усматривающего в др.-яп. *rapí* аналог ПАН словосочетанию *baɣa' 'аруј "Kohlenglut des Feuer".

6. ПЯ *tá 'кто' (др.-яп. ta, ta-re, RJ tá-ré) ~ ПАН *[t'a]jji' [DMC) *[cS]a[qh0]i 'кто' (см. [Kawamoto 1977, 46; Бенедикт 1985, 164]). Сомнения вызывает прежде всего сама австронезийская реконструкция (см. [Dempwolff 1939, 147]); однако при полном отсутствии в алтайских языках вопросительных основ на t- здесь можно думать в принципе и о проникновении данного местоимения из австронезийских языков.

7. ПЯ *t̥ipisà- 'маленький' (др.-яп. tipisa-, RJ t̥ipisà-). Какая бы то ни было алтайская этимология у данного слова отсутствует; с другой стороны, вполне приемлемым представляется сравнение его с ПАН *t̥ipit' 'тонкий' [Мураяма 1974^a, 111; 1974^b, 148; Бенедикт 1985, 164].

8. ПЯ *t̥unuà 'рог' (др.-яп. tunuo, RJ t̥unò) ~ ПАН *t̥uŋu' 'рог' [Мураяма 1974^a, 43; 1974^b, 152]. Не исключено в принципе и сравнение с другим австронезийским названием "рога" - *tanduk [Dempwolff 1938, 126]. Австронезийское происхождение данного японского слова можно было бы считать строго доказанным, если бы не наличие в эвенкийском языке слова *taŋŋa 'рог (оленья, лося)' (см. ТМС 2, 163), которое вполне точно соответствует японскому. Однако ввиду полной изолированности эвенкийского слова среди ТМ языков, в данном случае мы все же предпочитаем австронезийскую этимологию.

9. ПЯ *t̥anáí 'семья' (др.-яп. tane, RJ t̥ané) ~ ПАН *tanəm 'сажать (в землю)' [Мураяма 1974^b, 90, 151]. Как фонетически, так и семантически данное сближение представляется удовлетворительным; альтернативная алтайская этимология отсутствует.

Заметим, что лексикостатистическая процедура, примененная к словам из 100-словного списка, имеющим австронезийское происхождение, дает явно негативный ответ на вопрос о родстве японского с австронезийским: всего имеем шесть точных совпадений ("дерево", "желтый", "женщина", "зола", "кто", "рог"); из них два ("кто", "рог") относятся к 35-словному списку (и составляют в нем 5,7%), а четыре относятся к 65-словному списку (и составляют в нем 6,2%). Такое процентное соотношение может указывать только на факт заимствования соответствующих слов из австронезийского в японский.

К аналогичным результатам приводит общая статистика по тем 114 ПЯ базисным лексемам (114, а не 110, поскольку для некоторых слов имеется больше чем один ПЯ корень, и не всегда возможно выбрать основной из них), этимология которых разбиралась выше (с. 82-107). Среди этих 114 лексем мы имеем 81 лексему алтайского происхождения (среди них 49 с точным семантическим соответствием в одном или нескольких алтайских праязыках, и 32 лексемы без такого

соответствия, но с достаточно надежной алтайской этимологией); шесть лексем без параллелей в алтайских, но с параллелями в других ностратических языках; девять лексем с вероятной австронезийской этимологией; и 18 лексем с неустановленной этимологией.

Все вышеизложенное позволяет нам со значительной уверенностью утверждать, что японский язык относится к алтайской семье (причем внутри этой семьи он, по-видимому, больше всего сближается с корейским), а все австронезийские элементы, которые в нем обнаруживаются, являются сравнительно недавними заимствованиями, проникшими в японский язык из австронезийского субстрата.

Библиографические сокращения

- ДТС - Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 ИКД - Иванами кого дзитэн. Токио, 1974.
 КС - Нам Квань У. Коо сачжон. Сеул, 1960.
 КЧС - Кугохак чаре сонджип. Кугохакхе пхен. Т.1, Сеул, 1975.
 МССНЯ - Иллич-Свитыч В.М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. - Этимология 1965. М., 1967.
 НК - Нихонго но кэйтō. Токио.
 ОСНЯ - Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т.1. М., 1971; т.2. М., 1976; т.3. М., 1984.
 ОФУЯ - Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.
 ТМС - Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т.1. Л., 1975; т.2. Л., 1977.
 ХИ - Mostaert A. Le matériel mongol du Houa i i iu de Houng-ou (1389). Bruxelles, 1977.
 ХМ - Хун монь чахве. Сеул, 1971.
 ЭРС - Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
 ЭСРЯ - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1-4. М., 1964-1973.
 ЭСТЯ - Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т.1. М., 1974; т.2. М., 1978; т.3. М., 1980.
 ЭСЧЯ - Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
 ЮЧ - Rachelwitz I. Index to the Secret History of the Mongols (Juen tch'ao pi cheu). Bloomington, 1972.
 АКЕ - Ramstedt G.J. Additional Korean Etymologies. Ed. by Pentti Aalto. - JSOu. Helsinki, 1954.
 ДМ - Smedt A., Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les mongols

du Kansou occidental. P. III. Dictionnaire monguor-francais. Pei-p'ing, 1933.

DMC - Dyen J., McFarland C. Proto-Austronesian Etyma Constituting an Austronesian Cognate Finder List. Yale University, 1970 (цит. по [Wurm-Wilson, 1975]).

EDT - Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

JB - Дзидайбэцу кокуго дайджитэн. Дзэдайхэн. Токио, 1967.

KW - Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Aufl. 2. Helsinki, 1976.

MSzFE - A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. K.1-3. Budapest, 1967-1970.

PKE - Ramstedt G.J. Paralipomena of Korean Etymologies. Ed. by Song-moo Kho. Helsinki, 1982.

RJ - Руйдзю мэйтисе. Сисю сетэнцуки вакун сюэй. Мотидзуки Икуко хэн. Токио, 1974.

SKE - Ramstedt G.J. Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.

SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki 1955-1969.

VEWT - Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

WP - Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. Herausgegeben und bearbeitet von J. Pokorny. Bd 1-3. B.-Lpz., 1927-1932.

Литература

Баскаков, 1981 - Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.

Бенедикт, 1985 - Бенедикт П.К. Топпагути: тōнан Адзиа но гэнго кара нихонго э - хи но ками но мин но кигэн. Токио, 1985.

Бу, Лю, 1982 - Бу Хэ, Лю Чжаосюн. Баоаньюй цзяньчжи. Пекин, 1982.

Владимирцов, 1929 - Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.

Ганиев, 1984 - Русско-татарский словарь. М., 1984.

Го, 1980 - Го Минору. Папуа-го то нихонго то но хикаку кэнкю.- НК. Токио, 1980.

Дамдинсурэн-Лувсандэндэв, 1967 - Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. Т.1. Улан-Батор, 1967; т.2 Улан-Батор, 1969.

Дмитриева, 1971 - Дмитриева Л.В. Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках. - Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Дмитриева, 1979 - Дмитриева Л.В. Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. - Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.

Долгопольский, 1965 - Долгопольский А.Б. Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и сибироевропейская гипотеза. - *Этимология* 1964. М., 1965.

Долгопольский, 1969 - Долгопольский А.Б. Ностратические основы с сочетанием шумных согласных. - *Этимология* 1967. М., 1969.

Долгопольский, 1972 - Долгопольский А.Б. Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала. - *Этимология* 1970. М., 1972.

Долгопольский, 1974 - Долгопольский А.Б. О ностратической системе аффрикат и сибилантов: корни с фонемой *ʒ. - *Этимология* 1972. М., 1974.

Егоров, 1972 - Егоров В.Г. Русско-чувацкий словарь. Чебоксары, 1972.

Зарубин-Рожецкий, 1964 - Зарубин С.Ф., Рожецкий А.М. Русско-японский словарь. М., 1964.

И, 1972 - И Ки-мун. Кокуруно гэнго то соно токуте. - НК. Токио, 1980.

Иванов-Гамкрелидзе, 1984 - Иванов Вяч.Вс., Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1-2. Тб., 1984.

Иллич-Свитыч, 1963 - Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: t, d, ð. - ВЯ. 1963, N 6.

Иллич-Свитыч, 1965 - Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные *k', *k, *g. - *Этимология* 1964. М., 1965.

Иллич-Свитыч, 1968 - Иллич-Свитыч В.М. Соответствия смычных в ностратических языках. - *Этимология* 1966. М., 1968.

Канадзава, 1910 - Канадзава Седзабуро. Нитикан рёкокуто дёкэйрон. Токио, 1980 (перепечатка).

Киндайти, 1984 - Киндайти Харухико. Нихонго сого но акусэнто то Рюкю хогэн. - *Sophia linguistica*, XVII. 1984.

Клосон, 1969 - Клосон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории. - ВЯ. 1969, N 5.

Колесникова, 1971 - Колесникова В.Д. О названиях частей тела в алтайских языках. - Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Колесникова, 1972^a - Колесникова В.Д. Названия частей тела человека в алтайских языках. - Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Колесникова, 1972^b - Колесникова В.Д. К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках. - Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Колесникова, 1979 - Колесникова В.Д. О некоторых общеалтайских лексемах с семантикой "сила". - Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.

Котвич, 1962 - Котвич В. Исследование по алтайским языкам (1953). Пер. с польского. М., 1962.

Лыткин-Гуляев, 1970 - Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

- Лю, 1981 - Лю Чжаосюн. Дунсян юй цзяньчжи. Пекин, 1981.
- Магазаник-Михайлов, 1943 - Магазаник Д.А., Михайлов М.С. Русско-турецкий словарь. М., 1943.
- Мураяма, 1971 - Мураяма Ситирō. Гэнси нихонго но сүси ита (1) ни цуйтэ. Кокугогаку 86, 1971.
- Мураяма, 1973 - Мураяма Ситирō, Обаяси Тарē. Нихонго но кигэн. Токио, 1973.
- Мураяма, 1974^a - Мураяма Ситирō. Нихонго но гогэн. Токио, 1974.
- Мураяма, 1974^b - Мураяма Ситирō. Нихонго но кэнкиō хōхō. Токио, 1974.
- Мураяма, 1975 - Мураяма Ситирō. Кокугогаку но гэнкай. Токио, 1975.
- Мураяма, 1981^a - Мураяма Ситирō. Нихонго но кигэн о мэгуру ронсō. Токио, 1981.
- Мураяма, 1981^b - Мураяма Ситирō. Рюкиōго но химицу. Токио, 1981.
- Мураяма, 1983 - Мураяма Ситирō. Гэнси арутайго но боон но нагаса но нихонго ни окэру reflex.- Кёто сангё дайгаку кокусай гэнго кагаку кэнкиōдзе сехō, 5, 1983.
- Мураяма, 1984 - Мураяма Ситирō. Нихонго то канкогу то но но канкэй. Атарасий апурибути но кокороми, Эгоносу 24, 1984.
- Мураяма, 1985 - Мураяма Ситирō. Нихонго но хикаку кэйтиронгэки кэнкиō. Handout, Токио. 1985.
- Новикова, 1971 - Новикова К.А. К этимологии названий собаки в тунгусо-маньчжурских языках. - Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.
- Новикова, 1975 - Новикова К.А. К истории и этимологии названий лошади в алтайских языках. - Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975.
- Новикова, 1979 - Новикова К.А. Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках. - Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
- Номура, 1959 - Номура Масаеси. Монгуору хōгэн но тёбоон то гэнмōкого ни окэру тёбоон но канбсэй ни цуйтэ. Нагоя, 1959.
- Одзава, 1968 - Одзава Сигэо. Кодай нихонго то тiōсэй монгуруго - соно дзяккан но танго но - хикаку кэнкиō. Токио, 1968.
- Оно, 1953 - Оно Сусуму. Нихонго то тёсэнго то гои но хикаку ни цуйтэ но сёкэн. - НК. Токио, 1980.
- Оно, 1957 - Оно Сусуму. Нихонго но кигэн. Токио, 1957.
- Петрова-Бугаева, 1971 - Петрова Т.И., Бугаева Т.Г. Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак "красный" в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках. - Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971.
- Поливанов, 1960 - Поливанов Е.Д. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. - Проблемы востоковедения. 1960,

№ 3.

Рамстедт, 1951 - Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. Пер. с англ. А.А.Холодовича. М., 1951.

Рамстедт, 1957 - Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Пер. с нем. Л. С. Слоним. М., 1957.

Решетов и другие, 1957 - Решетов В.В., Шатого Н.Е., Ильязов Б.А., Иванов А.Г., Амиров Г.А. Русско-узбекский словарь. Таш., 1957.

Рясянен, 1955 - Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Пер. с нем. А. А. Юлдашева. М., 1955.

Сводеш, 1965 - Сводеш М. Лингвистические связи Америки и Евразии. - Этимология 64. М., 1965.

Старостин, 1972 - Старостин С.А. К проблеме реконструкции пра-японской фонологической системы. - Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (предварительные материалы). М., 1972.

Старостин, 1975 - Старостин С.А. К вопросу о реконструкции пра-японской фонологической системы. - Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.

Старостина, 1975 - Старостина Т.В. Акцентуационные системы японских диалектов. Дипломная работа. М., 1975.

Сыромятников, 1970 - Сыромятников Н.А. Теория изосемантических рядов и родственных корней как необходимые методы для этимологии японского языка. - Studies in General and Oriental Linguistics Presented to Shirō Nattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Токио, 1970.

Сыромятников, 1971 - Сыромятников Н.А. Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках. - Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Умэда, 1971 - Умэда Хироюки. Гэндай тэсэнго кисо гои сю. Токио, 1971.

Усатов и другие, 1951 - Усатов Д.М., Мазур Ю.Н., Моздыков В.М. Русско-корейский словарь. М., 1951.

Фудзивара, 1979 - Фудзивара Акира. Нихонго но кисо дōси но кигэн. - НК. Токио, 1980.

Хаттори, 1959^a - Хаттори Сирō. Мōко сого но боон но нагаса. Гэнго кэнкю, 1959, N 36.

Хаттори, 1959^b - Хаттори Сирō. Нихонго но кэйтō. Токио, 1959.

Хаттори, 1978 - Хаттори Сирō. Нихон сого ни цуйтэ - Гэнго, Т.7, N 1 (1978); т.8, N 12 (1979).

Хелимский, 1985 - Хелимский Е.А. Происхождение древнетюркского чередования г ~ з и дилемма "ротацизма/зетацизма" (в печати).

Хираяма, 1960 - Хираяма Тэруо. Дзэнкоку акусэнто дзитэн. Токио, 1960.

Хираяма, 1964 - Хираяма Тэруо. Рюкю сэнто хōгэн но кэнкю. Токио,

1964.

Хираяма, 1966 - Хираяма Тэруо. Рюкю хөгэн но сөгтэки кэнкю. Токио, 1966.

Цинциус, 1949 - Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.

Цинциус, 1965 - Цинциус В.И. Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов Крайнего Севера. - Уч. зап. ЛГПИ. Т. 269. Языки и фольклор народов Крайнего Севера. Л., 1965.

Цинциус, 1972 - Цинциус В.И. К этимологии алтайских терминов родства. - Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Цинциус, 1982 - Цинциус В.И. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л., 1982.

Цинциус, 1984 - Цинциус В.И. Этимология алтайских лексем с анлаутными придыхательными смьчными губно-губным *р' и заднеязычным *к'. - Алтайские этимологии. Л., 1984.

Чжаонасыту, 1981 - Чжаонасыту. Дунбу юйгу-юй цзяньчжи. Пекин, 1981.

Чжун, 1982 - Чжун Сучунь. Давоэр юй цзяньчжи. Пекин, 1982.

Щербак 1970 - Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак, 1981 - Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (глагол). Л., 1981.

Ямада, 1954 - Ямада Есио. Нара-тё бумпё-си. Токио, 1954.

Ямамото, 1969 - Ямамото Кэнго. Мансёго кёго киси гои сё. Токио, 1969.

Bang-Gabain, 1930 - Bang W., Gabain A. von. Türkische Turfan-Texte III. - SPAW, 1930, XIII.

Benzing, 1955 - Benzing J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1955.

Bouda, 1953 - Bouda K. Dravidisch und Uralaltaisch. - UAJb. Bd XXV, H.3-4, 1953.

Chew, 1969 - Chew John J.Jr. Review of Miller 1967 - Language 45, 1969.

Collinder, 1955 - Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.

Dempwolff, 1938 - Dempwolff O. Austronesisches Wörterverzeichnis. B., 1938.

Doerfer, 1963 - Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neopersischen. Bd I - 1963, Bd II - 1965, Bd III - 1967. Wiesbaden.

Elkins, 1974 - Elkins R.E. A Proto-Manobo Word-list. Honolulu, 1974 (цит. по [Wurm-Wilson, 1975]).

Gombocz, 1905 - Gombocz Z. Az altaji nyelvek hangtörténetéhez - NyK. XXXV, 1905.

Gombocz, 1912 - Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in

der ungarischen Sprache. Helsingfors, 1912.

Joki, 1952 - Joki A.J. Die Lehnwörter des Sajjan-Samojedischen. Helsinki 1952.

Kawamoto, 1977 - Takao Kawamoto. Toward a Comparative Japanese-Austronesian I. - Bulletin of Nara University of Education. Vol. 26, N 1, 1977.

Kawamoto, 1981 - Takao Kawamoto. Proto-Oceanic Paradigms and Japanese. - Bulletin of Kyoto Sangyo University. Vol. 11, N 4, 1981.

Kotwicz, 1939 - Kotwicz W. Les elements turcs dans la langue mandchoue. - RO. T. XIV. Lwow, 1939.

Lessing, 1960 - Lessing F.D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley - Los-Angeles, 1960.

Li, 1972 - Li P.J.K. On Comparative Tsou. - Working Papers in Linguistics 4/8. Honolulu, 1972.

Martin, 1966 - Martin S.E. Lexical Evidence Relating Korean to Japanese. - Language. Vol. 42, N 2, 1966.

Miller, 1967 - Miller R.A. Old Japanese Phonology and the Korean-Japanese Relationship. - Language. Vol. 43, N 1, 1967.

Miller, 1971 - Miller R.A. Japanese and the other Altaic Languages. Chicago-London, 1971.

Miller, 1981 - Miller R.A. Review of "Nihongo no keito". - Bulletin of Kyoto Sangyo University. Vol. 11, N 4, 1981.

Miller-Street, 1975 - Miller R.A., Street J. Altaic Elements in Old Japanese. P. 1. Madison, Wisconsin, 1975.

Murayama, 1966 - Murayama Shichirō. Mongolisch und Japanisch: ein Versuch zum lexicalischen Vergleich. - Collectanea Mongolica. Wiesbaden, 1966.

Murayama, 1976 - Murayama Shichirō. The Malayo-Polynesian Component in the Japanese Language. - The Journal of Japanese Studies. Vol. 2, N° 2. Wash., 1976.

Pelliot, 1925 - Pelliot P. Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. - Journal asiatique. P., 1925.

Pelliot, 1944 - Pelliot P. 'Shirolgha-Shiralga'. - TP 37, 1944.

Poppe, 1960 - Poppe N. Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen. T. 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.

Pritsak, 1954 - Pritsak P. Mongolisch yisün 'neun' und yiren 'neunzig' - UAJb. XXXVI, 3-4, 1954.

Ramsey, 1977 - Ramsey S.R. The Old Kyoto Dialect and the Historical Development of Japanese Accent.

Ramstedt, 1923 - Ramstedt G.J. Frage nach der Stellung des Tschuwasischen. - JSFOu. XXXVIII, 1922-1923.

Ramstedt, 1928 - Ramstedt G.J. Remarks on the Korean Language. - MSFOu, 58, 1928.

Ramstedt, 1957 - Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.

- Räsänen, 1955 - Räsänen M. Uralaltaische Wortforschungen. Helsinki, 1955.
- Rosen, 1974 - Rosen S. A Study on Tones and Tonemarks in Middle Korean. Stockholm, 1974.
- Sato, 1978 - Sato P.T. Middle Chinese kâi:he contrast and Old Japanese o-coloured vowels. Tokyo, 1978.
- Schmidt, 1923 - Schmidt P. The Language of the Negidals. - Acta Universitatis latviensis. Vol. V. Riga, 1923.
- Sinor, 1923 - Sinor D. "Urine" - "Star" - "Nail". - JSFOu 72. Helsinki, 1973.
- Sinor, 1974 - Sinor D. Uralo-Tunguz Lexical Correspondences. - Researches in Altaic languages. Budapest, 1974.
- Street, 1978 - Street J. Altaic Elements in Old Japanese. P. 2. Madison, Wisconsin, 1978.
- Street, 1981 - Street J. Remarks on the Phonological Comparison of Japanese with Altaic. - Bulletin of Kyoto Sangyo University. Vol. 11, N 4, 1981.
- Tsutomu, 1976. - Tsutomu Rai. The Shoomyoo Hymns of Japanese Buddhism and the History of Chinese Tones. - Genetic Relationship, Diffusion and Typological Similarities of East & Southeast Asian languages. Tokyo, 1976.
- Wurm-Wilson, 1975 - Wurm S.A., Wilson B. English Finderlist of Reconstructions in Austronesian Languages (post. Brandstetter). Sydney, 1975.
- Zorc-Charles, 1971 - Zorc A.D., Charles M. Proto-Philippine Finder List. N.Y., 1971 (цит. по: [Wurm-Wilson, 1975]).